

**Олег Яковлев
Владимир Торин**
Там, где фальшивые лица
Серия «Хроники разбитого зеркала», книга 3

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633295
Там, где фальшивые лица: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50123-6*

Аннотация

Нелегкие испытания выпали на долю охотника за сокровищами гнома Дори Рубина, бывшего сотника Логнира Арвеста и благородного графа Ильдиара де Нота. Когда на Город Без Лета обрушились орды гоблинов, на его защиту плечом к плечу с людьми встали гномы, вампиры и оборотни. Настал день великой битвы...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Владимир Торин, Олег Яковлев

Там, где фальшивые лица

Посвящается моему брату Энну
Владимир Торин

Всем, кого я люблю
Олег Яковлев

Десятки маленьких осколков разбитого зеркала встают на свои места. Кое-кто подбирает их с пола, режет себе в кровь пальцы, но снова и снова упрямо вставляет их в опустевшую раму. Многие кусочки не подходят, ведь на свое место встанет лишь тот, который нужен именно здесь, тот, у которого края совпадают с краями его собратьев, уже стоящих рядом. Это дело не для ленивых, задача для внимательных, но особенно она предназначена тем, кто любит всегда видеть целостность какой-либо картины. Кто любит понимать ее суть и смысл, ведь понимание – самая важная вещь в нашей жизни: если вы понимаете, то вам становится легче, быть может, не так страшно, но точнее всего – невероятно интересно.

Итак, нужный осколок вложен на свое место после, наверное, тысяч отброшенных, неподходящих и лишних. А у вас в руках еще один, в нем вы видите собственное отражение, кусочек себя, но в одном-единственном осколке вы никогда не разглядите себя полностью. Вставьте его в раму, к его собратьям, и вы приблизитесь еще на один шаг к своей цели – пониманию... А тем временем из сумрачного зазеркалья на вас глядит множество незнакомых лиц, ежесекундно меняющих очертания. Кто поймет, какое из них истинное, а какое – лишь фальшивая маска?

Пролог

Фальшивые лица

Седой старик в плаще с оторочкой из лисьего меха покинул кресло и подошел к окну. Ночное небо швыряло о землю молнии, а дождь лил с такой силой, что казалось, будто весь лес кругом уже утонул в нем, в то время как присутствующим здесь очень повезло оказаться под надежной защитой черепичной крыши высокой башни. Старик отпил из кубка, после чего окунул в вино пальцы и провел ими по стеклу. Кровь и вино! Как же они похожи! Одинаково багровые, такие пьянящие...

Маг продолжал рассказывать историю. Его ученик по имени Арит не упускал ни единого слова, старательно записывая удивительное повествование на длинный, кажущийся бесконечным свиток. Волшебное перо само бегало по бумаге от строчки к строчке, застывая лишь на то время, когда волшебник останавливался – перевести дух.

– Помнится, все закончилось на последнем Коронном Совете в Гортене. А пока же в Тириахаде...

– Нет, – грубо перебил его гость в лисьем плаще.

На него удивленно уставились все: сам рассказчик, его послушник и демоненок в клетке, стоявшей на одном из столов в комнате; даже перо недоуменно склонилось к нему.

– Что «нет»? – спросил маг.

– Случившееся в Тириахаде, если мне не изменяет память, происходило несколько позже. Сперва нужно рассказать о другом, не менее важном... На далеком севере, среди заснеженных лесов, происходили не менее трагические события.

– Ты прав, друг мой. – Волшебник кивнул, разглаживая неаккуратные складки на рукавах своей темно-синей мантии. – Но нужно также рассказать и о столице, упомянуть обо всех фальшивых лицах.

– О ком? – не понял Арит, на лице мальчишки было написано недоумение.

– Мой юный друг, фальшивыми лицами принято называть тех людей, кто большую часть собственной жизни прикидывается кем-нибудь другим, – ответил ученику мага гость башни. – Сперва они надевают маски, образно говоря, конечно. Прячутся под чужой личиной, скрываются, шпионят, вынюхивают и вызнают чужие тайны. Но потом маска так крепко прирастает к лицу, что уже неизвестно, где какие черты, где какой характер, кем именно являлся когда-то этот человек. Я никогда не любил таких людей, но в смутные дни, о которых идет речь, они окружали каждого из нас, каждого, кто имел глупость держать лишь свой стяг, открыто показывая друзьям и врагам свой истинный облик. От моего недовольства, к сожалению, фальшивых лиц не становилось меньше. Наоборот. Чувство постоянного риска, азарт, дрожь в руках, холодок по спине – были такие, кто не мог без всего этого жить. И как поется в старой балладе: «Больше, чем жизнь, они любили такие игры...»

– О, сколько же их было! Служивших сотням разных господ или лелеющих свои собственные цели, – невесело усмехнулся маг. – Чем хуже шли наши дела, тем больше становилось таких людей. Ведь бить в спину всегда легче, нежели выступить против в открытую. И продолжение истории повествует именно о них, меняющих маски, использующих чужие обличья. Скрытность – их образ жизни, обман – их лучший и единственный друг. Ну что, ты готов слушать дальше, Арит?

– Я слушаю, Учитель.

Волшебник продолжил рассказывать, и шустрое перо вновь суетливо забегало по стелящейся вниз бумаге.

Глава 1

Охотники за сокровищами

*Ты слепо глаза закрываешь,
Хоть невзгоды и скалят клыки,
В мечтах себе представляешь,
Как срываешь с сокровищ замки.
Но уйдешь далеко, а от дома вдали,
Так ли будет куш твой хорош?
Лишь усталость в глазах, лишь опасность в пути,
Злая смерть и один медный грош!*

**Баллада о кладоискателях.
Неизвестный автор**

Гном надел тапочки. В левой тут же раздался противный полупридушенный писк. Гном, громко ругаясь, вытащил ногу из тапки, вытряхнул оттуда наглую мышь, что залезла погреться, и вновь нацепил ее на ногу. Тапочки... такие мягкие и теплые, нагретые у камина. Кряхтя, он поднялся из кресла, поставил дымящуюся трубку на резную подставку в виде изгибающей хвост рыбы и направился к двери. Уютную, полутемную комнату, где все было столь дорогим его сердцу и знакомым, совсем не хотелось покидать, но настойчивый стук (или грохот, если быть точнее) во входную дверь не оставлял иного выбора. Гном накинул поверх рубахи кафтан и вышел в коридор. На лестнице было темно, из-под двери напротив не лился свет – Мэри уже легла спать, и ему пришлось вернуться и прихватить с собой подсвечник, чтобы не сломать себе шею на скособоченных ступенях.

– Да иду я, иду, – раздраженно проворчал бородач в ответ на непрекращающийся назойливый шум, что рвался под вечер в его мирную обитель.

Неторопливо спустившись по лестнице и явно не ожидая всех тех жутких и необратимых последствий, что в скором времени должен был принести ему с собой припозднившийся посетитель, гном оказался в небольшой прихожей. Несколько раз повернул ключ в замочной скважине и распахнул дверь, впуская в дом порыв прохладного ветра и истошное кошачье завывание.

На пороге стоял, лениво облокотившись о косяк, невысокий оборванец с явным клеймом пренебрежения к собственному внешнему виду и, похоже, без каких-либо средств к существованию. Являл он собой довольно непритязательный вид: на плечах – помятый серый плащ с истрепанными полами, края капюшона, низко надвинутого на лицо, явно кто-то долго грыз, а большой дорожный мешок за спиной походил на уродливый горб. Сказать, что этот бродяга видал виды, значило не сказать ровным счетом ничего. Только облезлые бездомные псы, наверное, могли бы соперничать с ним в своей ободранности и невзрачности, да и пахло от него не лучше.

Тем не менее пройдоха что-то лениво и беззаботно насвистывал себе под нос, ожидая, когда же хозяин дома сам к нему обратится. Наглец! И из-за этого негодяя пришлось встать с любимого теплого кресла и тащиться на холод?!

– Чем обязан? – со злостью в голосе спросил гном, пытаясь высветить из темноты лицо незнакомца. Сумерки уже настолько сгустились, что нельзя было ничего разглядеть.

– В этом ли доме проживает гном Дори из Грон-Каррага, как здесь написано? – хрипло справился обладатель грязного серого плаща, нагло ткнув пальцем в табличку: *«Старый город. Морис, 13. Мэри Уинтерботом, портниха. Дори из Грон-Каррага, гном»*.

– Нищим не подаем! – вместо ответа «доброжелательно» рыкнул хозяин. – Пойди в гильдию, может, там приютят?

– Это у Глойна-то? – засомневался бродяга совершенно другим голосом, звонким, как разбивающийся бокал, – вся хрипота разом куда-то исчезла. – И тебе не жаль заживо отдавать в его скрюченные жадные лапы старого доброго знакомого?

Поднеся свечу к самому лицу пройдохи и рывком откинув его капюшон, Дори тут же узнал в припозднившемся госте своего лучшего друга. Свеча вырвала из темноты недоброе, худощавое лицо с лукавыми зелеными глазами, большим носом картошкой и торчащей во все стороны нечесаной каштановой бородой.

– Ангар! Что ты здесь?.. Но как?.. – Дори был ошеломлен.

– Дружище!

Хозяин и его гость сжали друг друга в объятиях.

– Проходи, проходи скорее! Как я рад тебе, Непутевый!

Бродяга скользнул в дом, при этом не преминув бросить взгляд по сторонам – не следит ли кто? И, уж конечно, он ничуть не подумал обидеться на то прозвище, которым одарил его Дори.

Ангар, сын Стира, был тем, кого гномы называют «Дортан», что на языке ронстрадцев значит «ветренная голова» или, собственно, «непутевый». Это имя ему было дано за непреодолимую тягу к приключениям и золоту, и чем больше того и другого – тем лучше. Помимо всего прочего, Непутевый имел склонность полностью закрывать глаза на риск и безжалостно убирать все преграды со своего пути при помощи ножа и веревки, что никогда не служило ему самому во благо. К началу описываемых событий Ангару было сто два года – возраст, по меркам гномов, совсем еще «несерьезный», и, сказать по правде, Дортан так и остался в душе ребенком, беспечным и неугомонным.

Если говорить о прозвищах, то и Дори был обладателем одного. Уже двести с небольшим лет его называли Рубином, и кто бы ни спрашивал этого гнома, почему его так кличут, любопытствующий никогда не получал ответа: он или отмалчивался, или менял тему. Благоразумный и основательный Дори являлся абсолютной противоположностью бесшабашному Непутевому. Это был твердый, непреклонный Нор-Тегли, про которых говорят, будто они знают пути воронов, то есть повидали за свою жизнь много чего такого, что остальные могли бы увидеть лишь на гравюрах. Ангар хорошо понимал, что без друга, который, казалось, только тем и занимается, что вытаскивает Непутевого из различных неприятностей, его легкомысленные кости давно бы уже обглаживали волки в каком-нибудь заброшенном горном ущелье или диком лесу. Помимо того, лишь Дори удерживал Дортана от поистине отвратительных поступков. Скажем, Ангар, не задумываясь, хватался за нож в тех ситуациях, когда прекрасно можно было обойтись словами. Он запросто мог сгоряча отправить кого-нибудь на тот свет, взорвать пещеру с уже почти обретенным кладом, обрушить лавину или, как это бывало прежде, ужасно сглупить в самый ответственный момент и произнести невинным тоном: «Ой! Что же я натворил, Дори!» И при этом он искренне считал, что ничего такого особенного и не случилось. Безжалостность в его душе слилась с уверенностью в собственной абсолютной непогрешимости. Проще говоря, Ангар был не из тех друзей, на кого можно положиться...

Дори жил в Гортене, в Старом городе, в каких-то двух кварталах от внутренней стены. Их с Мэри небольшой двухэтажный дом для него только в последнее время стал надежным прибежищем, ведь появлялся он в нем не так уж часто – в былые времена гном подолгу пропадал в странствиях со своим неугомонным другом.

Сейчас прошло около пяти лет после их последнего предприятия, по секрету будет сказано, закончившегося полным крахом. Тогда Дори вернулся в Гортен без единого золотого в кошельке, и ему пришлось целых три месяца отрабатывать деньги, взятые займы у злого старика Глойна, главы гномьей торговой гильдии в Ронстраде. После этого он так и остался простым трудягой-купцом в Сообществе Свободных. Не сказать, что работа была ему по вкусу, но что тут поделаешь?.. За последнее время Рубин пообжился в столице, добрая соседка Мэри делала для него закупки на рынке и варила чудесные супы, и все странствия бывшего охотника за сокровищами теперь ограничивались лишь походом к внутренней стене да на пригородную ярмарку. После возвращения домой Дори Ангара не видел – тот как в штольню провалился – ни слуху ни духу. И вот тебе на! Берет и является так же неожиданно, как снижение королевских пошлин.

Время шло к ночи, и город озарился множеством уютных огоньков. Друзья попивали крепкий эль, а вскоре должны были поджариться и куриные ножки. Перед тем как приступить к еде, Ангар привычно сжевал припрятанный листик бузины – так учила его бабушка, особа весьма суеверная. Дори давно уже перестал обращать внимание на эту странную привычку. Бузина, по мнению старухи, непременно защищала от сил зла и различных ядов. Знакомый с этим пройдохой много лет Рубин даже не представлял, что должно случиться, чтобы Непутевый хоть раз забыл сжевать заветный листочек перед едой.

Они ужинали и предавались воспоминаниям, когда Ангар Дортан достал из потайного отделения на широком поясе потертый пергамент.

– И что же это такое? – Дори удивленно смотрел на развернутый свиток, который Ангар не замедлил ткнуть ему под самый нос. Бумага была девственно чиста, если не считать нескольких жирных пятен и отпечатков чьих-то толстых пальцев. Гном уже начал строить предположения, что именно сейчас показывает ему его друг, но каждая новая версия казалась хуже предыдущей...

– А ты не догадываешься? – широко улыбнулся Непутевый, при этом показалась черная прогалина на месте выбитого переднего зуба. – Это наш клад...

– Дрикх Великий, неужели опять?! – Дори возвел глаза за неимением неба к потолку. – Неужели ты забыл о прошлом кладе? Уточню: *предполагаемом* кладе. И о том огромном тролле, что его охранял. Кто же в этот раз? Великан или кто побольше? – Гном был сильно раздосадован: он уж и запомнил, что его друг не из тех, кто учится на собственных промахах и ошибках...

– На этот раз все проверено... – убежденно заверил друга Непутевый. – Ты не зеленей раньше времени, Дори, а то, глядишь, и борода плесенью от злости покроется. Хе-хе...

Рубин нахмурился: его рыжая, с некоторым оттенком медного, борода, расчесанная волосок к волоску, собранная вместе и перевязанная золотыми нитями, была едва ли не единственным богатством не слишком удачливого охотника за сокровищами. Как и большинство его сородичей, гном не любил шуток про свою бороду.

– Я тут просто подумал, что ты уже достаточно... – начал было Ангар, но тут же замолк, когда в какой-то миг вдруг резко открылась дверь их комнаты. Нор-Тегли вздрогнули от неожиданности. Дори поднялся с кресла и подошел к двери, выглянул в коридор. Там было темно и тихо.

– Кто там? – Ангар выглянул из-за плеча друга, закрывая собой свиток, чтобы невзначай кто-нибудь не увидел его главное достояние.

– Никого... Странно, я думал, это Мэри, но она обычно стучит...

– Ууу... Это жууткий призрак стааарого Гроооха пришел по твою дууушу, Дооори, – провыл, будто привидение, улыбающийся до ушей Непутевый.

– Да ладно тебе, Ангар. – Рубин захлопнул дверь. – Мы Гроха закопали так глубоко, что он никогда не выберется из своей могилы.

– Да, его наследство, помнится, доставило всем уйму хлопот, однако ловчее нас никого не оказалось...

Дори подошел к окну. На улице совсем стемнело, стражники зажгли фонари, прохожие исчезли, а из трактира неподалеку, как обычно, доносился нетрезвый гул.

– Никогда мне не нравился этот город, – проследил за взглядом друга Ангар. – Двери, открывающиеся сами собой, глупые таблички с непременным упоминанием «Старый город» – как будто не знаешь, где находишься, да и чванливость здешних бедняков не может не поражать – мнят себя чуть ли не особами королевских кровей, а все из-за того, что живут в столице!

Вдруг прямо из ночи, будто отделившись от нее, на подоконник взобрался потрепанный черный кот. Он громко мяукнул и, выгнув спину подковой, подставил мордочку под ласковый палец гнома.

– Еще и коты! – негодуя воскликнул Ангар. – Я уже сказал тебе на улице, маленький черный мерзавец, чтобы ты убирался прочь!

– Не пугай звереныша, Непутевый, – заступился за кота Дори.

– Я уже угостил его пинком, когда он начал обнюхивать мои сапоги на твоем пороге, так он сейчас еще раз получит! – На лице гостя появились злость и страх. Он до жути боялся черных котов, больше, наверное, чем всех диких троллей, вместе взятых. – Выкинь его в окно, Рубин!

– Ни за что! Это любимец Мэри! Как ты вообще посмел тронуть Славного Паренька?!

– Славного Паренька?! – расхохотался Ангар. Показавшееся ему нелепым имя животного настолько развеселило гнома, что суеверная боязнь растаяла.

– Его так зовут...

Кот неожиданно дернулся, будто его кто-то дернул за хвост.

– Эй, что это с тобой, малыш?

Славный Паренок спрыгнул с подоконника в комнату и бросился к углу, где все место занимала большая кровать хозяина дома. Зверь встал перед ней, широко расставив лапы и выпустив когти, и начал громко шипеть. Его уши прижались к голове, а шерсть вздыбилась, в то время как длинный смолистый хвост начал рывками дергаться из стороны в сторону.

– Да мышь, должно быть, забежала на огонек... – предположил Непутевый. – Вышвырни его за дверь.

Дори заглянул под кровать – наглого непрошеного грызуна он там не увидел. Когда гном изловчился и схватил царапающегося кота за загривок, его сознание вдруг кольнула мысль, что он в этот миг упустил нечто важное... Ну да ладно... Хозяин дома пообещал себе задуматься над этим вопросом позже, если не забудет.

Принявшийся странно беситься и истошно мяукать кот оказался за дверью, Рубин вновь уселся в свое кресло.

– Экий мерзавец, еще и воет, – поморщился Ангар. – Всегда не любил этих тварей.

– Может, вернемся к нашему делу? – напомнил о сути разговора Дори. – Мне интересно, кем все проверено на этот раз? И как ты вообще узнал об этом кладе?

– Шпионы и тайны, – многозначительно хмыкнул Ангар и опорожнил одним глотком кружку.

– Понятно, – тяжело вздохнул хозяин дома. – Снова в кости выиграл карту у «проверенного» гоблина?

Ангар громко икнул и расхохотался. Но Дори было совсем не до смеха: он прекрасно помнил, как тот длинноносый мерзавец уверял их, что в предполагаемом месте кроются утерянные богатства легендарного вора Мирти Ловкой Руки. Гоблин с честнейшим видом тыкал в карту, указывал легчайшие подступы, предупреждал о возможных опасностях... Зеленый ублюдок! На самом же деле оказалось, что в той пещере живет огромный горный тролль.

Испробовав множество способов выкрасть сокровища, им все же удалось заманить – что стоило огромного труда! – тролля в ловушку. Сундук в опустевшей пещере действительно присутствовал, но он был совершенно... пуст! На дне его сиротливо лежала небольшая бумажка, исписанная гномьими рунами. Содержание было примерно таким:

«Попались, глупые бороды! Привет вам от Зорка (того самого гоблина, что рассказывал им о кладе!). Что, ловко старина Зорк вас провел? Истинно говорят, что тупее гномьих чурбанов не сыскать никого. Пока вы тратили время на эту каменюку-тролля, Зорк ловко проник в пещеру и освободил пленное золото. Что ж, теперь вам остается лишь сожрать бороды друг друга от досады и вечно вслушиваться в звон упорхнувшего золотишка. Вы можете только пускать слюни, представляя себе, сколько всего здесь было... Прощайте, и желаю вам поубивать друг друга от злости... Ваши лучший друг, Зорк Ловкая Рука».

– Забудь, – смакуя воспоминания, хохотал Ангар, – это ведь была лишь шутка!

– Как же, шутка! – зло сверкнул карими глазами Дори. – Ты не знаешь, сколько мне пришлось потом искать зеленого... Как выяснилось, он успел просадить все наше золото в различных кабаках, пока я его не нашел. Тварь.

– Правда? – посерьезнел Непутевый. – Этот момент как-то от меня ускользнул. И что же ты сделал с беднягой? Отпустил? – Зная характер своего друга, Ангар в этом очень сильно сомневался.

– Видишь ту голову над притолокой? Лучшее украшение моей комнаты!

Непутевый вскочил с кресла, взял со стола подсвечник, поднес его к двери. Желтые отблески вырвали из полумрака комнаты длинноносую и длинноухую голову. Не может быть! Знакомый профиль! Давешний гоблин! На роже застыло выражение непередаваемого страха, глаза выпячены, острые желтые зубы оскалены, язык вывалился изо рта так, будто гоблина сперва долго душили, прежде чем отрезать голову.

– Бедняга... Зачем же так жестоко?!

– А как он с нами поступил? Подлец еще смел сопротивляться. – Дори ткнул себя в левую скулу, где белел тонкий изогнутый шрам. – Ладно, оставь ты этого мерзавца, лучше скажи, откуда у тебя новая карта? Нашел в какой-нибудь таверне?

– Нет-нет, – поспешно заверил Ангар, вернувшись за стол и уже начисто позабыв о гоблине. – Я раздобыл ее с огромнейшим трудом. Ты бы знал, чего мне это стоило! Пришлось шпионить и выznавать, все проверять и перепроверять, а после хорошо помотаться по родным горам и землям людей.

– Не то чтобы мне было очень интересно, но где же находится этот клад? – Дори повертел в руках безмолвный свиток. – Снова в казне гоблинского короля, как в позапрошлый раз?

Да, эта история незабываема. Каких трудов стоило попасть в подземелья Дорза Кривоzubого, короля Гаручей – мерзейшего, надо признать, существа. Но еще больше сил пришлось приложить, чтобы выбраться оттуда с гоблинскими богатствами, а гоблины, как известно, не из тех, кто добровольно расстается со своим золотом. Запутанные подземные ходы, безумные схватки с обзленными длинноносыми карликами, да еще и тяжеленные мешки с казной Гаручей за плечами, которые в конечном итоге пришлось скрепя сердце все-таки бросить... Воспоминаний хватило бы на целый сундук, но, увы, были они не слишком приятными.

– Ты что?! То была ошибка, я за нее лично поплатился – вся спина и плечи в шрамах от стрел этих треклятых злобных мерзавцев.

– Тогда что? – Дори почесал бороду. – Всегда ведь есть подвох: или наложенное различными неравнодушными личностями проклятие, или сами эти неравнодушные личности, или шиш, а не клад...

– Ну-у... – промычал Ангар, но, увидев требовательный взгляд Дори, был вынужден признаться: – Есть вероятность, что его охраняют...

– Кто? Орден светлых паладинов? – расхохотался было Рубин, но, увидев мрачный вид друга, посерьезнел: с Непутевого еще станет посягнуть на паладинское золото.

– Да ничего особенного, всего лишь... дракон. – Ангар опустил взгляд. – Это как в старой сказке, помнишь? «Дракон есть, но его как бы нет. Дракона нет, но он как бы есть»...

У Дори от удивления просто отвисла челюсть. Но он быстро пришел в себя, после чего встал со стула, подошел к двери и открыл ее для товарища.

– Тебе пора, Ангар. И, спускаясь по лестнице, не топай своими сапогами, Мэри уже легла спать: разбудишь – несдобровать обоим.

– Что? – ошарашенно спросил Дортан. – Ты меня выгоняешь?

– Дракон, Ангар, дракон! – громко зашептал Дори, чтоб не разбудить Мэри. – У тебя совсем мозги в золото переплавились?

– Постой-ка, – запротестовал гном, сделав на лице выражение абсолютной невинности, что у него не слишком-то вышло, учитывая шесть выпитых кружек турбургского эля, – я ведь сказал: «есть вероятность», то есть это еще не факт, что там будет дракон...

– Факт, что их там будет стая?! Зная тебя, можно с уверенностью предположить...

– Да какая стая, Рубин? Ты что? Давно ты видел стаю драконов?

– С позапозапрошлого раза, – хмуро напомнил Дори.

– Ах да...

– Покажи-ка мне карту... – потребовал хозяин, вновь закрывая дверь. – С чего ты вообще взял, что там может быть дракон?

– Там есть руна «Крис», обозначающая присутствие кого-нибудь из древнего крылатого племени. И «Роэк» – совет не соваться. – Ангар протянул Дори чистый свиток.

– Смешно, – нахмурил мохнатые рыжие брови Рубин. – Что надо говорить, чтобы карта проявилась?

Дортан набрал в легкие побольше воздуха и таинственно начал:

Снег перевалов, пещеры и горы,
Дорогу откройте в тайные норы!
Золота блеск под землею живет.
Дремлет и ждет, пока кто-то придет.
Нет таких кладов, что мы не отроем.
Нет тех сокровищ, что мы не присвоим...

– Что за чушь? – перебил его Дори. – Ты знаешь нужное заклятие?

– Ладно, – вздохнул Ангар, которому не дали как следует проявить свой талант барда. – Тайные слова: «*Аззарах ур Г'арах*».

– «Кровь на снегу» по-гоблински? Тебе не кажется это слегка странным и... – Дори вдруг умолк – на чистом пергаментном свитке начали вырисовываться синие руны указаний, штрихованные линии трактов, красные точки ключевых мест, стали проступать леса и горы, поселения людей, гномов и гоблинов. Пещеры и скалы, тропы и перевалы. Алая штрихованная линия – нужная дорога – вела на север...

– Хребет Тэриона? – спросил Дори и, увидев утвердительный кивок друга, продолжил: – Что ж, это не так уж и плохо. Ледяные драконы, как известно, менее жадные, чем их огне-

дышащие собраты. Полагаю, они не будут против поделиться с нами своим золотишком, – беспечно пошутил Рубин, – все знают, что драконы Тэриона уже тысячу лет как перевелись.

– Вот и я о том же, – усмехнулся Ангар. – Так что, ты в деле?

– Я принимаю участие в предприятии лишь с одним условием...

– Слушаю, что же ты замолчал? – в нетерпении пыхнул трубкой Ангар.

– Все приготовления к походу я беру на себя. И сам набираю компаньонов...

– Но...

– И главным тоже буду я. А ты будешь слушаться. Это избавит тебя от различных глупостей, вроде прыгания с отвесных утесов и открывания сундуков без основательной проверки на скрытые ловушки и проклятия.

– Как понял, выбора у меня нет?

– Выбор есть всегда: ты можешь отправляться в одиночку... Ткнешь дракону секирой в брюхо, он в ответ погладит тебя коготками. Вы подружитесь... смею надеяться.

– Ты рубишь меня без топора, – вздохнул Ангар и протянул Дори руку. – Ладно, договорились.

– Ты уверен, Ангар? – выжидающе посмотрел на него Рубин и, увидев быстрый кивок, ответил рукопожатием.

– Я так и знал, что на тебя можно рассчитывать! – Непутевый радостно ухватился за свою кружку. – Думаю, будет весело! Уже представляю, как мы выступим завтра на рассвете...

– Ты ничего не забыл, гном? – усмехнулся рыжий. – Главный в этом деле я, а не ты. Выступаем не завтра, а через три дня на рассвете. Нужно много чего приготовить...

– Чего, например? – недовольно поинтересовался Ангар, – ему не терпелось отправиться как можно скорее. Да будь его воля – они бы вышли в поход прямо сейчас, даже не озаботившись собрать вещи и запереть за собой дверь.

– Увидишь... С тебя лишь одно: найти крепких пони. Только прошу тебя, Ангар, уверься, что они подкованы, а то будет, как в...

– Ладно-ладно, я понял. У меня есть к тебе вопрос.

– Слушаю.

– Ты собираешься брать в путешествие Дарвейга?

Дори отвернулся.

У них с Ангаром был старинный друг. Когда-то они вместе ушли из Грон-Каррага в поисках приключений, много лет судьба швыряла их из одного капкана в другой. Пещерные своды, где гнездятся стаи драконов, логова троллей, однажды даже разбудили великана. А что уж говорить о гоблинских рабских ямах. Везде они были вместе: Дори Рубин, Ангар Непутевый и Лори Дарвейг по прозвищу Неудачник. Свое прозвище он получил из-за постоянно преследующих его бед. Кто-то говорил, что его проклинали, что он уже родился заклейменным знаком несчастий. Точно неизвестно, но все знали, что какой-то темный дух, словно мрачная тень, постоянно дышит ему в затылок. Несмотря на все таланты и достоинства, Лори из Грон-Каррага всегда, сам того не желая, нес беды и себе, и тем, кто рядом. Что бы он ни делал, к чему бы ни прикасался, все заканчивалось крахом. Когда он пытался ковать – все время обжигался о раскаленный горн, а искры вонзались ему в лицо; когда торговал – его мог облапошить даже последний простофиля; когда добывал в шахтах изумруды, то все время срывался в глубокие проломы, и лишь чудом товарищи успевали его подхватить и вытащить. Он всю жизнь искал... Искал причину этих несчастий. К кому только он не обращался за советом: травники, лекари, колдуны, алхимики, маги, даже некроманты... Никто не мог ему помочь. Старый чернокнижник Никерин из Вер-при, проведя над гномом свой ритуал, смог лишь сказать, что искомое – из области теней, куда даже он не рискует соваться. Черный Лорд Деккер или кто-нибудь из его прислужников, вроде Лоргара Багрового, извест-

ного мастера теней, наверное, могли бы что-нибудь поведать об этом, но кто же в здравом уме направит стопы в Умбрельштад?!

– Что ты слышал о нем? – спросил Рубин.

– Слышал, что он где-то в Гортене или в окрестностях. Гномы из гильдии старика Глойна говорят о нем с презрением. Для них его имя теперь, словно ругательство... Пришлось поставить их на место. Никто не смеет оскорблять нашего Лори.

– А, так это о тебе все судачат? – исподлобья взглянул на друга Дори. – Одному из племянников Глойна оторвал половину уха, второму сломал нос, а третьему выбил несколько зубов. Старик клялся разыскать наглеца и засунуть в самый темный сундук на веки вечные, после чего закопать в одном из своих погребов. Да уж, ты, Ангар, совсем не меняешься...

– Они его оскорбляли! Потешались над его несчастьем! – насутился Непутевый. – Но хватит об этих презренных мерзавцах! Что ты думаешь насчет Лори?

– Негоже оставлять его здесь... Мы должны найти его.

– Может, не следует? – Ангар отвернулся.

– Эй! Постой-ка! – возмутился Дори. – Как драться за него – так вперед, а как брать его в поход – на попятную?! Хороший же ты друг, Ангар! Когда ты начал сомневаться в нем?

– Вовсе не в нем, но в его удаче! Такое ощущение, что семь черных кошек перебежали ему дорогу, когда он возвращался домой, что-то там забыв после того, как случайно разбил зеркало.

– Нет уж, я не устаю тебе поражаться! Сколько раз он выручал тебя!

– Лори Дарвейг хороший друг, я обязан ему жизнью, ты помнишь. Просто... в таком предприятии, как наше, любая неудача может стать причиной провала.

– Значит, ты против?

– Конечно нет. Что за вопрос, – вздохнул Ангар, – что за вопрос...

– Значит, решено. – Гном оглядел свою комнатушку. – Нужно будет попросить Мэри, чтобы прибиралась здесь, пока меня не будет.

Непутевый хмыкнул – его подобные заботы никогда не волновали по причине полного отсутствия чего-нибудь, хоть отдаленно напоминающего постоянное место жительства.

– Нужно запастись солью в дорогу – кто знает, какая нечисть захочет поточить на нас свои зубы, – заявил Ангар.

– А тряпичные куклы, набитые крапивой, чтобы обезопасить себя от ведьм, у тебя, случаем, не припрятаны? – проворчал Дори. Старая горная ведунья Абели, дальняя тетка Рубина и родная бабушка Ангара, сделала внука чрезмерно суеверным – подчас доходило до крайностей.

– Не припрятаны. – Непутевый потянулся было к большой кожаной сумке, с которой никогда не расставался, чем выдал себя с головой.

– Ангар, ты неисправим! Мне и без твоих мнительных глупостей много чего нужно подготовить.

– И что же ты будешь подготавливать?

Дори пустился в пространное описание того, что нужно сделать перед отъездом. На половине его речи Ангар уснул прямо за столом, уложив голову на большую кружку, судя по всему, приняв ее за подушку. Уставший хозяин не стал будить гостя и тоже отправился спать. А кот все мяукал за дверью и неистово царапал ее.

* * *

– Нет! Только не это!

Дори подскочил на кровати, не понимая, что происходит. Крик, раздавшийся над самой его головой, был полон боли и ужаса. Утро уже наступило, в щели между ставнями лез влаж-

ный рассветный туман, и скоро должна начать горланить мерзкая птица у соседки напротив, но вряд ли какой-нибудь ранний петух смог бы вложить в свое кукареканье столько чувства и переживания. Кричал Ангар.

– Дрихх Великий! Почему?! За что?! Ну почему снова?! И почему это всегда случается именно со мной?!

– Что опять, Ангар? – Дори слез с кровати, пытаясь понять, что происходит. – Что у тебя приключилось? Кошмар приснился?

На глазах Непутевого выступили слезы. Его помятое после неудобного сна лицо с отпечатком кружки на щеке вкупе с печальными мокрыми глазами выглядело необычно для него искренне, невинно и по-детски жалобно. Было видно, что его друг в эти мгновения испытывал горе, сравнимое лишь с потерей матерью единственного ребенка.

– Карта исчезла! Ее украли!

– Что?!

– Это сделала твоя Мэри! – мнительно скосился на дверь Непутевый. – Эта старая ведьма... эта мерзавка... Больше никому...

– Что?! – Рубин окончательно проснулся и сразу бросился к столу – их бесценного плана по розыску сокровищ действительно не было, но и сам Ангар нес ни с чем не сравнимый бред. – Мэри никогда не заходит сюда! Не мели чепухи! И не смей называть ее ведьмой, она этого очень не любит!

Дори поспешил открыть ставни, выпуская в комнату утренний свет.

– Все эти знамения, все приметы говорили о скорой беде, – начал причитать Непутевый, нервно расхаживая вокруг стола и заламывая руки. – Сперва я споткнулся о порог, когда выходил из таверны вчера утром. Потом мне было лень снимать рубаху, и я наложил заплату прямо на себе! А после, глупец, отрезал лишнюю нитку! Беспечный дурень! А еще кто-то, кажется, говорил о разбитом зеркале... И этот... этот черный кот вчерашний! Мерзкий Паренек!.. Но я забыл о знаках. Не видел их! А ведь говорила мне моя старая бабушка Абели: «Ангар, мальчик мой, никогда не игнорируй знаков, верь приметам, не забывай берегов!» А я, ее бестолковый внук, никогда ее не слушал! У-у... Где ты сейчас, бабушка?! Погляди на своего непутевого внука... Как я мог не поверить знакам! Приметы меня предупреждали, а я...

Дори вдруг осенило:

– Постой-ка... – Он зажмурил глаза, чтобы ничто не отвлекало его от размышлений. Гном вспоминал весь вчерашний вечер. Вспоминал произошедшие тогда странности. Свое необъяснимое чувство, походящее на нить, выбившуюся из пряди гобелена, или на отсутствие чеканки с одной из сторон монеты. Приметы! Точно-точно... Без этого не обошлось, эх, малыш... – Я все понял, Ангар!

– Что?

– Славный Паренек! Кот!

– Я ведь о том тебе и твержу! – Глаза Непутевого загорелись яростью, он начал неистово оглядываться по сторонам с видом безумного демона из Бездны, выискивающего свою жертву. – Это он, этот усатый мерзавец выкрал карту! Я так и знал! Где мой особый нож для освеживания мерзких черных котов?!

– Ангар, уймись! – отвесил звонкую пощечину другу Дори. – Как кот мог выкрасть карту? Приди в себя! Здесь другое. Вспомни, как он странно вел себя вечером... Шипел, дыбил шерсть, царапался! Я, кажется, понял... Котик, милый котик... кого же ты почуял вчера?

Дори подошел к кровати, отдернул край прохудившегося покрывала и встал на четвереньки, вглядываясь в темноту. Здесь было пыльно, в углах висели кружева паутины – гном никогда не позволял Мэри прибираться в его комнате, пока он не в отъезде, а у самого,

понятное дело, руки никогда не доходили... Под самой стеной, куда не дотянуться, стоял драный сапог с разверстым зевом носка и полуотломанным каблуком, по полу были рассыпаны деревянные пуговицы и медяки – рачительности (черты, которая требуется каждому истинному купцу, как любил поворчать старый Глойн) за Дори Рубином никогда не замечалось. Еще там обнаружили старый пустой мешочек для монет, огрызок пера для письма и гребешок для бороды с четырьмя отломанными зубчиками. Еще бы: где же держать все эти «ценные» вещи, как не под кроватью?! Там им самое место. Вот, правда, ни одной мыши, как и ее следов в пыли, не наблюдалось. Дори нахмурился... он совершенно точно помнил то вчерашнее странное ощущение, как будто здесь что-то не так. Более того – сейчас он испытывал то же самое. Нечто выбивалось из привычной, обыденной картины беспорядка, который всегда творится под кроватями. Пыльно, паутинно и довольно затхло (главное не чихнуть, а то потом не прокашлиешься) – вроде все как обычно, но... Взгляд гнома уперся в деревянные доски пола. Пыль пролезла в щели сухими серыми нитями, вот только... почему же она стерта на самих досках?! Дори даже ткнул пальцем, чтобы убедиться в верности своего наблюдения. Пыль действительно была стерта чем-то большим, по форме напоминающим холщовый мешок, набитый мукой. Все верно: нечто довольно крупное имело наглость валяться под его кроватью, а учитывая, что палец совсем не окрасился серым, это произошло совсем недавно. Не далее как вчера! Отгадки сами начали лезть в голову рыжебородого гнома. Это он и увидел ночью, когда заглянул сюда в первый раз, полагая, что котяра почуял мышь, хоть тогда и не понял сути. И тут Рубин заметил еще одну странность, которая как ни пыталась, все же не смогла ускользнуть от его пристального взгляда: серая пелена в самом углу у старого башмака оказалась также подернута чьим-то прикосновением.

– Кочергу! – потребовал Дори, протянув руку за спину. Ничего не понимающий Ангар поспешил исполнить указание – ладонь Рубина потяжелела под холодным металлом...

Рыжебородый осторожно подцепил башмак кочергой, легонько приподнимая его за дыру в носке. Резким движением гном отшвырнул его в сторону. Подле старой обуви четко отпечатался след, оставленный дерзким злоумышленником.

– Да! – Пыхтя, Дори выбрался из-под кровати и уселся на нее сверху. Вид его был задумчив, в голове, судя по всему, шла какая-то непрекращающаяся работа. Та же реакция происходила, когда Рубин пытался подобрать ключ к какой-нибудь загадке или сложному замку от чужого сундука... Непутевый решил не трогать друга – тот потом сам все расскажет, не злясь, что его сбили с мысли. Главное – набраться терпения.

Рубин встал с кровати и подошел к окну. Утро было прохладным и туманным. Белыми клочьями затянуло всю улицу, будто какой-то великан высыпал за окно все перья из своей перины. Смутно проглядывали окна дома напротив, где-то лаяла беспокойная шавка. Это мерзкое создание, никчемное по своей сущности, было огромным недостатком в жизни выходца из спокойных предгорий Дори: вечно стенающая под его окном собака своим визгом и непотребными хрипами не давала заснуть ни днем ни ночью...

– Знаешь, дружище... – пробормотал Дори. – Я знаю, кто украл нашу карту. И это, конечно же, не Славный Паренек. Дрихх Великий! Подумать только: у мерзавца превосходная выдержка – я же глядел прямо на него!

– Сейчас же, Дори! Дай мне его! – вскричал Ангар, будто надеясь, что Рубин тут же возьмет и вытащит похитителя из кармана, словно ярмарочный фокусник, и вытянул перед собой руки, крепко сжатые в недвусмысленном жесте стягивания веревки на чьей-то предполагаемой шее. – Ух, я ему...

– Прошло не так уж и много времени, – рассуждал вслух Дори. – Он не мог далеко уйти. Да и просто так дернуть из города ему никто не даст... Дела-дела-дела. Гильдия, обязательства перед мастером, да и все остальное...

– Постой-ка! – перебил Непутевый. – Гильдия? Мастер? Торговцы? Глойн?! Ух, старая пещерная крыса! Ну, я его... я так отделаю злобного хрыча этой самой кочергой, что он вовек не сможет разогнуть спину, а потом запихну мерзавца на дно его же собственного сундука, куда он обещался меня засунуть, когда поймает! Ух, дай только доберусь до тебя, дай только доберусь!

– Уймись, Ангар. Ты кое-что понял, но, как обычно, не все и не до конца... Позволь думать тем, кто умеет это делать! И не смей перебивать меня!

– Больно нужно, – насупился Непутевый и хлопнулся, не снимая сапог, на кровать Дори, демонстративно закинув ноги ему на подушку; хозяин будто бы не заметил.

Рубин начал пояснять:

– Старый город, наш район Гортена, был разделен между двумя торговыми гильдиями. Это произошло совсем недавно. Когда пополз слух о том, что на Элагон двинулась темная армада Деккера Гордема, Глойн и его присные сбежали... то есть перебрались сами и перенесли штаб общества в столицу. Так вот, по их прибытии сюда здесь началось то же, что и в Элагоне, когда там впервые объявились гномы-купцы: произошли столкновения с купеческим объединением местных, что с давних пор заправляло в Гортене всей торговлей. Король Инстрельд благоволит Нор-Тегли, поэтому сразу же издал ряд указов, дающих нашим проходам большие привилегии. Ясное дело, Райли, глава столичной гильдии, был вне себя от ярости, когда торговцы Глойна отрубили топором печатного королевского «Эдикта Нор-Тегли» добрую половину его бывшего рынка...

– Ближе к делу. Я сейчас засну...

– Ну да. Я и говорю: идет война между гильдиями старого хрыча и скупердяя Глойна и не менее жадного до денег хитреца Тобиуса Райли. Надрывая спину в торговом Сообществе Свободных, я узнал много чего из секретов успешного ремесла. Обе стороны не гнушаются никакими средствами, вплоть до краж, подлогов и смертоубийств... – Непутевый сделал вид, что захрапел, поэтому Дори, недовольно поморщившись, продолжил: – В общем, кто-то из алхимиков, получающих свою долю от Райли, снова начал исподтишка приторговывать запрещенными зельями невидимости... Да, Ангар, да, не пучь ты свои глаза, все равно лучше ты меня не разглядишь! Вчера ночью нас посетил Невидимка, некто из гильдии Тобиуса Райли, негодяй оставил отпечаток ладони в пыли под кроватью... Помнишь, как вчера сама собой открылась дверь? Держу пари, тогда-то этот прозрачный тип сюда и пробрался. Славный Паренек почуял его – кошки вообще видят то, чего остальные ни за что не узрят, такие уж они, эти славные мохнатые создания.

– Мы пропали, – простонал Ангар. – Карта пропала... Где-то у меня здесь был припрятан яд... – Непутевый начал рыться в сумке с различными средствами для борьбы с плохими приметами. Должно быть, жизнь без карты сокровищ была для гнома хуже всех возможных дурных предзнаменований...

– Уймись, Ангар, – уже в который раз за это утро повторил Дори. – Все не так ужасно. Задержимся на полдня – это не беда...

– Полдня? А я-то надеялся, что один только Лори Неудачник сбрендил! Это Не-ви-дим-ка! Как найти того, кто невидим? Как его поймать?

– Главное, – Рубин поднял кверху указательный палец, – знать, где этот негодяй ошивается, все остальное мелочи. У нас не слишком-то большой выбор подобных мест...

– Ты знаешь их всех по именам? Этих твоих незримых проходимцев?

– Тех, кто пьет зелье у Райли? Конечно. Каждый из купцов Глойна должен знать, с чем может иметь дело. Джим Баркин, Бран Линвуд и Томас Керен. Зелье это, скажу тебе по секрету, имеет очень много побочных эффектов, поэтому пьют его лишь эти трое смельчаков, или глупцов – неважно. Итак, Джим Баркин... не подходит: толст настолько, что не забрался

бы под кровать. Бран... Бран-барабан... Настолько туп, что, если бы надумал повернуть подобное, ему пришлось бы зелье невидимости запивать зельем ума. Остается Томас...

– Будем знать, что выбить ему на надгробии. Где его найти и как нам его увидеть?

– Все «райлины» («крысы Райли», как зовет их старый хрыч) днюют и ночуют в «Плеши Глойна» (бывшем «Набитом Мешке»). Это заведение находится на восточном отшибе Старого города, не ошибешься. Улица Слепого Стрелка подходит к основанию холма, на его вершине – именно это место. Полагаю, ты можешь догадаться, отчего трактир с недавних пор зовется «Плешью Глойна».

– Там очень «любят» Нор-Тегли, – хмыкнул Анггар, в другое время он посмеялся бы над названием и даже не преминул бы выпить в его честь, полностью одобряя.

– Это самое что ни на есть вражье логово для каждого гнома. Не попадись. Главное – добудь карту и беги прочь из этого притона. Ты не будешь в безопасности, пока не оставишь далеко за спиной и сам холм, и даже улицу Слепого Стрелка.

– Это все замечательно. Но как я его увижу? Облить его водой? Обсыпать мукой? Что там еще?

– Все это на крайний случай. Для начала тебе нужно его заметить... Сейчас, сейчас... – Дори засуетился и ринулся к каминной полке, начав копошиться в резных шкатулках. – У меня где-то было... здесь или не здесь... погоди. Мой инструмент против различной невидимой мерзости. – Крышки стучали, с силой опускаемые обратно, когда гном не находил то, что искал. Наконец он извлек нечто из небольшого ларца, стоявшего на краю, и протянул вещьцу другу.

Непутевый моргнул раз, другой... он не верил своим глазам. Дори попытался всучить ему самую обычную швейную иглу! И пусть она была длиной с палец, но вряд ли ею кого-нибудь удалось бы заколоть.

– Это что, Рубин? Намек, чтобы я пришил его? Я что, похож на портняжку?

– Дурень. – Дори разозлился – ему-то все казалось само собой разумеющимся. – Нужно глядеть в ушко, через него и увидишь Невидимку!

– Ну и мелкотня! Да я не разгляжу там ничего! Ну ладно... – Непутевый спрятал «инструмент» и принялся готовиться к делу. Повесил чехол с арбалетом на ремне через плечо, свой топор он решил не брать – слишком неудобен для драки в трактире, случись такая, тем более что короткий меч и без того был при нем.

– И помни, Анггар, основное преимущество Невидимки в том, что он тебя видит, а ты его нет.

– Уж не забуду. – Непутевый нахлобучил на плечи свою старую серую накидку, попробовал, легко ли вынимается под плащом оружие из ножен.

– Давай, найди мерзавца... А я пока разыщу Лори.

Непутевый скрылся за дверью – за Анггара Дортана, бесшабашного храбреца, Рубин не волновался. Почему-то Дори был уверен, что ему самому выпала куда как более трудная и неприятная задача.

* * *

Дырявый сапог по голенище утонул в глубокой луже. Грязная вода и влажная глина тут же полезли в прореху. Тому, кто пробирался по разбитой улочке, было плевать на подобные неудобства, поэтому новый шаг вновь пришелся в нехоженое болото. Никто и никогда не собирался мостить здесь улицы камнем – лишь кое-где в коричневой жиже валялись полусгнившие доски. Если бы вы поинтересовались, где именно находится худшее место на свете, местные жители с радостью пригласили бы вас к себе в гости. Предместья Гортена для прилично одетого жителя являлись не чем иным, как непроходимой топью (причем во

всех смыслах этого слова), за благосостоянием которой, само собой, никто не следил. Улицы здесь не отличались осмысленной планировкой, а дома будто соперничали между собой в неказистости и убогости. Вот ты идешь и думаешь: «Хуже вон того дома, что нависает над дорогой покосившейся стеной, здесь нет», как тут же замечаешь следующий дом – у него одной из стен нет вовсе...

Когда-то очень давно под внешней крепостной стеной славного Гортена располагались фортификационные укрепления в виде рвов, насыпных валов и рытых траншей. Кое-где даже высились одинокие круглые башни. Но набегов на столицу не случалось уже несколько веков, и вся местность у города значительно изменилась за это время. По обе стороны от главного тракта и до самого леса теперь тянулись кривые улочки (бывшие траншеи), над которыми нависали домишки: где просто сараи, где даже каменные, разбросанные там и здесь, на возвышении бывшего вала или внизу, под склоном. Подчас попадались наполовину выбитые заборы, ограждавшие нищие изрытые огороды, где могла уродиться разве что свекла, по своей форме напоминающая скрюченный в муках корень мандрагоры, да петрушка – скорее черная, нежели зеленая, с мерзким запахом и таким резким вкусом, от которого все оставшиеся зубы просто мечтали поскорее выпрыгнуть изо рта.

Через полные вонючей гнилой воды канавы кое-где были переброшены неширокие мостки, сколоченные и собранные из досок, бревен и всего прочего, что можно было найти и оторвать от кровель, стен или полов в брошенных домах этих щедрых окрестностей. Нынче старые затянутые илом и ряской рвы носили «гордые» названия «Малой Помойной», «Большой Помойной» и просто «Зеленой» канав.

Нищий, устало бредущий по разбитой улице, пробираясь в тумане к городу, подошел как раз к мосту через Зеленую канаву. Уже в десяти ярдах был слышен громкий рокочущий звук, походивший на ровный безмятежный храп, раздающийся из-под моста.

Все знали, что здесь уже полтора десятка лет живет большой зеленый тролль. Никто не пытался выжить его из берлоги, да и кто бы посмел? Тролля звали Бартоломью, и все в предместьях его уважали, поскольку однажды он сожрал наглеца-стражника, одного из тех негодяев, что пытались устанавливать свои порядки в Квартале-под-Стенами. Больше стражники сюда не заявлялись, а Бартоломью всегда был сыт – благодарные жители предместий приносили ему различную птицу: уток, гусей, кур. Никто не знал, откуда пришел тролль, но местные не были против того, чтобы он жил под мостом Зеленой канавы, тем более что он никогда оттуда не вылезал.

Нищий осторожно перебрался по мосту под гулкий утробный храп Бартоломью, тролль совсем недавно отправился на покой, он, как и все представители его племени, был не в ладах с солнцем. Бродяга зажал пальцами нос – вонь от спящего в канаве здоровяка была невыносимой даже для него – и направился к Дырявому колодцу.

Многие знали этого бездомного, но мало кто был посвящен в его тайну, считая нищего попросту умалишенным со странной привычкой что-то говорить себе под нос и подчас дергать, словно в конвульсиях, конечностями и головой. Их всегда было двое, но все видели лишь одного. Исхудалый гном, жалкий и ободранный, словно канализационная крыса. Спутанная борода с налипшими комьями грязи перетянута куском простой веревки, длинные волосы, которые не мыли, должно быть, уже больше года, – тоже. От бродяги жутко воняло, а походка его казалась неуверенной и угловатой, словно его кто-то постоянно с силой щипал то за один бок, то за другой.

– Я снова тебя терплю, Вчера, – прошамкал гном, вдруг резко вжав голову в плечи, будто его только что по ней сильно ударили. Подле нищего никого не было. Он обернулся через левое плечо и криво усмехнулся, губы его задрожали. – Не нужно... не нужно, Вчера... Хватит веселиться... Довольно, довольно... Куда я иду? Ты ведь знаешь... Все верно – я его продам и куплю эля, и ты уснешь. Или я усну – неважно. Главное – что я тебя не буду

слышать еще несколько дней... – Никто не отвечал, но нищий перешел на крик, будто некто пытался его отговорить от чего-то, будто этот непонятный тип угрожал ему. – Нет, это ты не смей, Вчера! Я лучше тебя знаю, что делаю. Я уже не могу тебя терпеть, я вынужден продать его – ты сам меня заставляешь пойти на смертный грех...

Подле гнома по-прежнему никого не было. Сам он тоже никого не видел, но всегда чувствовал злобное присутствие кого-то незримого и неосязаемого. Того, кто всегда дышал ему в спину, кто будто вкладывал свои слова ему в голову, не открывая рта, чтобы заговорить. Да, этот Нор-Тегли, что нищенствовал в предместьях Гортена, был умалишенным. Своего невидимого спутника он называл «Вчера», и это имя подходило тому как нельзя лучше, словно платье, идеально сшитое портняжкой по меркам. «Вчера» – это было обращение к чему-то тяжелому, давящему и неотвратимому, что всегда за спиной, словно день, который уже прошел, но не позволяет себя забыть и ни на миг не отпускает. Именно Вчера, по мнению гнома, являлся причиной всех неудач, сопровождавших его всю жизнь. Вчера был словно некоей тучей неведомого проклятия, отбрасывающего на него свою мрачную тень. Это из-за него гнома прозвали Неудачником, но никто не хотел понимать истинную причину его бед. Всю жизнь несчастный Нор-Тегли пытался дознаться, искал правду, облазил весь север в попытках обрести понимание причины, за что именно его, а не кого-нибудь другого неведомые силы обрекли на муки отчаяния. Здесь, в Гортене, он оказался не случайно. Сюда привел его этот бесконечный поиск, и именно здесь он не нашел ничего, кроме безжалостной стены тупика перед самым своим носом. А потом он открыл для себя столь желанный способ забываться... способ прогонять от себя на некоторое время своего извечного назойливого спутника. Кто бы мог подумать, что обычное дурманящее сознание пойло из дешевых кабаков и харчевен сможет сделать то, чего никак не удавалось колдовским зельям и прочей магии. Нить поиска длиною в жизнь оборвалась, и гном перестал искать – он потратил все свои силы, время и немногочисленные накопления, чтобы просто забиться... Так и приключилось, что он стал самым жалким из нищих Гортена, самым отталкивающим из всех местных побирушек.

Нор-Тегли вспоминал тот случай, когда он заработал свои последние деньги. Это было более седмицы назад...

Тем днем у основания Хмурой башни прятался некто. Вел он себя странно и подозрительно, явно что-то вынюхивая, за кем-то подглядывая и подслушивая, что творится кругом. Некто был настолько занят своим делом, что не заметил подошедшего к нему гнома, и, когда нищий коротышка ткнул его в спину, дотронувшись до плаща, даже подпрыгнул от неожиданности.

– Господин, – пролепетал гном, вглядываясь в лицо незнакомца. Для любого из тех, кто прожил достаточное время в нищенском пригороде Гортена, стало бы ясно, что этот человек явно не из этих мест. И пусть лицо подозрительного типа было измазано грязью, а одет он был в сильно поношенные одежды – даже последний слепец из шайки Глазастого Ку распознал бы в облике чужака нарочитую маскировку. А если он не отсюда и скрывает свой облик, то у него, возможно, что-то да и найдется в карманах. Подобный прохожий точно достоин называться господином, пока, по крайней мере, не протянет дарящую руку или не отшвырнет просящего в грязь.

– Чего тебе, попрошайка? – оглядевшись по сторонам, спросил незнакомец. Никто из тех, кто видел гнома в предместьях, ни за что не смог бы опознать в нем Нор-Тегли. Все думали, что перед ними просто убогий коротышка. Как-то трудно было представить себе нищего побирушку-гнома. По мнению людей, сыны гор и предгорий неизменно богаты, шикарно одеты и слишком горды для того, чтобы бродить в подобном виде, валяться пьяными в грязных канавах, спать в сырых подвалах или просить подаяние.

– Господин, не подадите ли сирому да голодному на кусок хлебной лепешки, ради Хранна Милостивца и Синены Заступницы?

Он назвал имена чужих богов, ведь его бог здесь был не в особом почете. Для всех остальных его бог был давно мертв. Уже не раз ему приходилось употреблять эту фразу. Сперва его коробило, но вскоре он настолько привык, что уже не думал о сказанном как о предательстве веры и религии предков. Эти слова он слышал от других нищих – тех жалких людишек, что обитали в туннелях под городом или в полуразваленных лачугах здесь, в предместьях.

– Пошел прочь, мерзкий карлик. – Господин поспешил отойти на пару шагов от попрошайки. Было видно, что в его планы (какие бы они там ни были) не входило с кем-то здесь общаться.

Гном вздохнул и побрел прочь – не впервой ему отказывали, но прилипчивой, словно пух чертополоха на смоле, наглостью местных обывателей он еще не обладал. Хорошо хоть в лицо не плюнули и бока не намяли...

– Эй, ты, – приглушенно позвал его человек, видимо, передумав. – Постой-ка. – Незнакомец поманил его к себе рукой, все так же подозрительно оглядываясь по сторонам. – Карлик, ты хочешь заработать три медяка?

– Конечно, сэр! – Глаза бородача на миг жадно загорелись, но тут же вновь поблекли.

– Ты все тут знаешь? – Подозрительный господин обвел рукой окрестности. Гном кивнул. – Что ты слышал о новых людях, что приходят сюда? Чужаки разные...

– Вроде вас, сэр? – усмехнулся гном. – Здесь таких хватает. Все, в кого ни плюнь, подаются в столицу, еще не зная, что их надеждам здесь не суждено сбыться. Вас, господин, интересует кто-то конкретно?

Человек на мгновение задумался. По его лицу было видно, что он не хочет идти напрямик, не желая рисковать каким-то своим делом, но при этом времени у него не то чтобы много.

– Что ты слышал о беглых каторжниках?

– А у вас к этим ребятам дела али как? – нахмурился гном. Пусть он и не отсюда родом, но уяснил себе предельно ясно, что порой распускать язык не следует – кое-кто может тебе его и отрезать... прямо с головой. Лично для себя бродяга четко решил ни за что не влезать в свары между тайной стражей и местной преступной братией.

– Мои дела останутся при мне, – твердо сказал человек, и в его руке появились монеты. Их было немногим больше обещанных трех медяков. Дрикх Великий! – неужели в перчатке незнакомца блеснул белым серебряный тенрий?! Это все меняло...

– Кое-кто сказал давеча кое-кому, что сам слышал от кое-кого, а тому напел в ухо некто не далее чем два дня назад, что братья Броганы, известные конокрады, бежали прямо из петли и обосновались не где-нибудь, а именно здесь, на чердаке у Толстухи Мо. Эта всем известная дама приторговывает лепешками с крысятиной – советую, господин, пальчики оближете! – и живет в лачуге у Большой Канавы. Это в четырех кварталах отсюда.

– Братья Броганы... – задумчиво протянул человек. – Нет, это не то. Еще... Есть здесь кто-нибудь, кто сбежал с... Теальской каменоломни?

– Не слышал о таких. Сплетни, правда, бродят по улицам об одном убийце, что прикопался где-то поблизости, но, как рассказывал кое-кто историю, услышанную от кое-кого, одному своему приятелю, когда я подслушал, его привезли на черной карете, что появилась здесь со стороны нового дайканского тракта, проходящего, как всем известно, и мимо Теала. И он протирает зад неподалеку от сгоревшего дома на улице Грызов или еще где. О подобном наверняка знает Уорл Ловкие Пальцы, что лучше всех играет в кости у «Трех Голубиц» подле Большой Помойной канавы. Если нужно, у него все и спросите. Только не говорите, кто вас к нему послал. И еще... моя плата.

– Хоть ты мне и не сильно помог: бродяги на черных каретах, братья-конокрады да и прочее... ладно, держи... Говоришь, «Три Голубицы»?

Гном кивнул и поспешно протянул руку за деньгами...

Нечего удивляться, что пять медных грошей и один серебряный тенрий быстро испарились, как ночной призрак, попавший в полосу света от фонаря. Прошла какая-то седмица, а у бродяги-гнома уже с вечера не было ни капли во рту, и вездесущий Вчера вновь стал ему докучать своим гнетущим присутствием.

– И нечего там нашептывать, – пробурчал себе под нос Нор-Тегли. – Скоро тебе снова на покой... О чем бормочешь? Хе-хе... Да-да, дружок. – Бородач резко дернул головой, будто получил крепкую затрещину, и несколько раз судорожно моргнул. – У меня есть еще... еще кое-что... Вскоре я куплю себе много эля. На пару-тройку деньков мы простимся с тобой... Я знаю, что не должен отдавать его, но... кто мне что скажет или сделает? Дрикх спустится самолично, чтобы покарать меня? Да будь он таким прозорливым, уже отбил бы мне голову своим молотом только за мысли о том, чтобы хотя бы просто расстаться с его знаком – не то чтобы продать его. Ты не отговоришь меня, Вчера... Я так устал от тебя... я уже не могу... Но все, тише-тише. Не произноси ни слова. Я уже вижу этого человека. Не стоит мне с тобой общаться при нем... Меня все и так считают из-за тебя безумцем. Еще бы – к ним же не приелась, словно репейник, проклятущая тень... Все. Тсс!..

Гном вышел на площадь, точнее, просто на обширное заболоченное пространство между нависающими домами, которые в тумане казались угловатыми обломками скал. В центре располагался колодец, говорят, вырытый так давно, что никто и не упомнит, когда именно. Только здесь во всех предместьях можно было раздобыть чистую воду. Да и то – приходилось платить за каждое ведерко по медяку тому, кто объявил себя единственным хозяином этого места!

На ободке колодца восседал человек, облокотившись спиной об одну из опор навеса. Тощий, как изголодавшийся лис, плут был одет слишком пестро для окружающей серости, но он всегда был не прочь выделиться. Все знали того, кто хозяйничал у Дырявого колодца. Это был ар-ка, или по-простому – цыган. Звали его Мельк, но больше он гордился своим прозвищем – Заплата, что говорило о его жадности и длинных цепких ручонках, способных отодрать от любого бедняги последнюю заплатку (образно говоря, конечно).

Мельк всегда появлялся в зеленом кафтане с тисненными манжетами и высоким воротником, расшитым рисунками из Жизни Дороги. На одном рукаве были изображены кони и кибитки, тянущиеся вдаль по тракту, контуры детей и женщин с тюками за плечами, на другом – Танцующие с огнем: мужчины с цепями в руках, на конце цепей виднелись скованные из двух тонких полос металла шары, внутри которых плясало пламя. Ар-ка носил широкие алые штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги с острыми носами и щегольскими отворотами. За пестрым нарядом Заплата скрывал или каторжное клеймо на левом плече в виде колеса – цыганского символа, или же гнилую прочерстевшую насквозь душонку. А скорее всего – и то и другое.

Стоило бородачу подойти, как ар-ка подбоченился и принял истинно королевский вид.

– Не спится, друг-гном? – Уж кто-кто, но Мельк Заплата никогда не путал этого нищего с человеческими карликами. – Клянусь пылью с трактов, солнце еще не скоро пробьется через этот туман!

– В горле что-то пересохло, – хрипло хохотнул низкорослый бродяга и резко дернул подбородком. Цыгану было не привыкать к разнообразным странностям своих многочисленных знакомцев.

– Я в долг не даю, ты же знаешь, Лори Дарвейг...

– Я не в долг... Я принес... тут... Почему нынче золото?

Цыган вскочил на ноги так стремительно, будто нечто жуткое и клыкастое вылезло из темных глубин колодца и куснуло его за тощую задницу.

– Неужели у тебя есть что-то еще?! – Округлившиеся глаза цыгана приобрели форму двух полированных блестящих монеток. – Я всегда, всегда знал, что эти пройдохи-гномы вечно прячут что-нибудь про запас.

– Да-да, – не стал спорить Дарвейг. Скрепя сердце он полез за пазуху. Он не должен был... Ему было горько и больно... но пальцы сами вытаскивали на свет большой золотой ключ на золотой же цепочке.

Ар-ка пораженно распахнул рот, его скрюченные пальцы потянулись к невиданному сокровищу. Кончик пальца человека был всего в дюйме от заветного ключа, когда его руку самым неожиданным и бесцеремонным способом с силой оттолкнули в сторону.

– Не смей! – раздался вдруг сбоку знакомый низкорослому хриплый голос, а в запястье Дарвейга кто-то вцепился.

Лори ошарашенно повернул голову. На него глядел хмурый Нор-Тегли в темно-красном плаще с капюшоном. Его длинная холеная борода была столь же рыжей, как хвост проказливой лисицы, яростно прищуренные глаза – налиты сталью. Нищий не мог не узнать своего старинного друга.

– Рубин? – вздрогнул гном. – Что ты здесь?.. Как ты меня нашел?..

Точно железные, пальцы рыжебородого давили на запястье бродяги с силой все сжимающихся кузнечных тисков. Было больно, но Дарвейг не замечал боли – ужаснейший стыд травил душу намного сильнее. Эти глаза... эти осуждающие глаза... Его друг... Больше всего он боялся, что Дори увидит его таким, и вот – он увидел.

– Почтенный! – с приторной полуусмешкой обратился к Рубину цыган. – Клянусь всеми спицами на колесах фургонов ар-ка, вы, должно быть, не заметили, что у нас здесь с господином дела! Еще мой прадед, обочина тракта ему на века, говаривал, что очень некрасиво влезать в чужой разговор!

Дори смерил человека презрительным взглядом. С подобными хлыщами у него разговор был всегда короток, но беспечный цыган пока еще об этом не знал. Мерзавец стоял, уперев руки в бока и выпятив живот, всем своим видом проходимец напоминал почти пустой кожаный бурдюк для воды. Глаза гнома задержались на вещи, примечательной даже на фоне такого цветастого образа: из мешка за плечами мошенника виднелась резная рукоять арбалета. На красивом дереве рунами азрала можно было разглядеть только часть надписи, но Рубин знал ее целиком – сколько раз приходилось видеть. «*Гаринир Де*», что значило – «Не промахнись» – это было имя легендарного в Хребте Дрикха оружия, которым до недавнего времени владел лучший стрелок по эту сторону гор, Лори Дарвейг. Не требовалось долгих мыслительных изысканий, чтобы понять, как именно перекочевал арбалет к цыгану.

– Нравится, да? – проследил за взглядом гнома ар-ка. – Мой трофей.

Рубин пристально поглядел на друга. В глазах Лори стояли слезы. «Трофей»...

– Даю пятьдесят золотых тенриев, – сквозь зубы проговорил рыжебородый.

– Ого! Клянусь ветром, что шелестит пологом кибитки, это немалые деньги! Но ведь здесь четыре резных рога и две звонкие тетивы из нервущегося волоса кобольда!

– Семьдесят, – поднял цену Дори.

– Мой добрый низкорослый господин, должно быть, туман настолько въелся в твои глаза, что ты не видишь рукояти из черного вяза и тончайшей резьбы на ней? Не нужно забывать и о золотых украшениях в виде... в виде...

– ...ловкого зверька неру, – подсказал багровый, точно свекла, Лори, не в силах поднять глаза на свое любимое оружие – родовую вещь, что передавалась от отца к сыну еще со времен Великого Раскола, когда дети Дрикха разделились на Дор-Тегли и Нор-Тегли.

– Да, и ловкого зверька неру, – согласился ар-ка, быстро закивав. – Позволь тебе еще поведать, носитель огненной бороды, о замечательном самовзводном механизме. Таких вещиц ты не встретишь в Гортене.

– Сколько же ты хочешь, сын дороги? Сотня золотых?

Цыган громко и пронзительно расхохотался. Он ткнул пальцем в ничего не понимающего Дори.

– Эта диковинка не продается! Она останется у меня, что бы ты себе ни возомнил! Я ведь еще не падал с коня вниз головой, чтобы продавать подобным тебе такую красоту и редкость! Как тебе моя шутка? Ну, давай же посмеемся вместе, удивленный толстяк! – Здесь утративший всякий стыд ар-ка был уже не прав: гном не удивлялся. Недоумение давно сменилось злостью в гневно сузившихся глазах Рубина.

– Знаешь, человеке, я не люблю шуток над собой и своими друзьями.

– Так этот жалкий пропойца твой друг? И что же ты сделаешь, карлик? – скривился цыган, перестав смеяться. Он поднес свое немытое лицо прямо к лицу Дори. – Вы, Нор-Тегли, сильно отличаетесь от своих Подгорных собратьев. Мне стоило бы опасаться какого-нибудь темного Дор-Тегли, что больше жизни любит убивать и которому нравится вид крови. Но вы... – Глаза человека расширились, из перекошенного рта вырвалось сдавленное хрипение.

– Что мы? – поинтересовался Дори, нанося удар за ударом. Одной рукой он сжимал расписной ворот цыганского кафтана, в другой держал стремительно извлеченное из-под плаща тайное оружие – короткий меч с широким клинком – такой же, как был у Ангара. Сталь еще несколько раз вошла в живот пройдохи-ар-ка, превращая его в жуткое кровавое месиво.

– Я говорил тебе, что не терплю шуток над собой. Я не люблю, когда меня называют толстяком и карликом... но больше всего я не люблю, когда различные выродки имеютглупость меня недооценивать.

– Рубин... – испуганно проговорил Лори.

– Бери мешок, и уходим...

Тело рухнуло в колодец. Послышался глухой удар о каменную кладку и всплеск воды глубоко внизу. Меч вновь спрятался в ножны за спиной под плащом. Дори огляделся по сторонам. Улочка была по-прежнему пустынной, предместья еще спали. Туман надежно скрыл преступление.

– Пойдем отсюда. Не отставай...

Старые друзья направились прочь. Под ногами чавкала грязь, скрипели гнилые доски сломанного настила.

– Ты готов был отдать за «Не промахнись» целую сотню золотых? – спросил Лори, нежно глядя рукоять любимого оружия. Он уже и не надеялся, что когда-нибудь вновь сможет коснуться его.

– У меня нет и пяти десятков, – отрезал Дори, тем самым признавшись, что исход всей торговли с Мельком Заплатой был предreshен еще в самом начале. – Не такие уж мы с Дор-Тегли разные – не следует злить гнома.

– Прости меня, Дори, прости... Я больше не мог терпеть тень... Злобный Вчера... Ты ведь знаешь...

– Оставь свои извинения при себе, – жестко ответил Рубин. – Мне они ни к чему.

Они продолжали идти молча, пока Лори вновь не заговорил:

– Ангар знает обо мне? Знает, что я...

– Да.

– Я имел в виду, что я... намеревался продать Ключ и...

Дори резко остановился:

– Еще раз услышу подобное... Ты достал Ключ, чтобы доказать этому дрянному человечке, что вера в Дрикха открывает любые двери в сердцах и очищает любые души. Ты понял меня?

– Но...

– Ты понял?

– Да, да, Дори, понял, – поспешил согласиться Дарвейг.

– А где сам Непутевый? Что подделывает?

– У него дело, – не вдаваясь в подробности, ответил Дори.

* * *

Гном в сером плаще крался, сливаясь с туманом. Если бы у одного из домов не высился столб с указателем: «*Старый город. Улица Слепого Стрелка*», Ангар ни за что не нашел бы этот узкий проход под пробитую в стене арку. В полутьме промозглой галереи воняло помоями и нечистотами. В одной из разваливающихся кирпичных стен проглядывала облезлая дверь. Подле нее у трехступенчатой лесенки привалился грязный нищий, который вдруг разразился хриплыми увещеваниями, направленными то ли к самому себе, то ли в адрес горячо любимой стражи, то ли еще кого – кто его разберет? Этот пример человеческого падения являлся вполне достойным дополнением сего местечка.

Пройдя галерею насквозь, Ангар вышел под открытое небо и поблагодарил Дрикха, что не потерял сознания от царящей в проходе за спиной вони. Мрачный закуток отнюдь не желал походить на улицу – скорее на некий большой двор, с колодцем, грязным птичником, где курлыкали ободранные голуби, и единственным, ни разу, наверное, не зажигавшимся фонарем на столбе по центру. Со всех сторон нависали, грозя в любую минуту обвалиться, верхние этажи неказистых зданий, флюгера на черепичных крышах давно проржавели, и их никто не собирался чинить или менять на новые. Брусчатка под ногами была в некоторых местах выбита, и в ямах стояли почти никогда не высыхающие грязные лужи – и это при том, что дождь был, кажется, целых три дня назад. Любой из забредших сюда чужаков ни за что не поверил бы, что это место – такая же неизменная часть столицы, как досадное наличие косточек в мясном пироге.

Но при этом Ангар не испытывал никакого чувства омерзения или презрения – в своих вечных скитаниях он видал углы и похуже. Гном предположил, что с появлением купеческого Сообщества Свободных в Гортене и изданием неких королевских указов дела у глубокоуважаемого горожанина Тобиуса Райли и его приспешников действительно пошли не слишком хорошо, если они обосновались в подобном закутке¹. Правда, долго думать о подобных вещах он никогда не любил, поскольку лишние мысли всегда вгоняли излишне деятельного Нор-Тегли в черную скуку.

Вот и сейчас, не строя никаких особых планов на случай возможных неприятностей, так и не выпавшийся гном широко зевнул и направился к виднеющемуся в конце двора проходу, что терялся в утреннем тумане.

Вся улица была кривой и изломанной, она состояла из множества отдельных отрезков, отчего каждый десятый шаг Непутевый отбивал каблуком на углу, заворачивал за него и

¹ Стоит, наверное, упомянуть, что дом самого главы гильдии, отличаясь богатством и дорогим убранством, располагался не где-нибудь, а на торговой площади, возле Штаба Гильдии. Откуда чужому в столице Ронстрада Ангару Дортану по прозвищу Непутевый было знать, что здесь, на улице Слепого Стрелка, находится отнюдь не главный, а Тайный Штаб, неофициальное прибежище, где стряпаются делишки не совсем честные. О новой торговой «Войне за Медяки» Ангар не знал почти ничего, кроме того небольшого, что каких-то полчасика назад поведал ему Дори Рубин (причем большая часть рассказа была честно пропущена Непутевым мимо ушей), поэтому он и пребывал в некотором недоумении, не догадываясь, что выводы его неверны.

осторожно продолжал свой путь по все тому же Слепому Стрелку. Неизвестно, почему улица получила такое название, ее следовало бы переименовать в Слепого Зодчего, поскольку тот умелец, что вычерчивал план ее постройки, уж точно не мог похвастаться остротой зрения. Дома нависали над самой головой своими верхними этажами, по карнизам блуждали тощие и злые коты (Дори здесь бы понравилось), и среди них не было, слава Дрихху, ни одного черного! Предприятие уже обещало быть успешным. Ангар достал из-за ворота камзола золотой Ключ, священный для каждого гнома символ Дрихха, поцеловал его на счастье, после чего засунул обратно, подальше от всевозможных любопытных глаз.

Вскоре улицу перегородила стена. В ней виднелся чернеющий ход, подобный тому, что располагался в начале улицы. Указатель на столбе насмехался: *«Пьяный Холм. Ни шагу вперед...»* Неким бездельником, не лишенным чувства юмора, на деревяшке была добавлена корявая надпись, вырезанная тупым ножом: *«Старый Город»*. Стража точно сюда никогда не заглядывала, иначе кое-кого уже давно бы научили грамотности.

Ангар осторожно двинулся под арку, приготовившись в случае чего отразить атаку из темноты. Как ни странно, в галерее никого не было, кроме трупа старого пса: его облезлая шкура обвалилась на ребрах, а на вывалившемся в грязь языке пировали мухи. Смерд здесь стоял еще почище, чем в том проходе, что являлся началом улицы.

Вскоре Непутевый выбрался под открытое небо. Здесь и вправду располагался довольно обширный и высокий холм. На вершину вела крутая дорога с выдолбленной в некоторых местах брусчаткой. У основания возвышенности росли какие-то чахлые деревца. Вдали сквозь молочное марево можно было разглядеть едва видимые контуры огибающей холм внешней городской стены – это означало, что Ангар до сих пор не покинул пределов столицы.

На вершине холма, окутанное волнами тумана, словно огромный надгробный камень, возвышалось нескладное здание в несколько кривых этажей. Его окна были закрыты ставнями, кроме тех, что находились далеко от земли и в которые не представлялось возможным заглянуть, даже если подкрасться к самой стене. Из кирпичной трубы на двускатной крыше вырывался дымок. Взгляд гнома задержался на некоей странной фигуре, восседавшей прямо на черепице у водостока. Неужели соглядатай? И как он туда забрался? Ретировавшись обратно под арку и стараясь сильно не высовываться из-за угла, Ангар достал арбалет, зарядил болт и приблизил оружие к глазу, приготовившись, если что, тут же стрелять. Приглядевшись как следует, гном отметил, что фигура на крыше совсем не шевелится и вообще выглядит какой-то неживой. Вскоре ветерок отогнал прядь тумана, и Непутевый сумел полностью различить своего неведомого противника. Сразу стало ясно, что мнимый соглядатай вырезан из дерева и является грубой работы скульптурой, не отличающейся благообразием форм и пропорций. Это был, несомненно, гном Нор-Тегли с полуобрезанной бородой и огромной плешью на макушке. На лысине сидела толстая деревянная мышь. Губы Ангара расплзлись в усмешке – он узнал, в честь кого был поставлен этот превосходный деревянный двойник. Непутевый отличался превосходным зрением, поэтому смог разглядеть в тумане и утренней мгле, как точно резчику удалось повторить крючковатый и зазубренный нос, обвислые от алчности щеки и подточенное черной злобой и завистью ко всем окружающим лицо. Да, догадаться было несложно, ведь над дверью харчевни многозначительно поскрипывала вывеска: *«Плешь Глойна. Коротышкам вход заказан»*.

Пообещав себе как-нибудь в другой раз непременно пальнуть в деревянного старика, Ангар извлек болт из ложа и вернул арбалет в чехол.

Крадучись, гном поднялся на холм. Из верхних окон здания лился багряно-желтый свет, доносился шум пьянствующей толпы. К парадному входу не стоило соваться, поэтому Непутевый прижался к стене и, осторожно пробравшись под окнами, обошел здание кругом. С его тыльной стороны он увидел внушительных размеров люк, пробитый во влажной земле.

В такие люки обычно сгружают винные бочки с телеги, и, судя по всему, лаз вел в погреб харчевни. Ангар огляделся по сторонам и приложил ухо к дверце – тихо, и, кажется, нет никого; тогда он склонился над деревянными створками. В руках его появился продолговатый инструмент, напоминающий крюк, подвешенный на растяжке из трех бечевки; к крюку был прицеплен довольно сложный механизм. Шестеренки и какие-то катушки задвигались, негромко зашелестев, стоило гному повернуть несколько раз ключ завода. На бечевке он опустил свой крюк в щель между створками и оттянул первый рычажок. Тут же расцепились зажимы и обхватили запор. Следующие два рычажка заставили механизм отодвинуть тяжеленную доску в сторону, створки в тот же миг раскрылись внутрь – Непутевый всегда умел мастерски обращаться с различными замками. Можно было с полной уверенностью сказать, что «вскрытие» – это единственное искусство, которым он овладел идеально.

Разобравшись с этим примитивным засовом, гном оказался внутри вражьего штаба. Помещение, как он и предполагал, оказалось обширным погребом. Множество бочек располагались пирамидами у стен, бутылки и бутылки лежали на стеллажах, в одном из сухих углов были свалены мешки с мукой, под потолком на веревках висели заготовленные птичьи и кроличьи туши.

В дальнем конце виднелась дверь, к которой гном и направился, сжимая в руке обнаженный меч. Осторожно приоткрыв ее, Ангар увидел узкий темный коридорчик, куда спускалась деревянная лестница с верхних этажей.

На цыпочках Непутевый пересек коридор и оказался у другой двери – из-за нее доносился многоголосый нетрезвый гул. Но лишь приблизившись на расстояние в какой-то шаг от общего зала, гном услышал за спиной звук тяжелых шагов на лестнице и резко обернулся.

На него в упор глядел долговязый мужчина средних лет в грязном фартуке с вышитым изображением кружки эля. От неожиданности человек застыл в той же позе, что и резная фигура лысого Глойна у трубы на крыше его заведения.

Благо, дверь в общий зал была закрыта, и никто ничего не мог увидеть. Верный меч в тот же миг вспорхнул в руке Ангара. Трактирщик даже не успел округлить глаза от удивления, когда клинок пронзил ему горло, а крепкие руки вовремя подхватили утратившее жизнь тело, чтобы оно не грохнулось на пол. Дори бы, конечно, этого не одобрил, но Дори здесь не было. К тому же на случай ворчания друга у Ангара всегда имелось в запасе множество оправданий вроде: «Он выскочил прямо на меня, а в руках у него было по заряженному арбалету!», или «Их вообще было пятеро!», ну и на крайний случай: «Он сказал мне: «Твой Дрикх – ничтожество!» Что мне было делать?!» Ангар даже не почувствовал жалости к мертвецу, совесть была не из тех, с кем Непутевый водил дружбу.

Гном оттащил труп хозяина заведения – хорошо хоть тот был худым и легковесным, как высохший сук (странный, право, трактирщик), и оставил его в погребе. Гвалт из общего зала не прекращался ни на мгновение. Шагов на лестнице больше не раздавалось, и гном осторожно приоткрыл дверь, выглядывая в узкую щелку.

Как он и предполагал, разношерстная толпа людей гуляла и веселилась. Сколько Непутевому уже довелось повидать на своем веку различных таверн, харчевен и пирушек, но, как гуляют купцы и торговцы, он еще не видел.

Во-первых, с первого взгляда стало ясно, что здесь никто ни за что не платит, каждому подносят то, чего он пожелает, даром. Множество народу гуляло, пило и ело, перебрасывалось в кости (которые, к слову, в Гортене были запрещены во все дни, кроме ярмарочных), и делало все это совершенно бесплатно! Любитель различных пирушек Ангар Дортан даже завистливо присвистнул (мысленно, конечно, чтобы не выдать себя).

В общем зале было весело. Водопады пенного эля из дубовых кружек и вина из кубков перетекали в бездонные глотки, туда же низвергалась поджаренная дичь.

– Выпьем за тот светлый день, господа, которого мы все так ждем! – вскричал один из гуляк и встал посреди зала, подняв кружку высоко над головой. – Скоро! Очень скоро гильдия «Мешок Золотых» займет свое заслуженное положение на рынке Ронстрада! Выпьем же с вами за тех благодетелей, что вскоре избавят нас от этого гнусного покровителя коротышек!

О ком говорил пьяный купец, Анггар так и не понял, да его это не особо заботило. Взгляд гнома впился в одну странную компанию, что сидела подле закрытого окна у боковой стены. За столом расположились два здоровяка, что-то серьезно обсуждающие. Один был впечатляюще толст и походил на огромную свинью, да и короткий нос со слишком вздернутым кончиком, и пухлые розовые щеки говорили в пользу этого сравнения. Другой был несколько поменьше товарища, но также отличался тучностью. На его круглом лице застыло выражение несменяющегося недоумения. Глаза просто лезли из орбит, в них ясно читалось нечеткое понимание происходящего. Непутевый тут же узнал их даже по скупому описанию Дори: толстяк Джим Баркин и полный болван Бран Линвуд. Значит, где-то поблизости должен быть их поделщик и постоянный спутник – требуемое Анггару лицо. Между купцами, склонившимися над столом и что-то там пристально разглядывающими (у Непутевого екнуло сердце), было достаточно места на лавке, чтобы мог поместиться еще один человек. Дрожащие от нетерпения пальцы гнома извлекли из каймы плаща заколотую, чтобы не потерялась, иглу. Несколько раз быстро моргнув, Анггар прищурился и глянул в узенькое ушко.

– Бансрот забери... Дрикх упаси... – пробормотал он от неожиданности. То, что ему открылось, было весьма необычным, но больше гнома удивило, что эта побрякушка Дори действительно сработала. В заколдованной металлической прорези показался образ сидящего между толстяками человека. Это была расплывчатая серая фигура, будто сотканная из грозовой тучи. Анггар не мог разглядеть ни лица, ни одежды – одни лишь мутные очертания... «Ну и на том спасибо», – подумал гном. Теперь он точно знал, что мерзавец здесь, но у него ли карта? Точно ли на нее глядит вся троица?

– Эй! А как будем делить тэрионское золото? – неожиданно раздалось на весь общий зал хрюканье толстяка Баркина.

Все сомнения сразу рассеялись. Сквозь игольное ушко Анггар увидел, как Невидимка ткнул не в меру болтливому поделщику кулаком под ребра, чтобы тот не кричал так громко.

Непутевый узнал все, что хотел. Теперь нужно было придумать, как заполучить назад свою карту. Находиться в коридоре опасно, поэтому гном вернулся в погреб и запер за собой дверь.

Тело трактирщика не слишком уместно смотрелось посреди подземелья, поэтому Анггар спрятал его за бочки с вином, чтобы не отвлекало. Глаза Непутевого оглядывали помещение для вин и запасов снеди. Сюда голоса из общего зала не долетали – значит, и туда не вернется что-либо, извлеченное отсюда. Превосходное место для... гм... разговора с Невидимкой. Нужно заманить его сюда. Карту он ни за что не оставит своим недалеким поделщикам, то есть она всегда будет с ним – в этом нет сомнений... но что же делать? Может, подбросить взрывающееся зелье в общий зал? Нет. Крики, изуродованные тела, паника, розыски причин, да и карта может пострадать. Что же еще?! Думай, Анггар, думай! Дори уже давно бы что-нибудь сообразил! Может, подсыпать отравы в одну из бочек с элем и выставить ее за дверь? Тогда останется лишь дожидаться, когда все опробуют питье... Нет! Так осквернить славный напиток?! Никогда!!! Тем более что некоторые из посетителей «Плеши Глойна» предпочитали вино, он сам видел. Сунуться в открытую туда, где заседает столь нетерпимое к его собратьям общество, Анггар, разумеется, тоже не мог – это походило бы на то, чтобы добровольно прыгнуть в яму, полную ядовитых змей. Что же делать? Подскажи, подскажи, Дрикх...

В коридоре вновь слышались шаги. К двери кто-то приблизился и попытался ее открыть. Гном с ужасом увидел, что забыл опустить засов! Еще миг – и некто совершенно сейчас ненужный зайдет в погреб! Анггар прыгнул к двери и с размаху стукнул ее носком сапога, отчего она распахнулась, а затем резко вернулась на прежнее место. Засов бухнулся в паз, а Непутевый прижался к шероховатым доскам ухом и стал вслушиваться.

– Ай! – проскулил голос из коридора. – Мой лоб! Ну вот, теперь шишка будет! Что за шутки?! Хозяин, это вы? Я же просил вас так не шутить! Это совсем не смешно, но очень даже больно...

– Кто там? – рискнул поинтересоваться гном.

Трущий свой ушибленный лоб человек не узнал чужого голоса.

– Это Ленни, хозяин, – раздалось из-за той стороны двери. – Я пришел за вином. Пустите.

Избавиться от незваного гостя, пока тот не переполошил всю таверну? Анггар уже готовился и помощника трактирщика отправить на встречу с его хозяином. «Нет! – тут же одернул он себя. – Нет, нет и нет. Так дело не пойдет». – Рано или поздно их хватятся – еще бы, посетители ведь останутся без выпивки и завтрака! Убивать всех и каждого, кто заглянет сюда, он не мог – кто может быть уверен в том, что в следующий раз в погреб не сунется сразу с десятков озлобленных выпивох?

– Эй, что это с дверью? – продолжал удивляться недалекий парень. – Хозяин Эбби, это вы?

Гном решил рискнуть и сыграть на предполагаемой глупости и простодушии человека.

– Да, это я, дурья твоя башка... – отозвался Анггар.

– Что с вашим голосом? – поинтересовались из-за двери. Непутевый мысленно выругался. Он всегда знал, что чужую речь можно подделать, если говорить совсем тихо, но сейчас случайно позабыл об этом. Правда, в следующий миг он поспешил исправить положение и заговорил еле слышно:

– Я здесь не один...

– Что это значит, хозяин? – слышался недоуменный голос из-за двери. – Позвать ребят?

– Да тише ты, – прошипел мнимый трактирщик.

– Почему вы шепчете?

– Беда в нашей старушке «Плеши» стряслась... В погребе завелся клуракан.

Анггар выжидающе закусил губу и затаил дыхание, рука его лежала на рукояти меча – случись что, к мертвому трактирщику придется присоединиться и его слуге.

– Здесь следы от босых ног, – поспешил добавить убедительные подробности гном. – Я только что видел его – тень, выплывающую на стене... бородатый уродец... – Анггар вздохнул и пересилил себя, – вроде тех тупоумных Нор-Тегли, что смеют именовать себя купцами на востоке Старого города. Это точно клуракан... он позарился на наше вино.

Все знали, что духов винных погребов следует избегать, поскольку они довольно проказливы и не любят тех, кто суется к ним без приглашения, хотя сами всегда являются незваными гостями. Поговаривают, что любого, кто им не понравится, они могут обратить в старую пустую бочку. Обычно озорников сторонятся и ублажают различными подношениями вроде сыра и винных ягод.

– Но что же делать, хозяин Эбби? – по-видимому, поверил недалекий помощник трактирщика, поскольку ответ прозвучал исключительно шепотом, и исключительно суеверно-испуганным. – Как доставать вино и припасы? С этими потусторонними мерзавцами шутки плохи, это все знают.

– Мы разделаемся с ним, – не сдержав ухмылки на губах и коварного взгляда в глазах, ответил Анггар. – Погоди...

План созрел буквально на ходу. И пусть Дори считает себя самым умным в их ремесле, Непутевый вскоре докажет ему, что Рубин всегда заблуждался на его счет. В руках Ангара появилась зеленоватая, словно изумруд, бутылка вина, снятая с ближайшего стеллажа. Гном даже не стал читать, что написано на приклеенной бумажке, а резво вытащил пробку, достал из сумки на поясе какую-то маленькую склянку с бесцветным порошком и высыпал ее содержимое в вино. После этого пробка заняла свое привычное место.

– Эй, ты там? – позвал Ангар и негромко стукнул в дверь. С той стороны отозвались. – Найди в общем зале Томаса Керена, он сейчас со своими друзьями, но невидим. Только он сможет подкрасться незамеченным к наглецу клуракану и поймать его на просоленную пеньковую веревку. Отнеси ему это, пусть выпьет для храбрости. Это вино – вознаграждение за труды. Только тихо все сделай... – Гном быстро отворил дверь и просунул бутылку в щель, после чего вновь закрыл ее. – Да поскорее, мне тут с этой нелюдью наедине как-то несподручно оставаться...

– Все понял, – не стал спорить помощник лежащего неподалеку мертвеца и отправился в общий зал. Вскоре его шаги стихли. Гному осталось лишь ждать. Он знал, что сонному порошку нужно время, чтобы подействовать – если Невидимка выпьет подпорченное вино, то всего через полчаса ноги его будут заплетаться, глаза наливаются тяжестью, а все тело – усталостью. В таком состоянии, ясное дело, особенно не посопротивляешься.

Не прошло и десяти минут, как вновь послышались шаги. Гном предусмотрительно разрезал мечом веревку на мешке с мукой и приготовился встретить Невидимку во всеоружии.

– Я здесь, – по ту сторону раздался незнакомый голос, высокий и уверенный. – Это Том. Впусти меня, Эбби. Ленни мне все рассказал. Я поймаю выродка...

Ангар, спрятавшись за дверью, потянул на себя засов. Когда рядом послышалось чье-то тяжелое дыхание и в воздухе повис пряный винный аромат, гном тут же захлопнул дверь и запер ее за спиной вошедшего.

В следующий миг Непутевый сыпанул наугад мукой из мешка и сразу же понял, что не промахнулся. В воздухе повисли белые очертания плеча и части лица – это походило на клоунский грим и смотрелось довольно мрачно, если учесть, что все тело своего противника гном так и не увидел. Он поспешил исправить эту оплошность – в оцепеневшего и не ожидавшего ничего подобного Невидимку полетели одна за другой пригоршни белой рассыпчатой муки. Обрисовалась высокая стройная фигура, в некоторых местах зиявшая просвечивающимися пятнами.

– Что?! – только и смог проговорить считавший себя неуязвимым по причине прекрасной маскировки Томас Керен, невидимка на жалованьи в гильдии «Мешок Золотых» Тобиуса Райли.

– Я вижу тебя, крысеныш, – проскрипел Ангар и бросился к похитителю своего сокровища.

Недоумение быстро прошло, и человек наконец понял, чего от него хотят и кем является его неожиданный противник, устроивший ему засаду в погребе. В невысокой разъяренной фигуре с бородой он узнал хозяина похищенной карты. Конечно, этого стоило ожидать – но как же быстро его нашли!

Обсыпанный мукой ловкач перепрыгнул растрепанный мешок и обнажил кинжал. Гном ринулся на него и отпарировал выпад клинка в сторону, при этом кулаком левой руки так сильно ударил человека в плечо, что тот отлетел на несколько шагов. Нападать снова Том не спешил.

После обмена первыми ударами невидимка понял, что связался с противником не по силам – и правда, он ведь был простым торговцем, хоть и отличался склонностью не попадаться на глаза...

– Попробуй поймать меня, недомерок, – расхохотался Томас и бросился через весь погреб к тому месту, откуда в подземелье волнами заползал туман.

– Проклятие! – в голос прорычал Ангар. Он тут же понял, какую промашку совершил, не затворив за собой люк для бочек. Будь здесь и сейчас Дори, он бы не преминул высказаться на этот счет, но Непутевый и так очень на себя злился, даже без посторонних дружеских упреков.

Наполовину обсыпанная мукой фигура не замедлила выскользнуть по кособокой приставной лесенке из таверны на улицу. Ангар Дортан последовал за ней.

Только недалекие люди полагают, что гномы все, как один, неуклюжи, толсты и неповоротливы. Это в корне неверно – и пусть некоторые из Нор-Тегли отягощены брюшком, чрезмерно коренасты и, чего греха таить, ленивы, многие из них – ловки, быстры и споры на подъем. Что же касается Непутевого, то он был достаточно проворен, чтобы за считанные мгновения добежать до лесенки, ловок – чтобы еще быстрее оказаться на ее вершине и выпрыгнуть на влажную от утренней росы землю. И пусть у человека длинные ноги, пусть он бежит, словно заяц, прочь, спасая краденое имущество и свою жалкую жизнь. Пускаться вдогонку Ангар не собирался. Помимо всего прочего, в те времена, когда Непутевого действительно прижимало (то есть когда некто желал вдруг покуситься на его добро или угрожал его жизни), его обычно настолько ленивый, чтобы быстро шевелиться, мозг начинал вращать свои шестеренки, колесики и стержни с бешеной скоростью. Это значило, что оказавшийся на свежем промозглом воздухе Ангар просто шагнул в ту сторону, где на земле виднелись следы от муки, оставленные не кем иным, как мерзким воришкой. Невидимка бежал по склону холма, в сторону улицы Слепого Стрелка. Какой смысл гнаться за ним, когда люди – все это знают – умеют перебирать ногами намного быстрее гномов? Действительно, незачем.

Ангар резким движением вложил меч в ножны за спиной, и тут же в его руках появился арбалет. Тетива под сильными пальцами поползла и встала на запоре. Болт из чехла занял свое место в ложе. Как же стрелять по тому, кто невидим? И пусть он там немного запятнан мукой – этого недостаточно, чтобы взять точный прицел. Кстати, умный противник в это время как раз спешил на бегу стряхнуть с себя белую пыль, чтобы вновь оказаться в невидимой безопасности. Непутевый недолго думал. Заветная игла вновь оказалась в его пальцах, гном воткнул ее в дерево арбалета как раз напротив болта. Оружие навскидку... Ангар прищурился, пытаясь разглядеть в маленьком металлическом ушке врага. Серое расплывающееся пятно, по форме напоминающее человеческую фигуру, намного более плотное и темное, чем обрывки почти рассеявшегося тумана, неслось прочь, и его ноги уже ступили на брусчатку улицы Слепого Стрелка. С вершины холма гном прекрасно видел над невысокой стеной с чернеющей аркой галереи колодец по ту сторону. Серое пятно было уже подле него.

– Я снова вижу тебя, крысеныш, – сказал Ангар; произнесенная вслух, эта фраза доставила гному удовольствие, сравнимое лишь с кружкой турбургского эля.

– Фюить, – в ответ хозяину прошипела спущенная тетива, и болт устремился в полет. Гном не отводил пристального взгляда через игольное ушко от своей жертвы.

В следующее после выстрела мгновение (или несколько – гном не считал) по ту сторону стены раздался короткий вскрик, серая фигура резко споткнулась на бегу, будто бы кто-то с силой толкнул ее в спину, и кубарем покатила по брусчатке.

– Видал, Лори?! – ухмыльнулся Ангар собственной меткости. Конечно, друг не мог его сейчас видеть, но Непутевый поклялся себе, что Лори Дарвейг по прозвищу Неудачник, стяжавший себе славу лучшего стрелка хребта Дрикха, непременно узнает о его подвиге. Осталось только, чтобы Дори Рубин поскорее нашел их закадычного друга. Хвастаться Непутевый любил, этого не отнять...

Ангар огляделся по сторонам – таверна «Плешь Глойна» продолжала жить своей обычной жизнью: гудела десятками сливающихся пьяных голосов и сквозь щели между ставнями истекала полосками неровного желтого света, нетрезво пляшущего на земле. Никто внутри, похоже, так ничего и не узнал, и друзья-товарищи Томаса Невидимого-Выродка-Что-Посмел-Покуситься-На-Добро-Ангара по-прежнему сидели за своим столом, ожидая его возвращения из погребя. Пусть сидят себе... их это дело больше не касается.

Непутевый сбежал вниз с холма, перепрыгивая глубокие выбоины и ямы на дороге. Он спешил поскорее ощутить в своих руках столь желанную для него шероховатость заветной карты. Гном и не заметил, как оставил за собой Пьяный Холм, черную вонючую галерею, указатель с глупой припиской. Он остановился подле колодца. Труп должен был находиться где-то здесь. Ушко верной иглы вновь оказалось у глаза. Ага! Вот и он. Серая фигура распростерлась на земле, раскинув руки в стороны.

– Недалеко убежал, дорогуша...

Ангар начал ощупывать тело. Под пальцами оказалась обычная ткань: кафтан, рубаха... Вдруг мертвец дернулся, и гном понял, что слишком рано причислил беглеца к отдавшим душу.

– Пощади, – прохрипел голос. Размытое лицо не выдавало черт, но изломанный в муке тон мольбы был красноречивее любой мимики. – Забирай свою карту. Пощади...

Из-под кафтана Невидимка достал сложенный в несколько раз пергамент и положил его подле себя на булыжник мостовой. Лишь только карта отделилась от пальцев Томаса, гном тут же увидел ее и узнал такие родные грязные отпечатки пальцев, засаленные потертости и пятна от эля – каждое на своем месте. Конечно же, рисунки и чертеж исчезли с поверхности бумаги, но гном ни секунды не сомневался – это его сокровище!

– Пощади, – еще раз прохрипел Невидимка.

– Кого ж тут щадить? – язвительно проговорил Ангар. – Здесь и нет никого...

Одним коротким рывком он без жалости свернул шею хитрому похитителю и поднялся на ноги. Уснуть от подсыпанного сонного порошка Невидимке так и не удалось – он уже забылся мирным вечным сном, от которого не помогло бы никакое на свете зелье Пробуждения.

Карта сокровищ была свернута и спрятана в своем надежном хранилище – потайном отделении на широком поясе Непутевого. Гном оглянулся по сторонам, уложил арбалет в чехол, а заветную иглу закрепил на кайме плаща, пообещав себе никогда с ней не расставаться. После этого он поспешил покинуть улицу Слепого Стрелка, сегодня как никогда оправдавшую свое название, и направился к дому Дори Рубина.

Труп Томаса Керена так и остался лежать на грязной брусчатой мостовой. Еще не раз за ближайшую неделю горожане будут удивляться, почему это они вдруг спотыкаются на ровном месте посреди улицы Слепого Стрелка.

Глава 2

«Я пишу это тому, кто не убоится зла...»

*Кто там крадется в холодной ночи?
Чьи стылые пальцы сжимают мечи?
Чей лик скрыт во мраке, чей нож застрял в шее?
Кого мы сегодня подвесим на рее?
Что берег далекий скрывает в тумане?
Чьи мысли живут лишь в коварстве, в обмане?
Кто ползает там, в первозданной тиши?
Чьи когти скрежещут в забытой глуши?
Не бойся, дружок, ты петельку скрути,
Ножом запасись – он поможет в пути.
Корсар не боится, в удачу он верит,
И дом для него – любой проклятый берег.*

**«На чужом берегу». Шэнти корсаров
Сар-Итиада**

9 августа 652 года. Побережье Западного океана. В пяти милях от Тириахада.

Красное небо слилось с кровавой морской гладью и начало постепенно темнеть. В сонный закатный час ветер почти улегся, и низкие, ленивые волны, тихонько шурша, нежно обнимали высокие борта. Буря закончилась, но столкновение с ней не прошло даром для черного корабля, и его отражение в подрагивающей воде выглядело намного более впечатляющим, нежели само судно.

Пиратский корабль был сильно побит безжалостным морем, а ревущие волны-монстры оставили в его фальшбортах ужасные проломы, похожие на следы от гигантских зубов. За те ужасные дни, когда стройного красавца со впечатляющим парусным вооружением мотало по океану, словно сорвавшийся с ветви древесный лист под дыханием осеннего ветра, он лишился обеих мачт, парусов и рей, почти весь такелаж был оборван.

Совсем недавно беспощадные лавины мутной от пены воды били в деревянный корпус, жалобно трещавший и скрипевший всякий раз, когда поднимался новый вал, и каждый такой треск эхом отражался в сердцах людей, доверивших свои жизни чудовищу из дерева и парусины. Много раз наступал момент, когда казалось, что сейчас все закончится, а очередная волна разобьет судно вдребезги... но нет, корабль держался, несмотря ни на что, упрямо подставляя свои борта под удары воды и ветра. Он шел дальше, яростно пробираясь сквозь бури и непогоду, слившиеся для него в один сплошной, непрерывающийся шторм. Измученным морякам представлялось, будто это сам зеленовласый бог Тайдерр сошелся в ужасной схватке с дикими морскими монстрами где-то там, в черных пучинах, защищая свое Террамаре² от врагов.

Безумие ветров и вод продолжалось не одну неделю, и когда людям уже начало казаться, что узлы бурь заплелись навечно, буйство стихии неожиданно закончилось, и море сменило черную маску гнева на белопенную милости. Беснующиеся волны успокоились и плавно, словно девы-танцовщицы из далеких восточных султанатов, начали исполнять заво-

² **Террамаре** – «Земля моря» (перевод с языка Высших людей). Так испокон веков звалось подводное царство бога морей Тайдерра. Террамаре включает в себя все глубины, донные ущелья и каньоны, подводные равнины и прекрасные стеклянные города морских жителей, среди которых сверкал роскошью Витроаурат – столица океанов.

раживающие движения, сливаясь с водной гладью, будто с бархатным ковром. Дикие завывания ветра превратись сперва в заунывный шепот, а вскоре и вовсе затихли. Дождь угомонился, а среброликая богиня Аллаиан избрала новую цель для своих сверкающих стрел-молний, направив их куда-то на северо-восток. Даже тучи наконец разошлись, освобождая темно-фиолетовое ночное небо, а присмирившая вода тут же укутала длинные весла белыми волосами пены и уже не казалась такой черной и страшной. В ней теперь отражались бледная красавица луна и любопытные звезды, с интересом следящие за беднягой-кораблем.

«Морской Змей», наш старый знакомец, – двухмачтовый (а ныне совсем безмачтовый) корсарский «дракон» с черными бортами и резной фигурой змеи на носу, имевший глупость заплыть так далеко в незнакомые воды, добрался наконец до своей цели. Но как стареет человек, так и судно, казалось, все покрылось морщинами, облысело и одряхлело. Оно тяжело переносило раны и очень устало. Можно было подумать, что ему, словно какому-нибудь болтуну, отрезали язык, поскольку с двух надстроек, юта на корме и бака на носу, не раздавалось ни звука. На палубах, среди выстроившихся вдоль бортов людей, поселилась почти ощутимая тишина, даже доски, казалось, перестали скрипеть, лишь ритмичные всплески весел походили на едва слышные вздохи, полные жалобы и отчаяния. Даже обычно говорливые птицы, куры и гуси, вернувшиеся из трюмов в свои клетки на палубе у основания обрубка грот-мачты, не издавали ни малейшего кудахтанья или криканья.

То, что осталось от корабля, небыстро скользило к небольшой, кажущейся тихой и уютной бухте, скорее даже маленькому заливу. Но чем ближе судно подплывало к берегу, тем сильнее рассеивался образ уютной и гостеприимной гавани.

Над водой ползли клочья тумана, похожие на обрывки савана, безжалостно сорванные с покойника. По краям берега в делано приветственном поклоне склонились горбуны-вязы, напоминавшие уставших от жизни дряхлых гробовщиков. Они опустили свои ветви-руки прямо в воду, будто бы омывая пальцы от налипшей на них крови и грязи. Скрюченные, морщинистые корни выбивались из прибрежного песка, по воде плыли скопления желтых и багровых листьев. Острые мысы, выступающие по обе стороны бухты, казалось, заглатывали беспечно подплывающую добычу чудовищной хищной пастью. Весла поднялись, судно замедлило ход. С черного борта в воду упал тяжелый каменный лот, следом потянулся и потертый лотлинь: длинная веревка, вся испещренная узелками. Измерив глубину, моряки отдали якорь – теперь «Морской Змей», как все тогда полагали, был в безопасности, спрятавшись за надежным мысом. Выставив трех дозорных: одного на баке, второго на юте и третьего на главной палубе, моряки отправились на заслуженный отдых. Корабль уснул, лишь три фонаря остались тускло светить в тихой и спокойной ночи.

На носовой надстройке, в нескольких шагах от дозорного, стоял еще один человек. Он зябко кутался от ночной прохлады в длинный плащ, капюшон был натянут на самые глаза. Человек вроде бы ни от кого не прятался, но все же его пробирала дрожь при одной мысли о том, что с берега, откуда-то из-за этих уродливых деревьев, парой десятков злобных и голодных глаз его разглядывает какая-нибудь неведомая тварь, с вожделением потирая друг о друга свои скользкие щупальца и истекая алчной слюной из приоткрытой в истоме пасти. Неведомая земля, брошенная и забытая, пугала, и человек в плаще не хотел показывать ей раньше времени свое лицо.

Когда все разошлись спать, он не отправился с остальными, а остался рядом с дозорным на баке, предпочитая душному кубрику с десятком храпящих потных матросов свежий морской воздух. Только здесь можно было как следует отдохнуть, наслаждаясь тишиной и покоем.

Облокотившись о борт и устало прикрыв глаза, человек старался не задумываться обо всех тех, кто точит на него свои клыки, выглядывая из-за черных деревьев или высунув голову из воды. Он вспоминал свою любимую, златовласую красавицу, которая смогла вер-

нуть его, почти задушенного тоской и отчаянием, к жизни. Эта женщина разожгла его уже успевшее погаснуть сердце, наполнила новым смыслом жизнь. Где она сейчас? Наряжается ли в свои великолепные платья, одно из которых подобно утреннему рассвету, другое – словно бархатное облако, а третье похоже на тончайшую паутину, поскольку сшито из нежнейшего шелка? Что она сейчас делает? Должно быть, дает званый бал в огромном зале, где всегда витает сизый туман. Или охотится: восседая на стройном белоснежном коне, мчится сквозь лесные просторы Конкра, преследуя быструю, почти неуловимую лань. Или же водит хоровод с духами деревьев, танцуя в вихре из листьев и цветов. Но главное – помнит ли она его? Ждет ли? Или уже успела позабыть, избалованная праздниками да балами, пирами да охотой. Он не знал, что с его возлюбленной и где она сейчас, но чем дольше думал о ней, тем больше его сердце наполнялось неясной тревогой. Что-то произошло, что-то очень плохое – он это чувствовал. Ощущал каждой частицей своей грубой, обветренной кожи, но всякий раз, как только он пытался представить себе светлый образ любимой и оставленной им женщины, неугомонные мысли вновь и вновь отдаляли его от нее, возвращаясь к этому берегу.

Хранн Великий, с какой же болью и одновременно страстью она рассказывала ему историю Тиены, своей богини, с какой печалью говорила ему, что для ее народа нет ничего важнее какого-то затерянного далеко на юге осколка камня, а он... он, болван, тут же поклялся ей, что непременно отыщет его, чем постарается заслужить уважение ее грозного отца! Человек в плаще понимал, что правитель Конкра не позволит ему быть со своей дочерью – для него их союз являлся чем-то отвратительным, грязным и порочным, как некое святотатство...

Пальцы до боли сжались на планшире, мужчина со злостью скрипнул зубами. И вот он на затерянном юге, всего в паре миль от своей цели. Зачем он здесь? Что делает, глупец, в такой дали от любимой? Он точно знал ответ на эти вопросы: чтобы вырвать из уст Эс-Кайнта, ее надменного отца, благословение, и пусть для этого пришлось отправиться на другой конец света и тысячу раз рискнуть жизнью. Ничего, он найдет древнюю статую, достанет изнутри этот камень, а после швырнет его под ноги правителю. Пусть посмеет тогда отказать. Барды называли бы путь мореплавателя «подвигом ради любви», но он на все это смотрел более прозаично. Для него это было сродни какой-то покупке... Об этом не хотелось думать...

Мысли человека в плаще вновь унеслись к руинам, которые отсюда были не видны из-за деревьев. Где-то там, словно гигантский спящий дракон, простирался огромный, разрушенный город. Он притягивал к себе, манил, как любая нераскрытая тайна и тревожное ожидание чего-то опасного и неизвестного. Вопросов, мучавших человека, было сейчас всего два: «Где искать статуи?» и «Кто разрушил Тириахад?» Это его беспринципных поделщиков в первую очередь волновало: «Где обещанные сокровища?», «Как их забрать?» и «Кому ради них нужно перерезать глотку?». Золото и его обманчивый звон остались для него в прошлом. Теперь у него есть она, которая собой затмевает все золото и все сокровища мира. И пусть глупцы ломают себе жизни ради желтого блеска, он же не станет и...

Вдруг рядом с кораблем раздался негромкий всплеск. Человек в плаще в то же мгновение бесшумно прильнул к фальшборту – кто знает, что за мерзость может попытаться ночью забраться на судно. Об этих землях рассказывают всякое...

– Горл, приготовь арбалет, – прошептал человек в плаще часовому. – Держи палец на спусковом крючке и прикрути-ка фитиль...

– Да, Логнир, – прошептал в ответ тот.

Корсар наклонился к торчащему из борта крюку с фонарем, открыл железную сетку, надетую поверх стеклянного футляра, и задул огонек. Его примеру последовали двое других дозорных, и спустя несколько мгновений корабль погрузился в сплошную темень. Он, словно лоскут черного плаща, стал лишь более мрачным пятном в окружающей ночи.

За бортом не раздавалось больше никаких необычных звуков, лишь шепот волн и шелест прибрежных деревьев, о чем-то болтающих с легким морским ветерком.

«Уж не почудилось ли?» – навязывалась непрощенная мысль, и словно ответом на этот вопрос вдруг отчетливо послышалось странное царапанье о борт. Тут же представились длинные кривые когти многорукого существа, горящие алым светом глаза и огромная пасть, полная клыков.

Логнир тихонько потянул из ножен на поясе короткий меч, предусмотрительно смазанный сажей, чтобы блеск стали не выдал в лунном свете. Этому бывший сотник двадцать первой северо-восточной заставы научился у корсаров, умевших прятаться столь же хорошо, как черная кошка в темном трюме. Командуя заставой, Логнир никогда бы не додумался до таких премудростей, как залить плетения кольчуги мягким воском, чтобы избавить ее от бряцанья, или вшить в высокий воротник кафтана несколько монет, чтобы никто не смог подкрасться сзади и перерезать тебе горло... На королевской службе вообще все казалось понятней и проще, но с тех пор прошло больше четырех месяцев, и Логнир Арвест, капитан при звании и семи наградах за храбрость и подвиги, уже не был верным служакой трона. Сожженная застава осталась в прошлой, какой-то чужой и почти позабытой жизни.

Мерзкое царапанье раздалось вновь, скрипы стали звучать все ближе и ближе. Логнир затаил дыхание и приготовился. На судно, цепляясь за обшивку, кто-то карабкался – в этом уже не могло быть сомнений. Жалобно скрипнула доска, словно в нее вошел острый коготь, послышалось стальное царапанье... тишина... новый скрип.

Логнир дал знак притаившемуся корсару, и тот поднял арбалет. По трапу на надстройку тихо поднялись еще двое дозорных: потушенный фонарь – молчаливый призыв о помощи. В их руках тоже было заряженное тяжелыми болтами оружие.

Ожидание растянулось в несколько мучительно долгих мгновений неизвестности. Тварь из темноты подбиралась все ближе, она карабкалась вверх по борту, цепко хватаясь за доски обшивки своими когтями. Вскоре Логнир смог различить чужое дыхание, хрипловатое, натужное, еще слышался шорох ползущего по борту тела и капанье воды, стекающей с неведомого монстра, выползшего из морских глубин. Человек в плаще все силился представить, как же выглядит это существо. Возможно, у него длинное скользкое тело или, наоборот, поджарое, словно у гигантской кошки, перевитое жгутами мускулов, с сильными лапами и острыми когтями-крючьями. И глаза... у всех жутких тварей ночи глаза горят ярким ослепляющим огнем...

Новый скрип раздался в нескольких футах от Логнира. Чужак был уже совсем близко. За фальшборт зацепилась лапа, и, к большому удивлению человека, она была нормального размера и походила скорее на обычную руку: на ней совсем не оказалось когтей... только самые обыкновенные ногти, правда, сильно потрескавшиеся и неухоженные.

Незнакомец легко подтянулся, схватился второй рукой за металлическую утку для крепления снастей и, не замечая притаившегося рядом Логнира, ловко спрыгнул на палубу. К удивлению и даже некоторому разочарованию бывшего сотника, он вовсе не походил на гротескного монстра со щупальцами и десятками сверкающих глаз. Незванный гость хоть и двигался с грацией кошки, имел вполне обычный человеческий облик.

Чужак начал озиаться по сторонам, в руках его блеснули два длинных ножа (мнимые когти), а спрятавшиеся неподалеку дозорные, подери их Бансрот, даже не собирались стрелять! Когда незванный гость сделал шаг к трапу, Логнир весь подобрался и прыгнул, намереваясь ударить чужака сзади по голове и оглушить, чтобы после побеседовать с ним «о цели его визита». Имелась у бывшего заставного капитана такая глупая привычка: он предпочитал говорить с пленными, а не рыть могилы для покойников. Удар рукоятью меча прошел мимо – в последний миг незнакомец с невероятной скоростью присел и резко развернулся, при этом перебрасывая кинжалы в руках обратным хватом. Теперь уже Логниру пришлось

защищаться. Короткий меч, звякнув, отбил первый удар слева, после опустился и отбросил в сторону кинжал, летевший снизу. Противник совершил очередной замах. Бывший сотник быстро отреагировал... чересчур быстро – клинок Логнира пришелся в пустоту. Хитрый чужак и не думал бить – он резво отскочил назад. Проклятие! Ты это куда?! Незнакомец медленно отходил до тех пор, пока в спину ему не уперся фальшборт.

Где-то подле трапа прятались корсары-дозорные и, судя по всему, даже не думали помочь. Ну и Бансрот с ними...

Логнир начал медленно подкрадываться. Куда бы ни заманивал его враг, опытный мечник не собирался бросаться вперед очертя голову. Помнится, когда-то он сам поймал корсара Бернарда Мора на подобную уловку, когда они дрались в самом начале плавания. Тогда Берни пришлось испугаться...

Чужак взмахнул клинком, подзывая Логнира. Он был примерно его роста, может, чуть ниже. Во тьме человек в плаще разглядел лишь контуры крепкого тела, у врага были жилистые руки и сильные ноги.

Логнир Арвест рассек клинком воздух перед собой, противник ловко отступил, присев на полусогнутых ногах, и ушел вбок. Ответная атака незнакомца была необычайно стремительна и опасна. Поворот на полтела – неуловимый выпад, и сталь проскальзывает всего в нескольких дюймах от виска солдата.

Ну все! Казалось, полностью позабыв о защите, Логнир перешел в наступление. На незнакомца обрушились удары клинка бывшего сотника: скользкие выпады, резкие рубящие, удары по дуге, обманные приемы. Хотя застава осталась в прошлом, мозолистые пальцы хорошо помнили рукоять меча. Но чужаку все было нипочем – он ловко уклонялся, кружа вокруг явно выдыхающегося человека... Горл, мерзавец, и его дружки даже не подумали о том, чтобы вмешаться, и продолжали прятаться в стороне и нагло глазеть, с интересом наблюдая за схваткой.

За спиной хмыкнули, и Логнир на миг отвлекся. Воспользовавшись этим, незнакомец присел на одно колено, ловко уйдя от пронесшегося над головой клинка, и совершил стремительный выпад кривым ножом снизу вверх. Капюшон бывшего сотника сорвало ветром, по щеке протянулся широкий порез. Противник резво отскочил на шаг, собираясь атаковать вновь.

Логнир застыл и провел рукой по лицу – пальцы были в крови... На следующее движение чужака бывший королевский солдат уже не успел отреагировать. Незнакомец с силой оттолкнулся от палубы и прыгнул вперед, выставив перед собой колени. Застывший на месте Логнир не смог увернуться, и чудовищный удар пришелся точно в грудь. Перед взором капитана Арвеста за один миг промелькнули раскосые черные глаза, узкие скулы и длинные клыки... это было женское лицо. Неведомой тварью, прокравшейся ночью на корабль, оказалась женщина!

Логнир упал на палубу, враг уселся на него верхом, крепко держа его за плечи. Глаза женщины яростно сузились, длинные клыки блеснули в лунном свете. Орчиха наклонила голову и... усмехнулась.

– Как твои дела, человеке? – хрипловато дыша прямо ему в лицо, спросила она и мерзко слизнула кровь с его щеки.

– Гарра, будь ты неладна! – простонал Логнир. Он узнал ее. Мнимым монстром оказалась воительница из дружины морского вождя орков Гшарга, друга их капитана. Гарра отличалась диким нравом (собственно, как все орки), а также страстью к сомнительным удовольствиям – в виде безумных драк, странных шуток и лишенных всяческого смысла поступков. Но при этом она была отличным воином, искусным охотником и верным товарищем.

Логнир столкнулся с собой женщину и со второй попытки с трудом поднялся на ноги при помощи той же орчихи. Даже дышать было больно, ребра в груди, казалось, разошлись трещинами.

– Мерзавка... – прохрипел Логнир. – Ты же меня чуть не убила! Ребята тебя едва не изрешетили из арбалетов!

– Они-то меня сразу узнали, как и я их, – усмехнулась она так, что из-под нижней губы задорно выполз острый клык.

– Хранн Милостивец... мои ребра...

– К утру пройдет, – посулила воительница. Из темноты раздавался невероятно мерзкий и раздражающий хохот матросов, с превеликим удовольствием глазевших на унижение бывшего солдата трона. Корсары, что с них взять?..

– Что ты здесь делаешь? Или просто вышла прогуляться и попутно поколотить меня?

– Логнир, я принесла послание от вождя.

Она вытащила свиток из глубокого выреза на облегающей тунике. «Хоть и орчиха, но привычки те же, что у всех баб», – с досадой подумал Логнир, почему-то вспомнив эльфийскую принцессу... Гарра протянула ему послание, человек взял и, разворачивая бумагу, хмуро спросил:

– Почему ты просто не позвала? Зачем все это представление?

– Во-первых, Логнир, вождь приказал соблюдать тишину, а во-вторых, мне эта драка принесла несказа-а-анное удовольствие.

– Эх, орки-орки... Я с тобой напрочь лишился разума, Гарра: здесь же ничего не видно! Идем будить нашего любезного кормчего, нечего дрыхнуть, когда здесь такое творится... – Женщина уже развернулась к трапу, когда Логнир возмущенно воскликнул: – Эй, куда собралась! Думаешь, можно мне просто так ребра отбивать? Давай-давай, помогай...

Гарра подхватила его под руку и буквально поволокла к капитанской каюте, а вслед им неслись насмешки неугомонных корсаров. Но только орчиха и бывший солдат исчезли из виду, как Горл с товарищами поспешили вернуться на свои места и вновь зажечь фонари – они-то знали, насколько у капитана бывает «радужное» настроение, если его будить посреди ночи. Ребра Логнира нещадно болели, и он на чем свет стоит клял про себя Гарру, что сперва набросилась на него, а сейчас стиснула его грудь своей рукой настолько сильно, что ему стало нечем дышать.

Так, почти в обнимку, человек и орчиха подошли к юте. Гарра заволокла Логнира по трапу на надстройку, и они оказались у дубовой двери с занавешенным изнутри круглым окном. Прямо на стене над притолокой сидел небольшой зверек, сонно свесив голову и изогнув шею. Широко раскрыв пасть, он обхватывал клыками большой стеклянный футляр. Лишь вблизи можно было разглядеть, что этот странный зверек – всего лишь искусно выкованное украшение, крепко удерживающее потухший фонарь. Матросы не решались подходить к этой двери слишком близко даже для того, чтобы вновь разжечь погасший фитиль. Капитанскую каюту все старались обходить стороной, словно заброшенный двор, где живет большая злая собака.

Бывший королевский сотник постучал в дверь. Ничего. Логнир снова постучал – уже сильнее, от таких ударов, наверное, мог бы проснуться весь корабль. Наконец изнутри сперва раздались кряхтенье и грязная ругань, а после к ним добавился звук нарочито шаркающих шагов. Дверь распахнулась, и на пороге показался заспанный человек с медно-рыжими волосами, неряшливо спутанными и разбросанными по плечам. Капитан был обнажен по пояс, черные бархатные штаны он заправил в высокие остроносые сапоги с пряжками – должно быть, так и свалился на свою кровать (единственную на судне!), не снимая обуви. В петлях на кожаном ремне у рыжеволосого висели три его неизменных кинжала: один с прямым клинком, два – с изогнутыми, как серп луны. Лицо кормчего «Морского Змея»

выглядело столь помятым, будто он не поднялся только что с мягкой перины, а вышел из столкновения с подводным рифом. В ушах капитана поблескивало множество серег-колец – каждая из них, как это принято у кормчих Сар-Итиада, вдевалась за переход судна через океан. Судя по их количеству, этот человек, казалось, только тем и занят, что совершает долгие и опасные плавания от берегов Ронстрада к землям Роуэна протяженностью в семьсот морских миль. Капитан очень походил на зверька, висевшего над дверью каюты. Нос его был слегка вздернут, а в уголках глаз морщинки сложились в извечный недоверчивый прищур. Да и зловещая улыбка, застывшая на губах человека, которого разбудили спустя час после того, как он заснул впервые за седмицу, походила скорее на звериный оскал.

– Кому здесь «кошек» дать? У кого спина зажила-затянулась? Как вы смеете, собаки, будить своего капитана? – Джеральд Риф, широко и с подвыванием зевая, потер заспанные глаза.

Бывший королевский офицер, глядя на него, снисходительно улыбнулся.

– Да вот, заснуть не могу, – пояснил Логнир, – твои клыкастые друзья не дают, прокрадываются на борт и дерутся. Поболтать не желаешь?

– А, это ты, крыса береговая. – Кормчий зевнул еще шире – казалось, сейчас рот у него разлезется и верхняя часть головы отпадет к затылку, словно крышка у шкатулки. – Чего тебе?

– Тут письмецо от твоего друга-капитана с «Гадрата» прилетело с... – Логнир скривился, потирая ушибленные ребра, – почтовой голубкой.

Гарра оскалилась. Капитан снова зевнул:

– Ааэxxx... Ладно, проходи. Поглядим, что там эта обезьяна зеленая начеркала.

Развернув на столе свиток, в скупом свете разоженной Джеральдом свечи они прочитали довольно бессвязное послание, в котором было меньше смысла, чем многочисленных подтверждений того, что орку нечасто приходится излагать свои мысли на бумаге:

«Логниру.

Этот город... Унаси-унаси... Логнир, да простят меня духи моря, что не послушал тебя сразу... Тут нельзя даже моргать, потому что в тот миг, когда ты моргнешь, что-то может подкрасться... Славный Торок пал, убитый чьей-то арбалетной стрелой, вырвавшейся из руин... Убийцу мы не нашли, лишь следы сапог за кучей кирпича, что была когда-то чьим-то домом, и вековая пыль стерта там в нескольких местах... Стрела прошила могучего Торока, да пребудут с ним духи, насквозь. Словно копье всадили ему в горло, прокрутили как следует, а потом вырвали... Крови было столько, что славный воин весь почти утонул в ее луже... Крогр еще сказал, что он похож не на добропорядочного орка, а на дохлую свинью в красном болоте. В общем, как ты уже понял, в этом псовом городе есть кто-то из тех, кого здесь быть точно не должно...

Этот город... Мурашки бегут по телу даже у меня, когда я на него смотрю – словно все духи из свиты Х'анана щиплют и кусают меня – такой страх. Пустота и тишина царят в этих руинах, так, словно здесь вволю погуляла Тысяча исчадий Древнего Лиха.

Ни одного целого дома, ни одной собаки или птицы, даже насекомого... Не видно ни единой живой души, но чувствуется, что кто-то здесь прячется. Его не видно, но он есть... и он... повсюду...

Мы нашли твою каменюку. Это, судя по бороде, Дрикх, а не Тиена. Каменюка стоит у южного входа в город, точнее, стояла – теперь она полностью разрушена, осколки лежат рядом. Гномьему богу, да простят меня коротышки, кто-то оторвал голову... Мы там все облазили, но ничего

не нашли... Статуи богини остроухих демонов я не видел, но ты ведь говорил не углубляться в город...

В Час Степного Тигра встретимся с тобой на берегу под большой сосной и решим, что нам делать дальше.

Передай этому рыжему ягненку Рифу, что нашел я для него мачту, его это обрадует.

Гшарг, Великий Морской Вождь Волка».

– Вот чего я и боялся: нас опередили. Статуя Дрикха разрушена, древнего артефакта наверняка нет...

– Послушай, Логнир, – спокойно сказал Риф, разжигая свою трубку от лучины, – Гшарг ведь не входил в сам город. Может, статуя Тиены (ведь именно она тебе нужна?) цела и невредима, так что не ныряй с якорем раньше времени... В общем, унынию будем предаваться потом, а пока прогуляемся на берег – «Морской Змей» нуждается в срочном ремонте: кто знает, возможно, нам придется очень быстро отсюда убираться.

– Час Тигра – это когда? – только и спросил Логнир.

– Это на рассвете, – гордо пояснила Гарра. – По легенде, именно в этот час огромный саблезубый тигр спас в степях младенца Д’агаура, сына Великого Тынгыра, а затем...

– Достаточно, – оборвал ее сотник. – Значит, на рассвете...

Было еще темно, когда две узконосые лодки с грубо вырезанными на бортах морскими змеями врезались в прибрежный песок. На берег ловко соскочили люди и начали дружно вытягивать их из воды.

– Веди, Гарра, – сказал Риф, на всякий случай проверяя, удобно ли сидят кинжалы в перевязи на поясе и легко ли они вынимаются. Незнакомому берегу кормчий не доверял, а если по правде, то он вовсе не доверял любому берегу, предпочитая ему открытое синее море. Оно всегда для него являлось тверже и прочнее любой, даже самой ухоженной, земли.

Воительница пошла вперед, к лесу, возвышавшемуся золотистой осенней стеной всего в двух десятках футов от водной глади. Люди направились следом, самым последним плелся неугомонный гоблин Гарк, слуга сотника Арвеста, наотрез отказавшийся оставаться на «Змее». Еще бы! Хозяин Логнир спускается на берег, там он увидит столько интересного, быть может, даже попадет в какую-нибудь передрягу! И все это без него, верного Гарка?! Нашли дурака – а что ему прикажете делать на корабле? Снова обыгрывать корсаров в кости или карты? Воровать с камбуза у толстяка-кока еду? Гоняться по мокрой палубе за неуловимым корабельным духом, о котором шепчутся матросы, или вновь насмехаться над боцманом Гором с его троллиными мозгами? Скукота... Нет, он заранее притаился в лодке, а теперь брел за остальными, стараясь не отстать. Гоблин кутался в свой собственный, лично сшитый для него хозяином плащ, набросив на голову глубокий капюшон, из-под которого торчал кончик его длинного зеленого носа. Гарк постоянно спотыкался, ведь из-под этой тряпки, призванной защищать его голову от дождя, никогда, Бансрот подери, ничего толком не видно, поэтому он все время тихо бранил ее.

– Что за несносная, дрянная вещь, – шипел длинноносый, отдергивая тонкими когтистыми пальцами край капюшона, пытаясь поправить его так, чтобы он постоянно не спадал на глаза. – И кто тебя только придумал? Гарку ты не нравишься, да. Он тебя не любит...

Закончилось тем, что гоблин попросту сорвал капюшон, подставив спутанные черные волосы неприятному морозящему дождю. Слуга Логнира Арвеста был невысокого роста, немного не доставая обычному человеку до пояса. Большая голова сидела на тонкой шее, выделяясь длинным заостренным носом и торчащими в стороны ушами. Большие и слегка раскосые желтые глаза оглядывали мир с пристальным вниманием добродушного кота. Что же касается присущей всем представителям народа гор злобы, то она никогда не знала выхода из этого немного лукавого, немного плутоватого взгляда. Одет гоблин был в темно-

зеленую перепоясанную ремнем котту с пелериной из коричневой кожи на плечах. Потертые штаны он заправил в остроносые туфли с длинными отворотами. О неудобном плаще с мерзким капюшоном уже говорилось, и Гарк, несколько не боявшийся непогоды, давно бы уже его выбросил, если бы не прятал на груди крепкую кольчугу, которую он тихонько стащил из судового арсенала и втайне перевил под свою фигуру – гоблины всегда славились непревзойденным умением как красть, так и обращаться с самым неудобным доспехом.

Пока Гарк, путаясь в полах плаща и ведя непримиримую войну с капюшоном, волочился за отрядом, орчиха уже успела отойти так далеко, что карлик потерял ее из виду.

Гарра, словно кошка, крадущаяся по остриям мечей, осторожно ступала по перемежавшемуся с травой песку, держа в руках лук с наложенной на него стрелой, и настороженно оглядывалась по сторонам... Корсары и бывшие королевские вояки сжимали мечи и кинжалы: мало ли что может случиться...

Путники вошли в тень деревьев. Чем дальше они заходили в лес, тем мрачнее казалась им окружающая природа и более зловещим становился шепот ветра. Листья здесь все облетели, а первый ряд кривых вязов и высокой ольхи с золотыми и багровыми кронами являлся некоей занавесью, скрывающей за собой сцену древесного цирка мрака и увядания. Голые ветви над головой скручивались и переплетались между собой так крепко, что походили на своды. Под ногами бархатом расстился багряный мох, точно кровь, пролитая в древности. Стволы дубов и сосен покрывала серая истрескавшаяся кора, нездоровая по своему виду, а в тех местах, где она сошла, чернела обнаженная плоть дерева, словно кем-то выжженная. Изломанные крючковатые корни, торчащие из земли, тонули в клочьях бледного тумана, который, казалось, никогда здесь не рассеется. Где-то над головой пронзительно кричала птица так, будто ее медленно режут от зоба и до хвоста.

Вскоре путники вышли на темную прогалину, сокрытую от лучей рассветного солнца разлапистым потолком сосновых ветвей. Земля здесь была устлана сплошным ковром из опавших иголок, а со всех сторон, словно великаны-стражи, подступали высокие деревья.

Ожидавший их орк неподвижно стоял в тени огромной сосны, до самых низких ветвей которой нельзя было дотянуться, даже если бы один человек вскарабкался на плечи другому. Каждая иголлка размером в полтора пальца, а шишки, наверное, и вовсе с голову младенца – не приведи бог, упадет такая на макушку! Остальные деревья здесь были намного ниже и не могли тягаться в росте и могуществе со своим королем.

Гшарг облокотился о широкий смолистый ствол, а его длинный плащ стелился по земле. Должно быть, много колючек уже пристало к подолу. Глаза орка были закрыты – он прислушивался к звукам рассветного леса. Морскому вождю не нужно было видеть, чтобы узнать о приближении отряда, – по его мнению, они так громко дышали и столь усиленно топали сапогами, что могли, наверное, перебудить всех покойников на кладбищах Тириахада... Гшарг улыбнулся своим мыслям, глаза его по-прежнему были закрыты. Ветер еле-еле перебирал длинные черные волосы. Джеральд Риф знал, что в детстве его друга воспитывал родной дед-шаман, который и привил ему уважение и любовь к деревьям. Будучи еще мальчишкой, Гшарг научился слышать голоса леса, понимать их зов и говорить с миром древесных духов. Если бы орк так не любил море, кто знает – может, он остался бы на земле и стал бы могущественным колдуном, но ни с чем не сравнимая страсть к волнам, соленым брызгам в лицо и бурям, вздымающим корабль к самому грозовому небу, возобладала над ним. Риф всегда догадывался, что именно учение деда помогает Гшаргу с такой легкостью управляться со своей ладьей. Никто не знает этого наверняка, но может, корабль сам подсказывает орку, что и когда нужно делать...

Отряд подошел к дереву, а морской вождь даже не шевельнулся. Робкий луч рассветного солнца прорвался сквозь тучи и ветви и, едва блеснув на длинных орочьих клыках, затерялся вновь.

– Мой Тонгурр... – Гарра склонила голову.

– Приветствую тебя, Гшарг. – Логнир выступил вперед и сбросил капюшон.

У человека были длинные русые волосы, вьющиеся и спутанные, давно не стриженная борода, открытое искреннее лицо, но при этом отягощенный печалью взгляд темно-карих глаз. Синяки под ними свидетельствовали о том, что бывший сотник почти не спит, а нездоровая бледность – о его то утихающей, то возвращающейся болезни. Тоска сделала из физически сильного и крепкого человека нечто, напоминающее гордый ясень с изъеденным термитами основанием. После отплытия из Сар-Итиада на лбу Логнира Арвеста добавилось несколько новых морщин, а старые углубились. Волосы его в некоторых местах уже тронула седина, а лицо, омраченное расставанием с любимой, превратилось в поблекшую старческую маску, но он этого не замечал – старался думать лишь о своем пути и долге.

Орк открыл глаза, немного помолчал и, наконец, ответил на приветствие:

– Ну что, Логнир, не укачало тебя еще на этой гнилой посудине старины Рифа?

– Ну-ну, орчина... – усмехнулся Джеральд. – Ты-то, как я полагаю, свою кроху выволол на берег и спрятал поукомпней. А что прикажешь делать нам, коли нет ни мачт, ни... А, – рыжеволосый капитан указал на сосну. – Я так понимаю, это мне подарок?

– Да уж, – невесело ответил морской вождь, – если бы не твой дохляк «Змей», никогда бы не позволил рубить такую красавицу. – Гшарг нежно положил когтистую лапу на морщинистый ствол и погладил его, будто котенка.

– Это что, кровь на ней? – пораженно прошептал один из спутников Логнира, бывший заставный сержант Лэм.

И действительно – на сухой, словно кожа старика, коре в некоторых местах проступали багровые, почти черные капли. Поначалу люди приняли древесный сок за смолу, но он был не таким тягучим, пробиваясь через трещины и медленно стекая вниз. За каплями оставались тонкие красные дорожки.

– Так и есть, – не поднимал головы Гшарг. – Дерево плачет кровью... Оно знает, зачем вы пришли. Оно не хочет умирать.

– Эээ... так может, не стоит его рубить? – неуверенно протянул Риф. – Кто знает, какая нечисть может выбраться из будущей мачты в самый неподходящий момент.

– Дух дерева погибнет с последним ударом топора, – безжалостно ответил орк. – Тебе нечего опасаться.

– Все же предлагаю срубить другое дерево, – поежился от страха кто-то из корсаров Рифа. Кажется, это был Рональд Черный Глаз, второй помощник капитана на судне. – Здесь кругом хватает нормальных деревьев, из которых не течет никакая кровь...

– Гааркх! – оскалился зеленокожий предводитель. Гарра тоже зарычала. – Не смей перечить мне, человек! Эти деревья... – орк яростно обвел рукой вокруг себя, – еще слишком молоды, и я не позволю вам прикоснуться к ним.

Люди никогда не видели морского вождя таким злым. На миг он стал походить на своих собратьев-варваров, что, подобно диким зверям, облачались в изорванные шкуры животных, после чего, вооружившись шипастыми дубинами и кривыми ржавыми кинжалами, которые они раскопали на местах древних битв и сражений, шли резать ненавистных им белокожих: убивать детей, женщин и стариков.

– Ладно, дружище, мы поняли тебя, – попытался сделать шаг к примирению Риф. – Я вижу, как тебе дорого это дерево, и ценю твою жертву. Я понимаю тебя – это великолепная сосна. Наверное, у нас будет самая красивая мачта в Сар-Итиаде.

– И не только в Сар-Итиаде! На всем океане!

– Да-да, на всем океане, Гшарг. Мы поняли, прости...

– Значит, к делу. – В голосе вождя все еще сквозила злость. – Доставайте свои топоры и приступайте.

Из-за деревьев на поляну вышли воины из дружины Гшарга, около десятка вооруженных орков. Один из них подошел к предводителю:

– Все без изменений, мой Тонгурр. Город спит...

– Ясно. Логнир, я так понимаю, ты сам хочешь облазить эти забытые духами развалины?

– Да... – нахмурился бывший сотник. – Только бы статуи были на месте...

– Не бойся, отыщешь ты свои каменюки, благо, их там много, – усмехнулся орк, сменив гнев на милость. – А твои ребята, Риф, пусть чинят корабль, вероятно, нам придется выгребать отсюда как можно быстрее. Не нравится мне то, как погиб несчастный Торок. И это... Слушай меня внимательно, Риф. Мой «Гадрат» спрятан в трех милях вверх по течению реки. На ладье остается половина ватаги, и если ты вдруг увидишь, что корабль отплывает без меня, топи его ко всем морским духам. Ясно?

Джеральд кивнул и, повернувшись к своим людям, начал им что-то тихо втолковывать.

– Идем, – бросил Логниру Гшарг и зашагал в ту сторону, откуда появились его подчиненные.

Сотник кивнул своим и последовал за вождем. Гарк, Лэм и еще пятеро бывших королевских солдат тоже направились следом. Гарра и орки замыкали процессию. Рыжий капитан со своими людьми остался на опушке. Шли приготовления к рубке Кровавой Сосны, как ее нарекли между собой корсары...

– И почему белокожие никогда мне не верят? – прорычал в самое ухо человеку Гшарг. – Эта штуковина посреди Каменного тракта впечатляет не настолько, чтобы любоваться ею.

Логнир поднял на орка испытующий взгляд. Было видно, что за показной веселостью морской вождь пытается скрыть страх и не пасть в глазах своих воинов, изо всех сил старается оставаться для них примером. Даже такой отпетый безумец, как этот здоровяк, чувствовал себя здесь неуверенно и постоянно оглядывался через плечо, видимо, опасаясь, что какое-нибудь мерзкое Нечто может выползти из-за деревьев в любое мгновение.

Сказать по правде, было чего бояться. Место это казалось выдернутым из времени, вырванным из жизни, причем вырванным грубо, жестоко, с мясом. От дороги мало что осталось. Некогда здесь проходил широкий удобный тракт, мощный ровным камнем и обустроенный водостоками по обочинам. В дни расцвета Империи, когда Гильдия Немераг³ держала под своей дланью власть в стране, сеть Каменных трактов походила на паутину, соединяющую центральные территории в долине Авар-Яна с окраинными, захваченными землями. Благодаря Каменным трактам и великолепной выучке имперские легионы могли совершать столь быстрые переходы, что их называли «Кованым Поветрием», они несли огонь и сталь карательных гладиусов во все несчастные провинции огромной страны. Но те времена прошли, и нога легионера давно не ступала на белые квадратные плиты, ведущие к воротам Тириахада.

По обе стороны дороги еще сохранились обезображенные каменные фигуры, некогда, должно быть, прекрасные и утонченные, а ныне – не более чем жуткие монстры, лишённые голов, с отколотыми носами и раздробленными лицами.

Логнир не глядел вокруг себя. Всем его вниманием завладело перегородившее тракт на Тириахад тело. Это был мужчина: широкоплечий, с могучим обнаженным торсом и длинной бородой. Ростом он походил на огромное поваленное дерево, а его грудь находилась примерно на уровне головы бывшего сотника.

³ **Гильдия Немераг** – печально известная гильдия некромантов Сиены. Полторы тысячи лет некроманты гильдии фактически правили страной, возводя на трон своих Императоров-ставленников, держа в покорности всю Империю. Правление некромантов длилось до момента, когда последний Темный Император Титус Люциус XIII потерпел поражение от Ронстрада в топах Эррахи. С тех пор во главе Империи встала набирающая силу святая церковь Синены, создавшая святую инквизицию, которая объявила темных магов еретиками.

Рука гиганта, по-прежнему сжимавшая кузнечный молот, лежала чуть в стороне, отделенная от тела, как и голова, откатившаяся к обочине. Левая половина лица мужчины была стесана – кто-то превратил ее в уродливую маску, лишенную черт, будто слизав щеку, бровь и глаз, половину рта... Зато в правой можно было разглядеть искаженную яростью и болью гримасу. Кожа так сильно натянулась на уцелевшую скулу, что казалось, вот-вот лопнет, бровь и часть лба изломились в морщинах, складки у болезненно раскрытого рта напоминали изгибы ткани. Можно было подумать, что гигант до сих пор чувствует пережитую боль. Что было попросту невозможно, ведь он никогда ее не мог испытывать. Он никогда не ощущал на коже дуновения ветра или теплых лучей солнца, он даже не погиб, поскольку никогда и не был рожден. Кожа его была мрамором, волосы и борода состояли из вырезанных в камне волнистых росчерков. Единственный глаз, а также сохранившиеся части носа и рта имели предельно четкие, полированные очертания. Тело его никогда не было живым, а раны были лишь трещинами, сколами и надломами. Вместо крови – каменная крошка и белая пыль.

– Это Он, хозяин? – спросил Гарк. От волнения его голос стал походить на крысиный писк.

Логнир не ответил. Дрожащие пальцы коснулись гладкой руки статуи. В этот миг его посетило настойчивое ощущение того, что он уже был здесь когда-то и отчетливо помнит эту самую статую, сброшенную чьей-то злой волей с пьедестала и лежащую на дороге. Это было невозможно, но со скользким неприятным чувством повторения нельзя было справиться. Мерзкое воспоминание о том, что еще не случилось...

Логнир вспомнил. В памяти всплыл один давний разговор...

– Как я их найду? – спрашивал он, глядя на бумагу, где всего за миг до этого под пером его спутницы проявились вписанные в магические фигуры изображения двух людей. По крайней мере, они очень походили на людей, но в то же время их фигуры были лишены присущей человеку низменности, а лица – нестираемого отпечатка пороков.

Несомненно, это было то же самое лицо с ее рисунка. Искаженное, изломанное, но бесспорно – именно то.

– Их ни с чем невозможно спутать, – ответила девушка с волосами цвета полуденного солнца. Она глядела на него немигающим взором ярко-синих глаз, подобных безоблачным небесам, будто пытаясь пронзить его душу, само его существо. – Их нельзя не узнать, когда они смотрят на тебя...

Логнир перевел взгляд с лица на искалеченные ноги гиганта. Чуть ниже колен они обрывались, а из сколов торчали обломки настоящей кости. Ужасная мысль родилась в голове: неужели поверженный когда-то был живым? Может, все прошлые выводы неверны и это вовсе не статуя?

Кости, торчащие из ран... Отнюдь не мрамор... Словно кто-то когда-то пленил великана. Этот кто-то не просто убил его, нет – он придумал пытку поизощренней, помучительней. Заживо обмазав своего пленника терракотовым раствором, кат засунул его в гигантскую печь, где тот и подвергся обжигу. Тогда гигант был уже мертв, но его тюремщик не остановился на достигнутом. Он все полировал его новую кожу, тер до того момента, пока она не стала походить на гладкий камень и не приобрела белый цвет мрамора...

– Гляди, Логнир. – Гшарг ткнул когтистым пальцем. – Видишь дыру у него в груди? Камень сколот металлом – резцом или зубилом. Да и ноги ему переломали, чтобы столкнуть с пьедестала и добраться до верха. Здесь прогулялись молоты. Причем совсем недавно...

– Может, это те самые твари, что убили нашего родича, – предположила Гарра.

Логнир забрался к гиганту на живот и заглянул в прореху в том месте, куда указал орк. В темной впадинке виднелись осколки ребер, а на месте сердца ничего не было. Что-то отсюда вытащили.

– Как я добуду то, что тебе требуется? – спросил он тогда у девушки с золотистыми волосами.

– Они сами тебе их отдадут, – последовал ответ. – Стоит лишь попросить.

– Твоей наставнице нужны какие-то предметы из Дрикха и Тиены?

– Лишь Тиены. Только нашу великую Мать-прародительницу мы можем пробудить. Великая Иньян входит во сны всемилостивой спящей Тиены, она говорит с богиней. Она пророчит нам ее волю. Тиена желает пробудиться. Хозяйка Ночи рассказала нам, что Кузнец Рока породил глупых карликов, которым нипочем не догадаться, как вернуть своего бога. Так пусть же горн его остается потухшим, а молот не стучит больше по наковальне. Детям Тиены он не важен.

Кто-то, судя по всему, посчитал артефакт в груди Дрикха не менее важным. И вот этого артефакта нет. Нужно поскорее найти Тиену. Найти второй загадочный предмет, пока до него не добрались чужие руки.

– Нам пора. – Логнир спрыгнул на дорогу и отвернулся от оскверненного мраморного тела.

– Ну что ж, – хмуро проговорил Гшарг и повернулся к городу. – Значит, добро пожаловать в место упокоения...

* * *

Город Тириахад всего три века назад был крупнейшим поселением Темной Империи. Занимал он невообразимо обширную площадь и являл собой средоточие богатства и роскоши. Жители Тириахада считались самыми состоятельными на землях государства некромантов, и даже Сиена меркла во славе «Северной Столицы», как называли город в народе. Самое странное здесь заключалось в том, что никому не были известны источники золотых рек, льющихся в казну города. В то время как вся страна клонилась к упадку, раздираемая войнами и восстаниями, болезнями, пожарами и стихийными бедствиями, Тириахад процветал. Неумолимо шел к немеркнущей славе и недостижаемому могуществу. Но, как известно, когда-нибудь заканчивается любая лестница, и вскоре хроника восхождения Северной Столицы оборвалась. Что именно произошло тогда – неизвестно. История повествует лишь о том, что почти триста лет назад из Тириахада вышли войска Империи под предводительством самого Темного Императора – это и были легендарные тринадцать легионов Титуса Люциуса XIII, сгинувшие в топях. Позже в Ронстраде узнали, что и сам город уничтожен, но до сих пор так и осталось тайной, кто его разрушил и зачем это кому-то понадобилось. Одни поговаривали, что это сотворили орки, другие – драконы, третьи утверждали, что здесь провели свои мерзкие ритуалы последние имперские некроманты, прежде чем их всех сожгла на кострах инквизиция. Неизвестно. Лишь одно упоминание о Тириахаде Логнир раздобыл в библиотеках Хиана, когда пытался выяснить как можно больше о месте, названном ему его возлюбленной Аллаэ Таэль.

Королевское Географическое Общество Ронстрада вскоре после окончания войны направило в Северную Столицу Империи исследовательскую экспедицию. Из записей, подробных ровно настолько, чтобы не упустить ни одной детали, и настолько же, чтобы ничего из них не понять, Логнир с трудом выщедил крупинцы, которые дали ему примерное представление об итогах того путешествия. Что ж, винить простого солдата (пусть и при звании) в том, что он потерялся в незнакомых названиях и терминах и просто не разобрал большинство из написанного, никак нельзя. Недолго думая, Логнир стащил свиток из королевской библиотеки и после подчеркнул для себя показавшиеся наиболее важными места:

«...Когда мы подошли по Каменному тракту (так называются главные дороги Темной Империи) к северным воротам Тириахада (Вратам Юлия I Двухсердечного, сорок третьего правителя Империи от ее основания), стало видно, что город лежит в руинах. Не было ясно, кто его уничтожил, ведь войска его величества Инстрельда II Лорана даже не переходили границ Империи. Но тем не менее город пуст, безлюден и разрушен почти до основания. Внутри его стен царит суший хаос. Сложилось впечатление, что исполинские каменные строения просто развалились от времени, хотя со слов пленных легионеров Империи доподлинно известно, что всего три года назад (в октябре 394 года от основания Гортена) этот город выставил против Ронстрада две тысячи воинов (полный Темный легион). Большинство тех солдат впоследствии таинственно сгинули в Кровавых тонях (бывших тонях Эррахии).

Мы советуем держать путь лишь по главным дорогам, пересекающимся в центре города: Norda-Suda (север-юг) и Esta-Ovesta (восток-запад), поскольку почти все остальные пути завалены. Наличествует большое количество опасных провалов и ям. В некоторых участках улиц зияют впадины. Следует остерегаться проходить рядом с колоннами или под триумфальными арками по причине возможного обвала. **Категорически запрещается входить в какие-либо здания из-за высокой опасности обрушения.** (Эту фразу Логнир навел чернилами столько раз, что в некоторых местах буквы растеклись неаккуратными кляксами.)

В центре города нами обнаружено странное сооружение. Посреди главной площади Тириахада, имя которой – площадь Страсти Синены, стоит нетронутая четырехгранная стела-obelisk из иссиня-черного мрамора. Высота ее, согласно замерам, 82 фута 02 дюйма, ширина у основания – 5 футов 09 дюймов. Вокруг стелы на сотню футов плиты почернели от копоти, как будто десятки или даже сотни молний одновременно ударили в ее вершину. Строения вокруг площади развалились и осыпались, причем наибольшие разрушения получили как раз фасады, обращенные на монумент, как будто сам obelisk стал эпицентром могущественного заклинания, за секунду выжегшего и разрушившего многотысячный город. Мы провели на этой площади несколько часов, и замеры магического отката показали, что стела есть не что иное, как огромный негатор магии, только со слегка искривленными формами. Возможно, ее использовали как резонатор...»

Логнир почти ничего не понял из того манускрипта, поскольку он пестрел точными научными сведениями, пояснительными замечаниями и магическими терминами, в которых бывший королевский сотник ничего не смыслил. Вывод из всего прочитанного для Арвеста был таков: город разрушен, пуст, ходить следует только по главным улицам и никогда, ни за что не входить в дома. А, ну да – из достопримечательностей остался целым лишь какой-то obelisk в центре города. Занятная, должно быть, каменюка, как выражается Гшарг...

И все же только сейчас, когда по одному из завалов отряд поднялся на стену и увидел простирающийся прямо под ногами Тириахад, Логнир понял, в какой мере скудным было описание, составленное неизвестным ученым. Огромный мертвый город предстал перед ним во всей своей красе – безжизненной и пугающей. На сколько хватало глаз, вдаль простирались разрушенные кварталы, смешавшиеся в лабиринте руин так, что ни один зодчий не взялся бы определить, где раньше стоял какой дом.

То, что открылось глазам спутников Логнира, походило на гигантского мертвого монстра, наполовину разложившегося и потерявшего целостность очертаний. Здания были лишены облицовки, будто кожи, с глубокими, незаживающими ранами проломов и брешей. Черные пасти окон и глотки дверей приглашали войти с гостеприимством коварного дракона, высунувшего наружу язык, точно алую ковровую дорожку. Проломленные, провалившиеся крыши походили на мертвые головы: кое-где лишь с дырами, пробитыми точно крюками, но в других местах – с начисто сорванными, точно спиленная верхушка черепной коробки. Лица фасадов утратили прежде изящные черты, а в изуродованных барельефах на фронтонах невозможно было уже разглядеть ни одной фигуры или рисунка из жизни горожан – теперь лепнины напоминали плавленную кожу, стекающую с горящего на костре преступника. Колонны перистилей, что окружали храмы, походили на прутья клеток – сколько же людей стали посмертными пленниками внутри?! Руки-столбы изошли трещинами и бороздами, ладони капителей во многих местах осыпались. В разные стороны, прочь от города, словно обрубленные щупальцы, уходили арочные акведуки, полуобвалившиеся и утратившие былое величие.

Повсюду валялись осколки мрамора, битые кирпичи и глиняная черепица. И тишина кругом – на многие мили. Казалось, здесь нет никого: ни живых, ни мертвых.

«Налюбовавшись» вволю открывшейся панорамой, отряд общей численностью в два десятка воинов вошел в город. Впереди по главной улице вышагивал могучий Гшарг, недобрым взглядом окидывая нависающие по сторонам останки домусов и инсул⁴. Было решено пересечь город и выйти из врат Юлия I Двухсердечного. Именно там, где-то неподалеку от Каменного тракта, ведущего в Ронстрад, и должна находиться статуя Тиены. Логнир предпочел бы обойти город, но время не ждало – таинственные похитители, что вытащили сердце статуи Дрикха, вполне могли добраться и до его божественной супруги... если уже не добрались, но об этом бывший сотник запретил себе даже думать. Самая короткая дорога вела напрямик через Тириахад, да и Гшарг настоял на том, чтобы ступить на улицу Norda-Suda и продолжить путь по ней – именно этой дорогой орки прошли вчера и считали ее самой «безопасной».

Ежеминутно озираясь по сторонам и держа наготове мечи, воины фут за футом углублялись в мертвый город. С каждым шагом в воздух поднималось облако мелкой белой крошки и каменной пыли, которая противно скрипела на зубах, проникала в нос, резала глаза. Логниру казалось, что он находится не под открытым небом, а в карьере во время добычи мела. Бледная, как покойница, пыль накрыла отряд с головой, делая людей и орков похожими на уныло бредущих по захоронению призраков. Бывший сотник кашлял и старался не обращать внимания на хриплый хохот морского вождя, которому назойливая белая туча, казалось, совершенно не досаждала.

– Да, Логнир, твое утверждение, что здесь золото валяется буквально на улицах, было несколько... гм... преувеличенным. Что-то я не спотыкаюсь о золотые слитки, и даже Темный Император злобно не скалится мне с денариев и ауриев. Если сокровища раньше и лежали тут, словно сор, то кто-то, проглоти его морской змей за подобную наглость, успел здесь прибраться раньше нас...

Бывший сотник усмехнулся. Отряд продвигался дальше...

По обе стороны тянулись ряды покрытых трещинами колонн. Навалы камней громоздились пирамидами, а плиты улицы в некоторых местах были выломаны. Солнце медленно поднималось над пустым мертвым городом.

⁴ Так в Темной Империи назывались дома. Многоэтажные инсулы состояли из множества комнат, которые сдавались внаем. Одноэтажные домусы являлись владением богатых горожан и были, по сути, городскими особняками. Первые населяли вербеи (низшие сословия – «пепел»), во вторых жили патриции (аристократы – «кровь»).

– *Арре каген т'аврра ре керра*, – негромко прорычала Гарра, закинув голову вверх, к небу. Женщина замотала лицо алой повязкой, чтобы пыль не лезла в ноздри и не скрипела на зубах, лишь раскосые глаза недобро поблескивали из-под капюшона.

– Что ты говоришь? – поинтересовался Логнир.

– Она сказала, что здесь нет ни одной птицы, ни одного жука... – пояснил морской вождь, поскольку орчиха явно не собиралась пускаться в объяснения.

– *Вер'раге*... – добавила она.

– Давно нет, – перевел орк.

Гарра еще продолжала что-то тихо рычать, время от времени срываясь с места, чтобы забежать за очередной угол какого-нибудь обрушившегося дома или заглянуть в окна. Гшарг, казалось, и вовсе утратил интерес к ее странному поведению, он рассказывал шедшему с ним рядом Логниру о том или ином месте, мимо которого они проходили.

– Это таверна. – Орк указал на здание с сорванной крышей и без доброй половины фасада. – А вот это – форум.

Отряд как раз проходил мимо некогда высокой стены с галереей, ограждавшей большой прямоугольный двор.

– Что такое «форум»? – поинтересовался Логнир – это слово он слышал впервые.

– Это и рынок, и суд, и городская курия. Видишь то трехэтажное здание? – Гшарг ткнул секирой в сторону разрушенного строения во главе форума. – В общем, там решали, кого казнить, кого миловать. – Орк свирепо усмехнулся, явно припоминая что-то из своей собственной жизни, связанное с этим негостеприимным местом.

– Но откуда ты все это знаешь, Гшарг? – с неподдельным интересом спросил Логнир у морского вожды.

– Было дело. Еще когда я плавал в ватаге Хрука Смышленного, мы высадились на южное побережье океана, близ имперского города Сарана. Как ты, наверное, догадался, погуляли мы там вволю: и рабы, и золото, и камень... в общем, навар говорил сам за себя. Так вот, трофеи-то мы захватили, пограбить – пограбили, и в обратный путь. Но представь себе, каково же было удивление Хрука, когда выяснилось, что меня нет на борту! Хотя горевал этот просоленный мерзавец недолго: как известно, чем меньше уцелевших воинов, тем больше доля добычи для остальных. Они уплыли, и вскоре их парус скрылся на горизонте, а я же, Бансрот подери мою любовь к имперскому вину, совершенно по страннейшему стечению обстоятельств остался в городе. – Орк хмыкнул. – И, смею тебя заверить, мне стоило немалых трудов выбраться из того треклятого Сарана, когда я был так пьян, что небо рисовало над головой еще одно солнце, а у меня оставались лишь куриная нога и дубовая кружка в качестве меча и щита!

Логнир подозревал, что на самом-то деле все было не так забавно, но решил промолчать. Тем более что зеленокожие из отряда все дружно разразились диким хохотом. Бывший сотник Ронстрада не хотел лишать их удовольствия от чрезмерно приукрашенных рассказов о похождениях своего вожды.

– А что случилось с Хруком? – полюбопытствовал в свою очередь Гарк.

– А ты как думаешь, гоблин? – оскалился-улыбнулся Гшарг. – Нашел я его потом. В общем, это долгая история, но в результате – обзавелся теплой орочьей шкурой и быстрокрылая ладья «Гадрат» стала моей...

Люди, орки и маленький гоблин шли по выложенной камнями улице, никуда не сворачивая и не заходя ни в один из пустых домов. Иногда им приходилось преодолевать большие завалы, нагроможденные из обломков кирпичных стен и осколков красной черепицы.

За спиной осталось множество кварталов, а с ними и разрушенные храмы, арены, дворцы, театры, форумы, жилые дома. Сотни, если не тысячи разваленных, разбитых, уничтоженных зданий. И если в городе-порте Саране некогда погуляла веселая ватага орков, то

кто же прошелся серпом самой Смерти по этому месту? Видя здешние разрушения, начинаешь задумываться... да что там задумываться – просто терзаться мыслью: чья невероятная сила сотворила такое? Куда же исчезли все жители города? И почему за столько лет никто не вернулся, не отстроил стены, не попытался вновь заселить Северную Столицу Империи? Логнир был здесь вовсе не за тем, чтобы разбираться в причинах и следствиях чужих бед, но чувствовал, что его поиск каким-то образом крепко связан с тем, что скрывают молчаливые камни под ногами. Кроме того, он отчетливо понимал: ничего хорошего ответы на вопросы о падении города, исчезновении людей, таинственной пустоте и гробовой тишине вокруг ему не принесут.

Небо здесь было столь же белым, как руины. Оно казалось огромной мраморной плитой, нависшей над головой, и от одного взгляда на эту мнимую твердь хотелось сжаться, прикрыться руками. Наступил полдень, когда впереди показалась большая площадь с высоким полуразвалившимся зданием, самым большим и лучше всех остальных сохранившимся из числа виденных здесь Логниром. К площадке главного входа вели несколько ступеней, а далее все тонуло в тени портика. На широком фронте над галереей сохранился барельеф: орнамент из терновника переплетался с лавровой ветвью. На карнизах стояли изувеченные статуи, лента фриза пестрела дырами. Судя по всему, это здание было здешней ратушей или чем-то вроде того. И верно – орк-великан подтвердил все догадки своим коротким рыком:

– Сенат!

Неплохо сохранившаяся галерея начиналась у самой лестницы. Колоннада тянулась примерно на двадцать шагов и вела прямо к главному входу: высокий проем чернел в стене, огромные двери выбиты. Туда-то и направили свои стопы морские удалыцы.

– Эй, Гшарг, ты что это делаешь?! – вслед орку крикнул Логнир. *«Категорически запрещается входить в какие-либо здания из-за высокой опасности обрушения»...*

Здоровяк бросил, не оборачиваясь:

– Если в здании Сената мы не найдем ничего... хе-хе... занимательного, то я буду не я – славный и великий морской вождь Гшарг! – Орк исчез в проходе, его бойцы не отставали ни на шаг.

– Что это ты там хочешь найти занимательного, Бансрот тебя подери? – пробормотал Логнир, кивнул своим людям и, с хрустом ступая по сплошному ковру из осколков витражей, последовал за Гшаргом, глядя вверх и справедливо опасаясь, что еще чуть-чуть, и арки сводов не выдержат, а крыша рухнет им на головы.

Слой пыли в полутьме атрия был такой, что, судя по его толщине, никто не заходил сюда лет эдак двести. На полу во множестве валялись разбитые амфоры и мраморные бюсты тех, кого почитали жители Тириахада, – Логнир не знал их героев. Каждый из расставленных вдоль стен постаментов, на которых они когда-то стояли, был расколот надвое, будто молния прошла по ним своим изломанным хлыстом. Бледный луч солнечного света, проникший в помещение через световой колодец крыши, точно струя воды, тек и омывал единственную сохранившуюся в целости нижнюю часть скульптуры – мраморный подол платья Синены. Остальные фрагменты изваяния богини – покровительницы Империи грудой валялись кругом, перемежаясь с осколками витражей, нападавших с разбитой крыши атрия. У основания пьедестала в грудке камня и разноцветного стекла виднелись бронзовые кубки-потирсы – должно быть, кто-то в свой последний час молил богиню о снисхождении и помиловании, но у него ничего не вышло – из-под обломков проглядывали человеческие кости в обрывках истлевшей тоги. На сведенных предсмертной мукой фалангах руки обвисли золотые перстни.

Жадные до грабежа орки, завидев желтый металл, тут же устремились к нему.

– Стоять! – рявкнул вождь. – Мы не затем сюда пришли, чтобы выуживать блестящие крупницы из отбросов! Заберем после, если не найдем чего поинтереснее...

Зеленокожие моряки остановились, с вождением поглядывая в сторону погребенного под завалом человека и его последнего богатства. Ослушаться своего Тонгурра они не имели права. Логнир уже был свидетелем того, что случилось на боевой ладье Гшарга с непокорными. Однажды посреди ночи его разбудил страшный рев и многоголосый хор злых голосов. Выбравшись из кубрика, бывший сотник увидел, что у борта собралась едва ли не вся команда. Любопытный гоблин даже вскарабкался по вантам, чтобы лучше видеть происходящее. Внизу, на ладье орков, прячущейся в тени «дракона» на якоре, творилось какое-то действо. Несколько воинов Гшарга опутывали веревкой своего собрата. Тот пытался вырваться, но притеснителей было слишком много, и они крепко его держали. Беднягу замотали в тугой кокон из парусины и бросили у мачты. Так ничего и не поняв, Логнир отправился спать дальше, а наутро всем предстало ужасное зрелище: свешиваясь с реи, на ветру покачивался оголенный скелет непокорного. Кости были привязаны друг к другу тугой нитью, чтобы не распадались, а через ребра повешенного палачи пропустили полосу багровой ткани. Жестоким тираном слыл морской вождь, но по-другому держать в узде таких отчаянных парней, как орки, наверное, нельзя... Вот и сейчас дикие воины из дружины «Гадрата» застыли за спиной своего предводителя, как десяток теней, боясь пошевелиться. Даже крайнее нетерпение, отражавшееся на их искривленных недовольством лицах, не позволяло им послушаться скорого на расправу вождя.

Гшарг тем временем наклонился и поднял кончиками когтей с пола какой-то истерзаный временем клочок пергамента. Осторожно сдув с бумаги пыль, он впился взглядом в едва видные чернильные строки.

– Что там? – Логнир подошел к орку и заглянул ему через плечо.

– Чушь какая-то... записка кого-то из сенаторов другому сенатору... Нам туда.

Здоровяк выбросил бесполезный обрывок и направился в отдаленный конец атрия, где виднелся проход, судя по всему, ведущий в главное помещение огромного пустующего здания...

– Откуда ты знаешь староимперский? – допытывался Логнир, стараясь не отстать от быстро шагающего морского вождя. – Не знал, что орки умеют читать на чужих, но что еще страннее – забытых языках.

– Ну, староимперский не сильно отличается от нынешнего имперского, если знать, что к чему... – самодовольно ответил Гшарг. – Скажу тебе так. Как говорят в порту Тразгар: если ты не умеешь читать и высчитывать, то, соответственно, ты не умеешь пить с корабельными картами эль. А если ты пьянеешь от первой же карты, то какой ты, к Бансроту, морской вождь? Хе-хе... Гляди-ка, занятное местечко...

Это было весьма приуменьшенное определение. Глазам путников предстало огромное помещение круглой формы с пробитым в нескольких местах, но не выглядевшим оттого менее величественным, куполом. Словно в театре, под стены поднимались ряды кресел, в нескольких местах разделенные мраморными лестницами. Это был главный зал здания Сената. Именно здесь когда-то собирались выборные горожане, «защитники народа», – сенаторы, консулы, преторы и эдилы.

Гшарг остановился лишь на миг, направившись в дальний проход, где за выбитой дверцей располагалось другое помещение: намного меньше атрия и круглого зала. Комната эта, от которой почти ничего не осталось, служила кабинетом проконсула, губернатора и наместника Императора в Северной Столице.

Вошедшим предстала уже привычная пустота помещения и давящая серость небес, проглядывающих в комнату в том месте, где должна была находиться крыша. У северной стены, под огромным круглым окном, от которого остался лишь слепой проем, стоял треснувший посередине мраморный стол, выполненный из некогда цельного куска камня. Разбитые и осыпавшиеся постаменты и бюсты громоздились в углах, пол будто бы специ-

ально был выложен черепками амфор. Других проходов, кроме той двери, через которую они вошли, Логнир не видел. Морской вождь в нерешительности остановился перед противоположной от входа стеной. Сплошной камень, кое-где растрескавшийся, был гладок и пуст – ни портьер, что могли бы скрывать потайные ходы, ни намек на само существование этих самых ходов. Морщинистая зеленая ладонь легла на полуобсыпавшуюся облицовку. Орк закрыл глаза, будто прислушиваясь к чему-то.

– Что ты ищешь, Гшарг? – удивился Логнир. – Здесь ведь ничего нет.

– Из кабинета проконсула обычно ведет дверь в секретную казну сената, где спрятаны самые большие сокровища города. И я найду эту крошку... Мою маленькую комнатку... Где ты прячешься от добренького орка?

– Бансрот подери твою жадность! Сейчас не время!

– Самое время.

Орк поудобнее взял топор за рукоять, взмахнул, примеряясь раз-другой... С третьего размаха, самого широкого, он ударил в стену. Кирпичи и осколки камня с грохотом и пылью полетели в стороны. Образовался небольшой пролом. Еще два удара топором – и он увеличился.

– Как в сказке о глупом дровосеке, что рубил камень... – проворчал Логнир. – Оружия не жалко?

– Здесь старая кладка. Едва держится...

Во тьме потайной комнаты мелькнул мимолетный золотой отсвет, и орк, уже почти пробивший брешь, начал махать топором с безумием одержимого, пока не прорубил достаточно широкий проход, чтобы можно было, позабыв об осторожности, ринуться внутрь. Что он и сделал...

– Ко мне, ребята! – донеслось оттуда, и его воины устремились за добычей. – Гарра, огниво! Давай разжигай! Да нет, подери тебя Бансрот, морская ворона, это мои пальцы! Ты гляди, из чего искры высекаешь, дура, чтоб тебя...

Блеснула искра, вторая, через миг запылал небольшой масляный светильник. Логнир и его люди тоже вошли в пролом.

Помещение оказалось небольшой комнаткой, забитой сундуками и мешками. Гшарг пнул один, чтобы удостовериться, что там не клубок ядовитых змей. Зазвенел металл, и орки как с цепи сорвались – начали разбивать замки на ларцах, разрезать кинжалами завязки мешков...

С пыльной крышки одного из сундуков, который распахнул дюжий орк, слетел длинный пергаментный свиток. Зеленокожий, не заметив этого, продолжал выгребать наружу золото и дорогие украшения, любовно ссыпая их в свою котомку.

– Добыча, добыча! – в пьяном иступлении хрипели орки, набивая пустые утробы заготовленных заранее мешков и сум. Они просто не верили своему счастью...

Гарк, почитавший драгоценности не меньше детей Х'анана, самозабвенно нацепил на голову древний золотой обруч; чешуйчатая перевязь с кинжалами, изукрашенными рубинами, заняла положенное ей место – на поясе у гоблина.

Бывший сотник не спешил присоединяться ко всеобщему алчному разгулу, он наклонился и поднял с пола свиток.

– Что это такое? – негромко проговорил он.

Гшарг, бросив через плечо мимолетный взгляд, рявкнул:

– Уж точно не потерянная страница «Летописи Народа Орков»!

Его воины, не отрываясь от сокровищ, разразились диким хохотом. Логнир лишь поморщился и развернул свою находку. Плотный пергамент, почти не тронутый временем, был сплошь исписан непонятными письменами.

– Гшарг, прочти, будь добр. Ты ведь знаешь староимперский...

– Да что же это такое?! – проревел орк. Он очень не любил, когда его отрывали от любимого дела. Сейчас в его глазах явственно читалось желание мигом разорвать человека на месте и вновь вернуться к опустошению сокровищницы. – Да забудь ты о нем! Посмотри, сколько здесь золота! Ты во всем своем жалком Гарбадене⁵ столько не найдешь!

– Гшарг!

– Ну ладно-ладно. Только быстро. Наверное, опять какая-то глупая сенаторская писулька.

Орк взял в руки свиток и начал скороговоркой читать вслух. Его бойцы и гоблин Гарк не отрывались от золота, перекладывая его из сундуков в мешки. По мере того как вождь переводил слова мертвого языка, его чтение становилось все медленнее, а голос все глуше и глуше. Люди и орки, казалось, вмиг позабыли о несметных сокровищах тириахадского Сената.

И вот что он читал:

«Я пишу это тому, кто не убоится зла. Читающий мое послание смело может вычеркнуть нас из списка живых – мы обречены, нас уже нет. Неизвестно, откуда я это знаю, но предчувствие... предчувствие чего-то ужасного рвет мое сознание на куски. Я пишу это, и руки мои с трудом держат перо. Они дрожат и трясутся, но я должен рассказать все...»

Это началось всего три дня назад. В город прибыли двенадцать легионов, готовые отправиться на север, в мятежный Ронстрад. Перед когортами на черном коне ехал сам Темный Император Титус Люциус XIII. Испуганный народ встречал узурпатора, как бога, лепестками роз и звуком десяти тысяч труб. Все полагали, что легионы только пройдут мимо и отправятся на север, но, на удивление горожан и Сената, войска не пошли дальше – они остались в городе. Темный Император разместился во дворце благородного консула Марка Гастиса, самого же советника и всю его семью выгнали из дома. Легионы не творят бесчинств на улицах – стали лагерем за северной стеной, лишь воины первого из них, «Гладиуса», оцепили бывший консульский дворец и под верховодством сиенских магов начали возводить на площади Страсти Синены странное сооружение. Обелиск. Огромный четырехгранный обелиск иссиня-черного мрамора.

С последним ударом молота сердце защемило так, словно это не по камню, а по нему прошелся боек. Все, кого я только ни спрашиваю, говорят, что жизнь начала их угнетать, что все бывшие радости вдруг померкли. Они твердят, что теряют все присущие людям чувства, словно высыпаящиеся из кошель золотые монеты. Будто все эти чувства из них выпивают. Я уверен, что виной всему обелиск... Обелиск, который не отбрасывает тени.

Но это не самое ужасное. Меня всего трясет, когда думаю об этом... Сердце то бьется как бешеное, то замирает, и кажется, что оно вообще исчезло из груди. СОЛНЦЕ НЕ ВЗОШЛО, но, наверное, и сам читающий это патриций видит постоянную ночь, черной пеленой накрывшую город. Утро не настало...

Темный Император в свете тысяч факелов и фонарей собрал весь народ на главной площади перед обелиском и, отобрав две тысячи самых крепких и могучих горожан, создал из них новый легион – Тринадцатый. Даже цыганского князя Маркуса Кована, что был в это время в городе, насильно поставили в строй. Молодые парни не хотели отправляться

⁵ Гарбаден – Гортен, столица королевства Ронстрад (перевод с орочьего).

на войну во имя Титуса Люциуса XIII, но их принудили – сотню самых строптивых прирезали на месте. Но даже это не могло заставить остальных пойти за тираном. Когда же палаческие ножи замахнулись над новой сотней, весь город встал на колени. Люди молили цвет Тириахада пойти на войну, молили мужчин остаться в живых ради их матерей, жен, любимых. Лишь тогда гордые тириахадцы вняли. Каждый по очереди подходил к обелиску, где, по указанию сиенских некромантов, длинным прямым кинжалом вспарывал себе ладонь и швырял несколько капель крови на черную стелу. Странно, но на ней не осталось и следа: камень по-прежнему девственно чист, точнее девственно черен. Все впитал – и страх, и боль, и муку, и кровь... Ужасный ритуал был непонятен ни жрецам Синены, ни даже городским некромантам.

Лишь теперь я осознаю, что это была не жертва, а символ... символ залога Темному Императору. Из рядов «Гладиуса» вышли пять десятков центурионов, десять военных трибунов и самый известный воитель Темной Империи – Первый легат Доминик Валион. Каждый из них подходил к обелиску, каждый брал нож и каждый резал себе ладонь, после чего возвращался в строй.

Новый легион стоял под багровыми сигналами, на которых значилось:

«Leg XIII

Mort a Imperia»

«Смерть во имя Империи» – гордый лозунг, но как бы он не оказался правдивым.

Затем последовала речь Темного Императора, в которой он говорил, что вечная ночь, чума, голод и монстры с болот – это все происки северных магов. Он походил на одержимого демонами и кричал, что скоро всему этому придет конец, а кровь и пепел искупят грехопадение. Богиня Великая, как жутко и больно было все это слышать...

Я пишу, а в руки мои словно ударила молния – они трясутся и дрожат. Я чувствую, что час мой близок. Прощай, мудрый патриций, и помолись Синене за меня, проконсула Креса Тириахадского. Что будет дальше, я не знаю, но в одном уверен: вырваться из окутавшей нас обреченности есть только один способ. И как страх порождает сомнение, а ужас отбирает веру, мысль лишить себя жизни уже не кажется столь уж безумной...

Не позволяй злу вонзить в себя когти и помни, что тайну Тириахада тебе откроет лишь Черный Обелиск. Ищи его...»

Орки молчали, не в силах что-нибудь сказать, впрочем, как и люди. Как могло все это произойти? Золото и драгоценности их уже не волновали.

– Подумать только, Тринадцатый легион, бесследно утерянный в топях во время войны, был насильно создан из горожан Тириахада! – пораженно прошептал Логнир.

– Так! – Гшарг поспешно бросил свиток на пол, словно это была ядовитая змея. – Выражаю общее мнение: пора побыстрее отсюда убираться. У меня мурашки на спине уже отплясывают шаманские танцы. Упасите нас Тайдерр и Х'анан от таких приключений...

– Ты собираешься меня бросить здесь, Гшарг? – спокойно спросил Логнир, пристально глядя на этого титана, сжавшегося под двумя мешками сразу.

– Да ты что, дружище! Я просто хочу скорее стереть свои следы с этих плит, что и тебе советую. Сдался тебе этот поиск! Возьмешь золотишка... Добыча, Логнир, добыча! Заветные слова... А то, во что ты нас пытаешься втравить, меня не сильно прельщает. Понимаешь, поиск проклятий на свою голову – это не для Гшарга с «Гадрата». Пойдем со мной, вернемся

на корабли, отплывем от берега на добрых миль двадцать и там уже спокойно потолкуем. Да и Риф, поди, заждался...

Люди слушали все это, нахмутив брови. Логнир наклонился и поднял свиток. Враз разбогатевшие орки с нетерпением переминались с ноги на ногу, некоторые уже многозначительно косились на двери.

– Хозяин продолжит поиск, и Гарк пойдет с ним, – встрял в разговор гоблин. Слуга Логнира упрямо взглянул на Гшарга. – А если у орка колени от страха дрожат и топор выпадает из рук, то это уже заботы трусливого орка.

– Молчи, мелочь! – прикрикнул на него морской вождь, оскалив клыки. – А то как бы тебя не прихлопнуло выпадающим из моей руки топором!

– Мой Тонгурр, он прав, – сказала вдруг Гарра. – Мы должны пойти с Логниром. Людей легко поймать в ловушку, и эти коварные руины сцапают его без нас, словно мышь.

Орки повыпячивали глаза, глядя на бунтарку.

– Что?! – От яростного взгляда Гшарга, наверное, даже могучий дракон забился бы в страхе в свою пещеру. – Против воли вождя идешь? Вы что, все сговорились против меня, крысы переменчивые?!

– Нет, вождь, мы с тобой! Что ты, вождь! Мы хотим на «Гадрат»! Добыча ждет дележки! – наперебой запыхтели орки, сгибаясь под тяжестью мешков. Они начисто вымели весь погреб, не оставив ни единого золотого бесхозным.

– Вот и отлично! А ты, Логнир, – свихнувшийся на божественных промыслах безумец! Не дам тебе затянуть нас с собой на дно, к глубинным демонам! Можешь забирать себе эту мерзавку-предательницу, мне же легче. Не будет слышно вечного скулежа этой морской вороны: делай, мол, то, а этого не делай... Коротышку с носом и остальных дураков можешь вести за собой хоть к Бансроту, если угодно. Мне плевать!

– Плевать, значит? – Логнир недобро глядел на орка. – Ветер в помощь. Убирайся и не оглядывайся, дружище. Чего еще ждать от орка, как не предательства?

– Не смей разевать на меня свою пасть, человечиска! – зарычал Гшарг, его глаза начали наливаться кровью. – Я не служу твоему никчемному трону. Я не давал тебе клятв и не брал духов в свидетели. Я здесь ради золота. И я нашел его. Значит, нужно вынести его отсюда побыстрее, пока есть что выносить и пока есть кому выносить. Слушай меня, белокожий... – морской вождь постепенно успокоился, – мои ребята идут на корабль. Я и Риф, конечно, подождем до второго Часа Тигра, если вдруг Великий Дух вернет вам мозги, если же нет – весла в воду и прочь, прочь, прочь...

– Господин сотник, – влез в разговор предводителей бывший сержант Лэм. – Мы вполне успеем разыскать статую и вернуться на корабль за два дня.

– Лэм правильно говорит, хозяин, – проронил Гарк.

– Не держи за спиной топора на меня, Логнир, – примирительно произнес Гшарг.

Логнир кивнул, но он все равно был зол. Только сейчас бывший сотник понял, что в присутствии вождя орков, который намного опытнее его и лучше разбирается в окружающей обстановке, он чувствовал себя в безопасности. А сейчас его будто раздели донага и собирались швырнуть на арену забитого зрителями цирка.

– Поторопись, человек, и счастливо оставаться. За мной, ребята!

Орк уже начал поворачиваться к выходу из проконсульского кабинета, когда оттуда раздался незнакомый грозный голос:

– Ничего не выйдет! Всем стоять, где стоите!

* * *

В круглой плоскодонной колбе размером с голову ребенка, горлышко которой было заткнуто пробкой, клубился черный дым, мрачный сгусток тени, порой прорезаемый двумя алыми, ненавидящими глазами. Это был старый пленник, вынужденный ежесекундно наблюдать за делами своего тюремщика, ярясь от собственного бессилия и непомерной злобы. Он ни за что бы не выбрался, хоть когда-то и являлся могущественным существом, да таким, с которым не могли совладать сами боги. Люди и по сей день проклинали друг друга, мусоля почем зря его имя, теперь уже ни для кого не опасное. Эссенция чистой боли, впитанная в стенки хрупкой с виду стеклянной тюрьмы, надежно удерживала его внутри.

Со стены, словно насмехаясь, смотрело изображение Хранна. На этой иконе бог войны был молод – он принял облик двадцатилетнего юноши с золотыми волосами, пронзительным взором и светлым лицом. В его глазах цвета окровавленной стали плясало привычное безумие, смешанное запредельной яростью, а побелевшая кожа являлась отнюдь не личной интерпретацией художника, но чудовищным состоянием исступления, отображенным на божественном лице. Хранн был богом пылающих чувств и безудержного нрава, первым лордом жестокости и убийств, вождем пронзателей и потрошителей, творцом битв и главным наполнителем погостов. И тем не менее именно он являлся богом-покровителем Ронстрада, благодетелем живущих на Срединных равнинах людей и вдохновляющим их на любой праведный поступок святым образом. Века обелили жестокого бога, память людей истерлась, а Святое Писание, составленное, к слову, демоном, а не человеком, отождествляло Хранна со светом, всепоглощающим добром и благотельностью. Как же забавно бывает об этом думать.

Я-то преотлично знал утерянную в зыбких песках прошлого истину, но отнюдь не собирался переубеждать этих никчемных смертных. Хотя обманываться – их дело, стремятся верить, не задумываясь, – пускай, пока могут, хотя бы погибать во имя кого-то – их право. Чем больше их сгинет, тем лучше...

Многие, должно быть, удивились бы, узнав, что сама смерть и незримый рок правят из монашеских покоев. Что погибель обретается в обществе неудобной кровати, грубо сколоченного табурета да простого дубового стола. Но, признаться, мне даже забавно представлять себе их удивление, если бы они вдруг узнали правду...

Сколько дел, сколько дел... Претворение в жизнь столь тщательно проработанных планов никогда не было легкой задачей. И пусть я более чем кто-то в этом несносном мире искушен в плетении паутины интриг, даже мне порой бывает непросто держать в уме все нужные ходы и возможные реакции моих, с позволения сказать, оппонентов. Хотя... кто они в сравнении с тем, кто меня сюда послал? Пыль под ногами, не более. Но даже пыль, будучи в неподходящий момент поднята в воздух, способна застилать глаза и помешать. В моих делах мелочей не бывает. Я всегда планирую одновременно множество комбинаций, дабы при случае иметь возможность выбрать наилучший способ достижения цели. Я никогда ничего не забываю, спасибо всемогущему Хаосу, и даже самые, казалось бы, незначительные детали отнюдь не избегают моего взора.

Что там у нас? Ах да, очередной акт поставленного действия близится, события в столице скоро произойдут, нужные фигуры уже расставлены на доске, ненужные – убраны прочь, чтобы не мешали. Устранены почти все, разве что... Да, об этом проходимце тоже надлежит позаботиться. Сеньор королевский шут, господин придворный балбес. Как можно забыть о вас? Маленькая пешка вполне способна сунуться туда, где не пройдет тяжелая фигура. Не стоит недооценивать нашего дурака. Этот вездесущий, вынюхива-

ющий нос, вечно подслушивающие уши и подсматривающие за чужими делами глаза уже настолько приелись, что давно пора было ими заняться. Тем более сейчас...

Я склонился над небольшим узким столиком в своей келье. Перо и бумага – вот и все, что понадобится для того, чтобы отделаться от этого ничтожного кривляки-шута. Никаких мечей, тюрем и плах. Порой несколько нужных слов на пергаменте бывают страшнее самых грозных армий, опаснее яда в бокале или занесенного над головой кинжала. Нужно только знать, что писать. Уж я-то знаю...

Гномий азрал, который остальные народы почитают неудобным и сложным в написании, прекрасно выходил из-под моих рук – даже самый ученый гном не написал бы лучше. Рунические символы следовали один за другим, образуя идеально ровные строки. Я взял пергамент и еще раз перечитал послание:

«Именем Высокого Тинга Ахана, Тэриона и Стуруна, я, лорд Тэроса, призываю вас, милорд Ричард Анекто, на помощь в борьбе с Троном Бездны. Войска демонов стоят под самыми стенами оплота. Мы опасаемся, что Крадущиеся попробуют совершить атаку. Ваша помощь необходима... Из последнего оставшегося в Тэрионе форта Дор-Тегли Тэрос».

Да, все правильно. И не забыть поставить печать. Хе-хе. Глупые гномы считают, что их печати так сложно подделать. Может, и сложно, но только не для меня. Шут просто обязан клюнуть на это. Его дружки-гномы в опасности! Ха-ха-ха! Совет Подгорных просит, просто умоляет его о помощи – какое подношение его самолюбию, он должен быть благодарен. Должен оценить...

– Тень! Где ты там?

Серая фигура тут же возникла рядом, словно и не уходила вовсе. Хорошая тень, понятливая. Надо будет как-нибудь сделать еще одну, но тут раз на раз не приходится, хорошие слуги во все времена были редкостью.

– Повелитель... – Тень подняла свои пустые призрачные глаза.

– Возьми это письмо и доставь его в дом королевского шута. Он ни за что не должен догадаться, как это письмо к нему попало, ясно?

Призрак тут же ухватился за лежащий на столе пергамент:

– Будет исполнено, повелитель.

Еще бы. Иначе не проживешь и минуты. Странно, что тени так цепляются за эти жалкие остатки жизни, которыми я их наделяю. Казалось бы – ничего уже от тебя не осталось, одна лишь истонченная серость, ни чувств, ни тела, ан нет, – стараются, служат. Не хотят уходить в полное небытие...

Я взмахнул рукой, убирая со стола бумаги. Они тут же исчезли в небольшом огненном вихре. Тени подождут, сегодня мне еще предстоит поставить последнюю точку в своем маленьком плане.

Следует нанести кое-кому визит. Полезная тварь и могущественная, но слишком уж своевольная. Самая крупная кукла в моей коллекции марионеток. Самая опасная фигура. Рано или поздно общение с этим существом окончательно мне надоест, и я уберу его с доски, но пока пусть служит. Пришло время использовать его еще раз, новый приказ должен стать для него своеобразной проверкой. Пусть только попробует подвести...

Я не стал открывать порталов, переносить свой образ в Бездну или воплощать его присутствие здесь. Разговор с глазу на глаз не входил в мои планы, а страсть к дешевым эффектам я всегда предпочитал оставлять смертным. Это исчадие за тысячи лет существования видело и не такое. Я просто позвал, и он услышал.

– Ктуорн Ганет, Шип Бездны...

– Повелитель? – в келье раздался хриловатый голос. Витражное окно с изображением святых вздрогнуло и начало сотрясаться со все нарастающим звоном... В глазах на ликах праведников замерцали кровавые слезы – так заклыйтый волишебством собор реагировал на незримое присутствие демона. Разговор не должен продолжаться долго – скоро начнут бить колокола...

– Узнал, значит... Как продвигаются дела в Бездне?

– Ваша последняя просьба. Я как раз занимаюсь ею.

Ха! Просьба, как же. Нет, этот наглец однажды точно поплатится. Терпеть его выходы становится все труднее, и вскоре чаша моего недовольства окончательно перевесит чашу его полезности. Тогда весы судьбы Теневого лорда качнутся и спадут с оси, чтобы разбиться вдребезги и замереть навсегда.

– Гномы подождут, их погибель – лишь вопрос времени. Хочу поручить тебе еще кое-что.

– Слушаю.

– Я отправил к тебе гостя и не хочу, чтобы он возвратился обратно.

– Кто он?

– Ричард Анекто, твой старый знакомец. Убивал твоих слуг у тебя же под носом, если ты помнишь. Он направляется в Тэрос.

– Едва не уничтоживший род Крадущихся? Я позабочусь о нем.

– Я наслышан о твоём гостеприимстве. Сожри его душу. Я не хочу больше о нем слышать.

– Великий Разрушитель не изволит сомневаться...

Я оборвал разговор, не желая больше выслушивать его пустые заверения в безграничной преданности. Меня не обманешь лестью и лживыми посулами. Преданность – совсем не то, чего я жду от своих кукол. Крепкие нити, цепи и поводки во все времена были надежней, чем бесплотная верность.

Глава 3

Гости с Терновых холмов

*В двери под утро раздался стук.
Не подходи! То отнюдь не друг,
Там не старый Том или сын его Гарри —
Так скребутся и стонут лишь гнусные твари.*

*Они приходят сюда с Терновых холмов,
Из вершин тех растут могильные камни.
То старые-старые могильные камни,
Просишие мхом могильные камни.*

*От окон держись ты подальше
И камин поскорее закрой.
Дверь, дружище, запер ты раньше,
Но раздался вдруг вой за спиной.*

*Их следы на потерянных тропах
Чертополохом давно заросли.
Колючим, пурпурным давно заросли,
Чертополохом злым давно заросли.*

*Когда жена твоя плачет,
А дети от страха дрожат,
Ты забыл про подвал, мой мальчик,
Нынче трупы в кроватях лежат.*

*Напьются крови и сгинут навеки
Незванные гости с Терновых холмов,
Рычащие твари с Терновых холмов,
Голодные звери с Терновых холмов.*

«Гости с Терновых холмов». Страшная сказка. Неизвестный автор

Говорят, когда в одном месте собирается несколько объединенных одной идеей, общей целью или же сходными устремлениями личностей, то им ничего не стоит договориться между собой, наладить общение, обсудить все детали и тронуться в путь — то есть ступить на прямую дорожку, ведущую к достижению этой самой цели. Те, кто так утверждает, должно быть, никогда не имели дела с гномами. Но в нашей истории все сложилось несколько иначе. Все было сложнее, запутаннее... чего греха таить — мрачнее. Мало кто знает, что когда вместе собираются гномы, им достигнуть согласия по какому-либо вопросу удастся лишь с большим трудом (чаще всего при помощи подзатыльника или же тычка в глаз). Особенно если эти гномы давно знакомы друг с другом, но что еще хуже — некоторые из них являются между собой дальними родственниками. Как известно, у родственников, особенно дальних, всегда найдется какая-нибудь затаенная обида на тебя, старая и почти позабытая, но никто не откажет себе в удовольствии ее вспомнить, ну и, конечно же, поквитаться по мере своих скромных сил. Дальние родственники среди гномов — как будто крысы из разных нор, меряющиеся длиной усов, толщиной брюх и остротой зубов. Разве что здесь как предмет спора идут

в ход: длина бороды, толщина кошелька или острота языка и памяти. Но что уж говорить о том «благополучном» для всех моменте, когда вышеупомянутые личности (гномы, а не крысы) собираются вместе ради «дела». Даже не так, а скорее – Дела с большой буквы. А что еще печальнее, когда это самое Дело заключается в добыче (краже, раскопке, снятии с трупа) некоторого количества ценных предметов. Что ж, тогда глаза Нор-Тегли (в данном конкретном случае именно их) загораются блеском, в котором читаются отнюдь не душевная доброта и неумное стремление поделиться с ближним последней краюхой, но алчный огонек, сравнимый лишь с догорающей лучиной, оставленной в крепко запертой кладовой. Нет, она не яркая – еще кто, чего доброго, увидит через щель; она именно багровая, припрятанная и, несомненно, корыстная. И всегда во время сборищ гномов, являющихся между собой дальними родственниками, когда они встречаются как раз для того, чтобы обсудить Дело о добыче тех самых эфемерных (пока что), но столь же реальных (в глазах любого истинного Нор-Тегли) сокровищ, суть разногласий может уладить лишь предводитель, чье имя является символом, а голос – громом. Лишь он (предводитель) в состоянии призвать своих словоохотливых и щедрых на угрозы, оскорбления и прочие изыски нормального светского разговора сородичей к тишине и спокойствию. Что он и сделал, нежно и ласково.

– Молчать всем, мерзкие крысы! – проревел Дори Рубин на всю комнату. Гномы затихли.

Наступившая тишина могла быть сравнима лишь с мертвенностью погоста или сонливостью спальни, все постояльцы которой, опять же, умерли. Собравшиеся жались в своих креслах, в центре комнаты располагался стол, где и лежала позабытая карта. За окном наступил вечер, под потолком чадили масляные лампы. Это место Дори выбрал не случайно, так как его знали все и путь сюда для каждого был примерно одинаковым. Трактир «Огонь над дорогой» возвышался, как и следует из названия, над трактом, а если точнее, то над большим полуночным путем, что начинался у врат Гортена и вел на север, к Истару. Вполне ухоженное и уютное заведение нависало над дорогой в пятнадцати милях от столицы, словно мост; оно состояло из двух частей, между которыми и проходил тракт, ныряющий в тень галереи и продолжающийся уже с другого ее конца. Из окна комнаты гномов можно было видеть проезжающих внизу. Старые стены постоялого двора поросли диким виноградом, а по бокам тянулись ввысь две островерхие башенки с большими круглыми окнами. Над аркой проезда висел деревянный щит, на котором были изображены скрещенные вилка и нож.

– Мы сидим здесь уже два с половиной часа, но так и не обсудили Дело, – грозно произнес Дори и стукнул кулаком по столу, отчего вверх подпрыгнули кружки с элем, глиняные миски и обглоданные куриные кости.

– Смотрите, прыг-скок, пляшущая посуда... – усмехнулся было Ангар, но, увидев изнитожающий взгляд Рубина, тут же умолк, и улыбка исчезла с его губ – он понял, что следующий удар придется по его неизвестно отчего довольному лицу.

– Я не собираюсь ничего обсуждать, пока здесь... этот, – скривился один из гномов. У него была недлинная серая борода, походящая на груды пепла, спутанные волосы, рассыпавшиеся по плечам, будто клочья старой паутины, и жуткий шрам, что белой изломанной линией тянулся из уголка рта вверх по левой щеке, скуле и так к глазу. Из-за увечья можно было подумать, что гном постоянно зловеще ухмыляется. В бороде у него были заплетены две косицы – символ его боевой славы.

Он сидел на деревянном стуле, положив руки на торец рунического топора, и злобно глядел на сидящего напротив Лори Дарвейга, безмятежно бормочущего что-то себе под нос. Подчас Неудачник подергивался, будто деревянная кукла на шарнирах, временами резко оборачивался и косился через левое плечо на гладкую серую стену. Каждое импульсивное движение бывшего гортенского нищего, которое, как знали все присутствующие, было абсолютно произвольным, вызывало все больше негодования у гнома со шрамом.

– Тебя что-то не устраивает, Кили, сын Кайни? – тут уж разозлился Ангар. Непутевый всегда очень остро реагировал, когда кто-то недобро отзывался о его неудачливом друге Лори. – Все мы знаем твое хваленое мастерство обращения с этой деревяшкой, так, может, вернешься в Грон-Хелм и снова встанешь в ряды лейданга? Ой, прости... – вызывающе усмехнулся Дортан. – Ты же не можешь. Кого-то изгнали из родного оплота...

– Убью, пещерная крыса!

Кили вскочил на ноги. Его глаза пылали яростью, а лицо налилось багрянцем. Топор взлетел было в широкой руке, но совершить что-либо еще, кроме замаха, он не посмел – ему прямо в грудь глядел заряженный арбалет с двумя парами рогов. Не переставая что-то бормотать себе под нос, Лори стремительно поднял оружие.

– Сядь на свое место, Кили, – приказал Дори Рубин. – Опустит топор и запомни на будущее: не приведи Дрихх, я увижу, что ты еще раз поднял его на братьев. Я, поверь мне, не буду столь милосердным, как старейшины, а скормлю тебя воро́нам, но прежде отрежу твои косицы на бороде в знак позора.

Кили, молча ярясь, опустился на стул. Он не смел перечить Дори, поскольку очень его боялся. И пусть серобородый являлся великолепным воином, ему было всего лишь сорок лет от роду, в то время как Рубин разменивал вторую сотню – уважение и страх перед возрастом для гномов, в большинстве своем свято чтящих древний уклад, зачастую были весомее пудового кулака или остро заточенной секиры.

– Ничего, – еле слышно прорычал Кили, – мой Хег⁶ еще напьется крови безумца и предателя традиций...

– Что ты сказал?! – проревел Дори. Кили не ответил.

– Слышал, Вчера? – широко улыбнулся Лори, в его взгляде было отсутствующее выражение. – Он назвал меня безумцем. С чего бы это?

Все собравшиеся знали, что Кили отличается весьма буйным нравом, просто не умеет быть сдержанным в своих порывах и при любом подходящем случае стремится пустить оружие в ход. Возможно, это и стало причиной его изгнания из Глен-Хорта, а может, и не это. Гном предпочитал не затрагивать эту тему, и было известно лишь, что около пяти лет назад старейшины начертали его имя на камне позора и запретили даже приближаться к оплоту родного клана. С тех пор он и мерил своими сапогами просторы королевства людей, а всего седмицу назад стопы привели его в Гортен, где он услышал о том, что Дори по прозвищу Рубин, известный охотник за сокровищами, ищет надежных компаньонов для некоего опасного предприятия. Кто бы сомневался, что Кили окажется едва ли не из числа первых поступавших в его двери...

– Может, оставим распри на послезавтра? – проговорил Рубин. – Сейчас нам нужно решить наконец с картой. Кто не желает, кому лень, кому-то, может, слишком весело, другие обижены на весь мир и окружающих – все могут выметаться! Но. Если кому-то здесь нужно золото, закройте на ключ свои болтливые рты и открывайте их только по делу. Всем ясно? – Гномы закивали. – Итак... Ангар, расскажи нам, будь добр, как попала к тебе эта карта.

Слово взял Непутевый:

– Ну, это очень долгая и запутанная история, окутанная мраком, тайнами и кровью...

– Без предисловий, Ангар, – оборвал его Дори.

– Ладно... – печально вздохнул Дортан. – Итак, прошлой зимой, как раз в канун праздника святого Клодия, один мой знакомый (вы его не знаете), даже не знакомый, а скорее просто осведомитель нашептал мне о том, что кое-где... хе-хе... просто так валяются несметные бесхозные сокровища. За определенную долю в будущем богатстве он рассказал, что один человек (имя его неважно для Дела, назовем его просто господин Вепрь) собирается

⁶ Хег – Грызун (перевод с гномьего).

в скором времени встретиться кое с кем из северян, что обретаются или в Истаре, или где-то неподалеку – мол, они знают, где припрятано кое-что, способное его заинтересовать. В общем, я отправился на встречу и проследил, как господин Вепрь поднялся на чердак одного заброшенного дома по не важному для Дела адресу в некоем городишке на тракте меж Гортемом и Хианом. Там я узнал (спасибо моим чутким ушам и довольно большой замочной скважине), что один из двух северян является хронистом, но не простым, а из тех, что шныряют по королевству и за его пределами в поисках рукописей. Их называют чернильными охотниками. Эти странные люди разыскивают старые свитки и карты, проверяют их ценность и пытаются продать различным заинтересованным личностям. И вот, друзья мои, вы уже могли догадаться, что я стал свидетелем как раз такого обмена. Господину Вепрю был предоставлен клочок бумаги, на котором не было ровным счетом ничего. Тогда он потребовал доказательств того, что ему подсовывают не дохлую крысу, и чернильный охотник тихонько прошептал слова заклинания, проявляющего карту. Вы бы видели в тот миг лицо господина Вепря! Он покраснел, глаза выкатились, рот алчно приоткрылся, и серый язык облизнул враз пересохшие губы. Я уж тут, конечно, сразу понял, что Дело того стоит... В общем, господин Вепрь отдал некоторое количество золота за бумагу, упомянутая бумага была ему вручена, после чего стороны мирно разошлись. Чернильные охотники ушли восвояси, а моим вниманием всецело завладел новоиспеченный хозяин карты. Я стал его личной тенью, следовал за ним по пятам, куда бы он ни направился, подслушивал все разговоры, что он вел, проверял всех, с кем бы ему ни заблагорассудилось встретиться. Я не отставал от него ни днем ни ночью, и вскоре мои труды увенчались успехом. Алчность, как известно, приводит к излишней неосторожности, а господин Вепрь оказался еще тем любителем золота. Небольшой клочок бумажки, казалось, зачаровал его сильнее самой прекрасной из всех красавиц, околдовал сильнее искусной ведовки, завладел всеми его помыслами. Господин Вепрь не расставался с картой ни на миг, он все время желал проверить, там ли его сокровище, хранится ли оно на потертом старом свитке или уже исчезло, как ловко наведенная иллюзия, и ему следует немедленно собираться в погоню за наглыми обманщиками. Когда оставался один, он постоянно произносил тайные слова (и мне удалось разобрать лишь, что там что-то по-гоблински) – проявлял карту, после чего, вволю налюбовавшись, вновь говорил эти же самые слова и стирал все планы. Поначалу я волновался не меньше его – о ловкости и хитрости различных мошенников в нашем Деле ходят легенды. Но через три дня после обмена я понял, что беспокоиться не о чем – если карта проявляется до сих пор, то она подлинна – по крайней мере, не является иллюзией, подлыми происками магии или результатом какого-нибудь фокуса. Далее следует самая главная часть моей истории. Вы никогда не догадаетесь, что я имею в виду, но моя неповторимая ловкость, гениальность ума и изворотливость фантазии...

– Ты похитил карту, – хмуро прервал хвастливые излияния Непутевого Дори. – Обойдемся без подробностей кражи. Что было дальше?

– Дальше... – Ангар серьезно оскорбился – это была самая эпичная часть его повествования. – Эх, я подменил карту и сбежал так, что следы простыли на сухой дороге. Карта была у меня, но она была стерта. Я не мог ее расшифровать, поскольку не знал слов ключа. Я уже думал похитить самого господина Вепря, применить пытки, раздобыть запрещенное зелье правды, из тех, что использует тайная стража, или какую-нибудь магию, упаси Дрикх от подобного злодеяния. Но... – Ангар Дортан важно поднял вверх указательный палец, – я поступил намного хитрее. Я поймал гоблина... Да не простого, а геррге-нома. Каждый из вас, полагаю, знает, что так Гаручи называют своих летописцев и мастеров тайных знаний. Тут уж я не стеснялся – каленое железо, как выяснилось, не во всех случаях является горячо любимым гоблинами. В общем, крики, проклятия, шипение и три таких важных для меня слова... Прошу любить и жаловать...

Ангар подошел к столу и прочитал слова ключа: «*Аззарах ур Г'арах*». Тут же карта проявилась. Гномы окружили трофей своего товарища.

– Но это еще не все, Ангар, верно? Нам нужно знать, что является предметом Дела.

– Эээ... предметом? – сконфуженно пробормотал Непутевый. Было видно, что Ангар что-то скрывает, что-то недоговаривает. Дори знал его слишком долго, чтобы сразу же это понять. Как опытный предводитель, Рубин осознавал, что, конечно же, не стоит с самого начала распугивать будущих компаньонов предполагаемыми драконами и еще всем, что Ангар решил оставить при себе. А что уж говорить о любви Дортана к приукрашиванию и преувеличению собственных заслуг. Дори не удивился бы, узнав, что Непутевый придумал всю историю от начала и до конца.

– Ну, это чья-нибудь казна, – пояснил рыжебородый Ангару очевидную вещь. Дори не любил тратить свое время на толкование очевидных вещей. – Чье-нибудь наследство, припрятанное награбленное или еще что-нибудь...

– Ах да... – Непутевый задумался с таким видом, будто бы впервые его посетила мысль, откуда же на самом деле в той пещере валяются горы их пока еще не добытого клада, – в общем... это казна, да, казна. Мне рассказал старый геррге-ном.

Дори понял, что его друг начал сочинять на ходу. Разоблачать он его отнюдь не соби-рался: есть карта, есть клад – и хорошо. Это лучше, чем ничего. Лучше, чем надрывать спину и зарабатывать простуду, вкалывая до изнеможения на старого хрыча Глойна. Хочется Непутевому приписать себе парочку подвигов, потешить душу выдуманными историями – пусть.

– Чья же это казна? – спросил один из молчавших до того гномов. С короткой и чер-ной, как груда угляев, бородой и взлохмаченными волосами. Подле него сидел его брат-близнец. Эти гномы путешествовали со странствующим цирком Горация Головешки и заслу-жили славу непревзойденных метателей, мастерски швыряясь буквально всем: от пивных кружек до тяжелых топоров. Близнецы Клыка (это было их манежное прозвище) были ста-рыми товарищами Рубина и несколько десятилетий назад даже принимали участие в некото-рых авантюрах рыжебородого, поэтому неудивительно, что, как только наметилось нынеш-нее путешествие в Тэрион, предводитель отправил им письмо с приглашением войти в долю. Не теряя времени, они покинули пестрый многоцветный лагерь на новом дайканском тракте, где тогда выступал цирк Головешки...

– Да, и в самом деле, чья? – поддержал первого близнеца второй.

– Я расскажу вам! – напустил на себя таинственный вид Ангар. – Слушайте же, друзья, это очень долгая и запутанная история, окутанная мраком, тайнами и кровью...

– Ангар!

– Ну да. На севере Хребта Тэриона в своих темных подземельях жил один гоблинский король, злобный-презловый. У него, как водится, было множество сыновей, ясное дело, принцев, и все они пошли своим нравом в любимого батюшку. Но злее всех был самый млад-ший из них. Справедливо рассудив, он понял, что трона ему не видать как собственных ушей, и решил сделать по-своему. Парнишка вовсе не стал дожидаться, пока на тот свет отойдут и батюшка, и восемнадцать его старших братьев, а нетерпение, как всем известно, ни к чему хорошему не приводит. В этом случае также. Принц попытался было поднять мятеж, но, как это обычно бывает, что-то пошло не так, и все провалилось. В общем, он собрал всех недовольных и попросту сбежал из подземного замка отца. Не прошло и двадцати лет, как немного западнее он основал свое собственное королевство, построил город, столь же без-вкусный и мрачный, как бывшее родовое имение, и завел довольно пристойное количество слуг и вассалов. Спустя пару сотен лет он накопил столько золота и самоцветов, что им не было уже счета. Именно эта казна мятежного принца нам и нужна.

– То есть мы собираемся пробиваться в гоблинский подземный оплот?! – вскричал Кили. – А как же пресловутая «бесхозность» клада? Или тебе, Ангар Дортан, растолковать значение этого слова?

– Обойдусь, премного благодарен, – скривился Ангар. – Вы же не даёте договорить и все время меня перебиваете... Так вот, друзья-гномы, доношу до вашего сведения, что подземная крепость пуста, и уже давно. Что-то... – Непутевый запнулся, не зная как это объяснить. – Что-то неизведанное пришло...

– ...и убило всех жителей оплота, – закончил за него Лори Дарвейг. Все удивились, откуда Неудачник знает о тех событиях.

– Да, – пораженно согласился Ангар.

– Что-то явилось из снежной бури... – прохрипел Лори, резко трясая головой, словно его кто-то тянул за ухо.

– Да.

– Что-то выбралось из чудовищной метели...

– Да, но ты-то откуда об этом знаешь?

– Я знаю... хе-хе... я знаю... мы читали, помнишь, Вчера? – криво улыбнулся Лори. Его глаза наполнились привычным полубезумным выражением. – Потому что это одна из самых известных баллад о гоблинах. «Ледяная чума». Король Гемлаг Недовольный (тот самый младший принц) пал от снежного чудовища. Я много чего перечитал, чтобы выяснить все о монстре, который преследует меня самого, – признался Лори. – Но нашел лишь рассказы и истории о других тварях, иных напастях.

– Что-то ты темнишь, Ангар, – покосился на Непутевого один из молчавших до сей поры гномов, хмурый Долдур Неммер, присоединившийся вместе с братом к отряду лишь прошлым вечером – для этого они покинули небольшую деревушку на тракте, где жили уже три десятка лет. Лицо гнома имело медный оттенок, как и всклоченная, судя по всему, из-за долгого нахождения подле горна, борода. Сказать по правде, он и был кузнецом. Подле сидел его младший брат в зеленом кафтане и с недлинной каштановой бородой, напоминающей кусок древесной коры.

– Да нет, – пробормотал Непутевый. – Просто история такая...

Почти одновременно гномы почувствовали, как к каждому из них начинает подбираться страх. Как он запускает свои ледяные пальцы им под одежду, пытаясь нащупать сердце. Нор-Тегли действительно испугались некоей неведомой твари, что вышла из снежной бури и уничтожила всех гоблинов Гемлага Недовольного...

Ангар и предположить не мог, что его выдуманная на ходу история найдет свои привязки к древним легендам и превратится в нечто подобное. Из истории о его храбрых подвигах все переросло в какую-то зловещую жуть.

– Никто не знает, что это было на самом деле, – продолжал перехвативший нить рассказа Лори Неудачник. – Так гласит легенда. В полночь, когда зазвонили колокола под сводами главного зала города Гемлага, а ворота, ведущие в глубь подземелий, сорвало бурей, нечто проникло под гору. Оно, подобно чуме, истребило всех. Туннель за туннелем наполнились непередаваемым холодом, вода в подземной реке замерзла и стала льдом. Младенцы гоблинов превратились в безжизненные обмороженные трупы в своих колыбелях, а старики просто позастывали на месте, будто ледяные скульптуры. Остальные жители: и мужчины, и женщины встретили свой конец в клыках монстра. Неведомая тварь, вышедшая из снежной бури, сожрала всех: и короля Гемлага Недовольного, и всех его подданных. И никто с тех пор ни на шаг не приближается к разоренному оплоту.

– Эээ... ну все не совсем так, – попытался оправдаться Ангар. – Там просто никого нет, и все. Зато много сокровищ... Это легенда, и ничего более.

– Давайте оставим различные заумные истории, ведь, полагаю, мало что в них – правда, – убеждал и себя, и остальных младший брат кузнеца. Его звали Хонир. – Все это гоблинские сказки.

– Вот-вот. Но меня до сих пор мучает еще один вопрос, Ангар, некая мелочь... – протянул Дори. – А какую часть ты обещал...

– Одну девятую часть от общей добычи, – перебив друга, скороговоркой выпалил Непутевый и отвел глаза.

– ...своему осведомителю, – закончил Дори и тут же понял, что из всей истории это было единственной правдой. Ангар кому-то задолжал одну девятую часть сокровищ, и, кажется, лишнее упоминание об этом доставляло ему не самые приятные ощущения.

* * *

Пони, медленно перебирая копытами, шагали на север. Отряд состоял из восьми путников. Все они были гномами, все вооружены до зубов. Сгущались сумерки, когда за спиной раздались стук десятков копыт и звуки трубы, призывающие освободить дорогу. Кладоискатели съехали на обочину, и мимо пронесся отряд всадников, во главе которого скакали лорд в дорожных доспехах и человек в длинной мантии, алой, точно закат, и такой же остроконечной шляпе.

– Маги... маги... – задумчиво проговорил Дори Рубин, выплевывая залетевшую в рот пыль. Гномы продолжили путь. – Главное, чтобы они не влезли в наши дела.

Ближайший друг и соратник рыжебородого, именовавшийся Дортаном, презрительно на него покосился:

– Не упоминай при мне этих подлых фокусников. Я очень их не люблю...

– Но нельзя забывать о старом Неверморе, – воззвал к его разуму Дори. – Нельзя о нем забывать...

– Кто такой этот Невермор? – спросил молодой Хонир. Он следовал сразу за предводителем и его другом.

– Наш путь будет пролегать через его земли, Хонир, – пояснил Рубин. – Это злобный сумасшедший старик, который живет где-то на заброшенной поляне в лесу Дерборроу, в нескольких милях севернее Истара. Говорят, что он бывший некромант или еще нечто в том же духе. Кто их, чернокнижников, разберет... Его дом нужно обходить стороной и ни в коем случае не прислушиваться к вою ветра, когда мы окажемся в тех местах.

– Некромант? – испуганно проговорил Хонир. – Может, обойдем лес Дерборроу, и все?

– Нет. Там только одна дорога. Наша.

– Невермор?! – встрял в разговор Лори, он ехал на своем пони подле Ангара и все время разговаривал сам с собой – вел приглушенный диалог с невидимым собеседником по имени Вчера. Подле никого не было. Подчас он судорожно дергал то рукой, то плечом, и вскоре все уже привыкли к его необычному поведению. Все, кроме Кили, который по-прежнему исподлобья глядел на этого безумного компаньона. – Слышал я о старике Неверморе. Говорят, что любой, кто захочет найти его дом, с легкостью его отыщет, в какой бы части леса ни находился. А уж старик всех приютит... разделает на своем кухонном столе...

– Ладно, оставим магов, – закрыл большую для себя тему Непутевый. Помнится, когда он только начинал заниматься своим опасным ремеслом, его ничто не могло остановить. Ничто, даже если требуемые ему сокровища лежали под замком и принадлежали еще живому и вполне здравствующему человеку. Что там было у него на двери написано? Слова врезались в память и тело гнома на всю жизнь:

Поиски счастья ведут не туда,

Чего мы хотели и ждали.
За дверью запретной таится беда —
Ты веришь всему, что сказали?
Замок на двери, ключ в руках — отпереть,
Что там ты стремишься найти?
Не бойся. Войди. Поспеши умереть!
Забудь про ключ и уйди.

Как жаль, что тогда он не внял этому предостережению. Как же! Такая честь и слава среди собратьев по промыслу — пролезть в сам Асхиитар, королевский дворец! Да не просто во дворец, а в покои Архимага Элагонского... Что ж, теперь Ангар, как он сам смел надеяться, стал умнее, получив после того приключения большой ожог в виде отпечатавшихся букв злого стишка на правом плече. «Никогда не связывайся с волшебником» — вот была главная и единственная на данный момент заповедь Непутевого, и неважно — некромант это или честный-пречестный королевский маг.

Дори тем временем думал о своем. Как было бы неплохо, если бы Дело выгорело. Если авантюра пройдет как по маслу, то о бедности можно будет забыть на долгие годы. Можно будет найти наконец ту единственную, которой ему так не хватало последние пятьдесят лет. Жива ли она еще в Глен-Хорте? Помнит ли его? Или уже выплакала все слезы по такому сорвиголове, как Рубин, и нашла себе кого-нибудь поумнее, посolidнее, да что себе лгать, — побогаче?

Дори посмотрел в непроглядное небо.

— Только грозы нам к ночи и не хватало, — процедил он, и тучи будто услышали его — тут же заморосило.

Гномы набросили на головы капюшоны.

— Лори, давай вперед, присмотри нам убежище на ночь, — Рубин повернулся к вновь бормочущему что-то себе под нос Дарвейгу.

Тот прекратил шептать и, ткнув каблуками в бока своего пони, поехал быстрее по тракту, вглядываясь в даль. Перед глазами лежала прямая дорога, с двух сторон подпираемая лесом. Сумерки сгущались довольно быстро, тем более что свинцовые тучи делали небо все темнее и темнее.

Гном Лори Дарвейг, выходец из клана Грон-Карраг, давно покинул родной оплот, вот уже долгие годы прозябая в странствиях. Чего только не повидал он в дороге! Известный охотник за сокровищами Дори Рубин всегда предпочитал брать «в долю» профессионалов: храбрых, умелых и сильных. Лори со странным прозвищем Неудачник был именно таким. Что еще более важно, он был надежным. Но в жизни ему не повезло, больше всего это отразилось на его широком улыбчивом лице, которое придавало ему вид обманчивого добродушия, запечатлелось в больших синих глазах, с неизменной печалью взирающих из-под кустистых бровей на окружающий мир. Долгие дни и ночи в дороге, ночевки в грязных канавах и подворотнях превратили некогда красивые русые волосы в немытые и нечесанные лохмы, ведь он нечасто останавливался под уютным кровом. Оттиск нищенства крепко въелся в его лицо своими голодными клыками. Лори уже давно забыл о такой вещи, как гребешок, и просто перехватывал волосы кожаным ремешком.

Предводитель не зря послал Неудачника высматривать укрытие на ночь — тот был самым зорким во всем отряде. Превосходный стрелок; его любимым оружием был арбалет с задорным прозвищем Не промахнись. И после того, как Лори вернул его себе, он ни на минуту не расставался с этим изумительным четырехзарядным чудом гномьей инженерной мысли — оружие всегда висело в чехле у него за спиной, откуда могло быть извлечено в считанные мгновения...

Не прошло и пятнадцати минут, как гном обнаружил то, что искал. Вдали, из-за леса, уже накрытого пеленой дождя, виднелось какое-то высокое каменное строение. Кажется, башня...

Обрадованный Лори поспешил вернуться к товарищам.

– Где, ты говоришь? – спросил предводитель отряда.

– В полутора милях западнее тракта, если идти от старого поворота.

– Ну что ж, в путь! – воскликнул Дори и первым пришпорил своего пони в указанном направлении...

Через некоторое время, промокшие и злые, гномы стояли перед башней, крышу которой узрел над деревьями Лори. По сути, это строение даже башней можно было назвать лишь с большой натяжкой. Жалкие останки и руины – вот что это было. Полуразвалившиеся стены, покрытые мхом, заросшая травой каменная кладка плит и обломанные части каркаса крыши, конечно же, без черепицы – в общем, никакого уюта и тепла.

– И как это называется, друг Лори? – Рубин сердился.

– Это называется, что у кого-то голова находится не на плечах, а в мешке за пазухой, – злобно проговорил Кили, до боли в суставах сжимая рукоять топора.

– Нд-а-а, не ахти, – подтвердил Анггар, – но и это сгодится. Вон под теми останками этажа вроде не мокро, и дождь туда не проникает. Быть может, духи развалин нальют нам эля?

– Нет здесь никаких духов, – проворчал Дори. – Да и будь они, тебе бы лишь крови налили... кого-нибудь из нас. Будьте настороже, друзья, глядите в оба. Красные Шапки⁷ не дремлют, у всех при себе есть осиновые кинжалы?

– Да чего ты хмуришься-то, Рубин?! – расхохотался Непутевый. – Свежий воздух, хорошая погодка!

В этот миг ударил гром и сверкнула молния. Начался ливень. Гномы зло поглядели на своего товарища, которому так и не удалось их подбодрить. Улыбка, смахивающая на промокшую под дождем кошку, сползла с широких губ Анггара.

Руины круглой дозорной башни приняли путников под свой прохудившийся кров. Наверное, когда-то это было высокое сооружение с толстыми стенами и стрельчатыми окнами. От дождя, снега и солнца верхнюю площадку защищала коническая крыша, устланная некогда красивой красной черепицей (Анггар пнул обломок одной, когда направлялся к темному закутку, скрытому под обломками винтовой лестницы).

Гномы расселись под широким карнизом – здесь действительно было сухо. Причем места хватило даже для пони.

– Кто пойдет за дровами? – спросил Дори. – Хотя какие сейчас дрова – сыро, как в ковше для ковки.

– Я пойду, – хмуро вызвался Неудачник и, не дожидаясь ответа, направился к ближайшим деревьям, которые подступали к самим руинам и разве что не росли из плит.

Широкоплечий гном с длинной пепельной бородой и жутким шрамом на щеке гневно сплюнул вслед ушедшему в непогоду товарищу и про себя пожелал ему вообще не возвращаться...

Тем временем молодой Хонир, подыскивая себе сухое место для ночлега, подошел к обветшалой стене, что закрывала их от северного ветра. Он уже начал раскладывать свой

⁷ **Красные Шапки** или **Красные Колпаки** – очень злобные духи, обитающие в руинах башен и крепостей. Их поселения находятся в старых заброшенных подвалах и глубоких темных норах. Видом своим походят на гоблинов, поэтому подчас их причисляют к роду Гаручей. Такое прозвание они получили из-за того, что красят свои колпаки человеческой и гномьей кровью. Считается, что силой с ними не совладать, а поразить их зачарованную кожу могут лишь кинжалы, выточенные из осины, походящие на детские игрушки. Все охотники за сокровищами всегда носят такие кинжалы с собой.

походный мешок, когда его внимание привлекло что-то в неглубокой нише, среди мшистого, потрескавшегося за века камня.

– Смотрите, друзья! – воскликнул гном, откидывая в сторону побег дикого хмеля, который напоз на старинную кладку, словно тяжелая портьера.

В сгущающейся темени уже почти ничего нельзя было разглядеть, поэтому Дори подошел ближе. На стене была выбита надпись, но сохранился лишь небольшой ее остаток:

«...uertu guardi a Imperia in nomine...»

– Это не ронстрадская башня, – сказал предводитель, утрачивая всякий интерес к находке товарища.

– А чья же? – удивился Кили. – Мы ведь находимся в тридцати пяти милях севернее Гортена и...

– Здесь на староимперском написано: первого слова только обрывок... «*охранять для... или за... Империю во имя...*». Больше ничего. Значит, это башня Темной Империи, точнее... гм... то, что от нее осталось. Столько веков прошло...

– Как это они так далеко забрались? – удивился Хонир.

Вместе со старшим братом гном присоединился к отряду уже после выхода из Гортена, в небольшой деревушке Лимерик, где они были кузнецами. Народ Лимерика сильно огорчился, узнав, что Долдур и молодой Хонир Неммеры намерены уйти от них, ведь не каждая деревня Ронстрада могла похвалиться столь искусными мастерами, как Нор-Тегли. Староста даже сулил увеличить плату за изделия и ставить бесплатно по кружке эля в воскресный день, но кузнецы были непреклонны – предложение Дори Рубина оказалось намного заманчивее. Братья давно хотели бросить свое дело: немного чести в том, чтобы корячиться в попытках заработать у людей краюху хлеба. Теперь же появился достойный повод: рыжий охотник за сокровищами заманил их в свой отряд, наобещав множество незабываемых впечатлений, горы золота и в меру опасностей. Братья были умны, находчивы, являлись мастерамиковки и превосходно разбирались в Тайнах Гор.

Неммеры были очень близки, ведь после смерти отца с матерью у братьев никого из родных не осталось. Но Долдур, как старший, не упускал случая приструнить брата или понасмешничать над ним, вот и сейчас он расхохотался:

– Далеко забрались? Откуда же тебе, кроха, знать, что легионы Темного Императора под командованием Таргеноса когда-то имели такую глупость, как пытаться выжечь из этих мятежных земель ересь, и дошли путем, «украшенным» кострами и «железными девами», до самого Тэриона?

– Я знал это, и не зови меня крохой! – вспыхнул младший Неммер.

– Было время, такие башни стояли по всем Срединным равнинам, – будто бы и не заметил братского негодования Долдур, – теперь же от них остались только руины. А ведь когда-то гарнизоны этих крепостей грозили кованым кулаком вампирским лордам, что правили здесь задолго до того, как в Гортене водрузили трон Лилии и Льва. Должен заметить, что все эти башни всегда располагались в четко выверенных стратегически важных местах. Если бы король Лоран догадался отстроить их, то получил бы значительное преимущество в войне... Но мы что, дураки, подсказывать королю?

– Нет, братец, – расхохотались чернобородые близнецы Клыка, – мы не дураки. Дураки – его военные министры.

– Ну, я бы не сказал, что старик Архимаг такой уж дурак... – начал было Хонир, но брат, как обычно, его перебил.

– Не суди, о чем не ведаешь, – отрезал Долдур. – Если бы граф Ильдиар де Нот и Архимаг Элагонский Тиан имели вместе хоть чуточку больше мозгов, чем у пещерной крысы, не

сдали бы в прошлом месяце самый укрепленный город Ронстрада. Город, стены которого строили наши родичи! Стены, которые, прошу заметить, стоят до сих пор, ведь некроманты ничего не смогли сделать с камнем Тегли!

– Ты судишь людей слишком строго, друг Долдур, – пробормотал Дори, пристально вглядываясь в окружающий лес. Он стоял под карнизом, за которым лил дождь, и ничего не мог разобрать среди черных силуэтов мокрых деревьев.

– Ты бы тоже их так судил, Рубин, – проворчал в ответ старший Неммер, усаживаясь на большой неровно обточенный камень, – если бы повкалывал у них кузнецом четыре десятка лет. Хотя что это я? По сравнению с Глойном, у которого ты гнул в подкову спину, все длинноногие могут показаться исключительно светлыми существами с ограниченными душами и золотыми сердцами.

– Возможно, – не стал спорить предводитель, – но куда запропастился наш Лори?

А в это время Лори, насквозь вымокший, бродил по лесу, выискивая сухие сучья и ветки. Конечно же, это было гиблое дело: попадались одни отсыревшие. Ну что за невезение? Вчера не оставлял его ни на минуту и, конечно же, никогда не уходил на покой. Неудачник шлепал по грязи, держась за стволы деревьев, чтобы не упасть, и вспоминал, как тень проклятия привела его в Гортен, где он надеялся найти некроманта. Хе-х. Одних таких мыслей хватило бы, чтобы тайная королевская стража начала собирать дровишки для его судебного костра, но и откровенничать с ними никто ведь не собирался. В попытках открыть истину о собственном невезении Лори растратил всю свою долю от прошедших поисков сокровищ с Дори и Ангаром, расплескав ее до последнего золотого на различных шарлатанов и проходимцев. Он совсем отчаялся, а Вчера начинал злобствовать все сильнее. Некий человек поведал Неудачнику, что Лоргар Багровый, мастер теней Умбрельштада, намерен почтить столицу Ронстрада своим визитом, но... темный маг даже не пожелал говорить с гномом. Доведенный постоянными невзгодами до состояния чернейшего из всех черных уныний, Лори Дарвейг послал весь свой поиск к Бансроту и начал тратить каждый тенрий, что оказывался в его руках, на выпивку в грязном трактире «Три Голубицы», располагавшемся в бедных предместьях столицы Ронстрада. Сперва монетку на полкружки поутру, затем еще две к обеду, ну и на ужин, само собой, парочку. В дешевом вине и мутном разбавленном эле гном топил все свои несчастья, пытаясь забыть о проклятии. Деньги, само собой, постепенно закончились, он стал наниматься к людям на позорные заработки: мыл пол в «Трех Голубицах», вывозил отбросы, даже золотарем был. Вырученных грошей едва хватало, чтобы вливать в себя очередную порцию убийственного пьянящего зелья, и Нор-Тегли уже дошел до такого состояния, что был готов расстаться со своей последней и единственной ценностью – любимым арбалетом. Лори попался на хитроумную ловушку цыгана, попросту обменяв свой уникальный «*Гаринир-Де*» на какие-то две кружки прокисшего эля.

Когда Дори Рубин нашел Дарвейга, Неудачник выглядел не лучшим образом. От него ужасно воняло, нищенское рубище и взлохмаченные волосы сводили на нет весь гордый облик гнома, вызывая лишь презрение и отвращение. Нор-Тегли был весь в синяках и ранах: чтобы не ночевать под открытым небом, он дрался со стражниками, и те, избив бродягу, волокли его в каземат.

Рубин не позволил старому товарищу совершить самый ужасный грех из всех, которые только порицались гномами, привел домой, заставил протрезветь и вымыться, переодел в чистое, для чего не пожалел собственного гардероба. Он поверил в Лори, дал ему еще один шанс и заслужил его вечную благодарность, вернув родовой арбалет. Русобородый полагал, что Дори взял его с собой только из жалости, но это было не так – самый меткий стрелок Хребта Дрикха вряд ли помешал бы в подобного рода предприятии.

И теперь гном-неудачник шагал по дождливому лесу и вскоре с отвращением к самому себе понял, что заблудился. Он не мог выйти на свет костра – костра-то как раз и не было, ведь спутники ждали его с дровами. Кругом уже почти полностью стемнело.

Продрогший Нор-Тегли уже отчаялся найти выход на дорогу, когда за спиной послышался чей-то незнакомый и наглый голос:

– А ну стоять, коротышка!

Гном резко обернулся. Примерно в десяти шагах от него злобно щерились несколько человек. Грязные мокрые одежды, серые лица в черных подтеках. В руках – натянутые луки, у каждого на поясе меч или кинжал. Разбойники. Бандиты с большого тракта... точнее, с большого леса.

Пальцы Лори привычно дернулись к арбалету, когда один разбойник отпустил тетиву. Меткий выстрел пронзил плечо, отбросив гнома назад, но даже с такого расстояния Нор-Тегли не удалось сбить с ног.

– У-у-у-у, – протянул Неудачник. Рану неимоверно жгло, из нее текла кровь, смешиваясь с дождем. Он отступил на шаг, пытаясь пошевелить пальцами, рука слушалась все хуже, быстро немея.

– Вот так удача! – разразился мерзким хохотом главный разбойник. От собратьев его отличал потертый красный плащ, затасканный и грязный. – А мы сидели себе, уплетали ужин в тепле и уюте и помыслить не могли, чтобы отправиться в такую непогоду под открытое небо, да еще в лес! Но кто-то будто нашептал, и видишь, коротышка, как все удачно получилось?!

– Нашептал, говоришь? – скрипнул зубами Лори, резко дернув головой. – Проклятый Вчера...

– Хватит бормотать! Что там у тебя в мешке? – спросил главарь, его подельники шагнули к раненому гному, которому не оставалось ничего другого, кроме как отпрянуть назад. Еще одна стрела предостерегающе свистнула совсем рядом с ним. – Разве ты еще не понял, что тебе никуда не деться?

– П-провались п-пропадом, п-паскуда, – заикаясь от боли, прохрипел Лори. Как он не слышал их? С его-то слухом! Наверное, из-за проклятого дождя. Что ж – сам виноват.

– Швыряй сюда мешок, иначе глазки нанижем на стрелы... – Главарь банды в ожидании протянул руку.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Лори, кривясь от боли. Вода застилала глаза, неприятно стекая по лицу, в то время как разбойники, казалось, привычно чувствовали себя под ливнем. – П-почему бы тебе просто не убить меня на месте, крысеныш, и не вырвать мешок из моих холодных рук?

– Зачем, если за тебя живого можно еще и выкуп получить? – Главарь был весьма болтлив, за что его и прозвали Языкатым Эриком. – Посуди сам: кто откажется купить себе гнома? К примеру, какой-нибудь граф, чтобы швыряться в него объедками и пинать, вымещая злобу, или цирк – ты был бы, к слову, отменным уродцем! А не хочешь ли отправиться в рабские ямы гоблинов, где скрип зубов мытарей звучит громче барабанов надсмотрщиков, а пот (и не всегда свой) – это единственное питье, которое попадает на иссушенные губы? Да, идея с гоблинами мне нравится больше всего... Или нет! Есть вариант еще лучше! Я обменяю тебя ар-ка, у них есть что предложить за столь веселого коротышку! И это еще не весь... ах-рахх... – Главарь в порванном красном плаще наконец умолк. Ни с того ни с сего он вдруг дернулся и упал лицом в грязь, будто кто-то сильно толкнул его сзади. Из спины человека торчал метательный топор с резьбой на рукояти.

– Эрик! – разбойники начали быстро оглядываться в поисках убийцы. Луки с наложенными на тетивы стрелами глядели в лес, но никого не было видно из-за деревьев и высоких зарослей кустарника.

На раненного в плечо Лори уже никто беспечно не обращал внимания, а зря. Замешательство разбойников позволило ему выхватить из чехла на спине арбалет. Левая рука не слушалась, поэтому пришлось действовать одной правой. Гном нажал на неприметную кнопку под спусковым крючком, и в тот же миг с шипением раскрылись четыре рога с двумя туго натянутыми тетивами.

Палец отжал спусковой крючок, тетивы зашлись в движении под воздействием хитрого самовзводного механизма – гному оставалось лишь переводить арбалет из стороны в сторону, целясь во врагов. Четыре болта со свистом всего за несколько мгновений отняли жизнь у четырех разбойников – с хрипами и предсмертными вздохами они присоединились к своему вожаку, упав в грязь.

Лори опустил арбалет – перезарядить его одной рукой он бы не смог. Один из вольных стрелков повернулся к убиравшему его товарищу карлику и натянул лук. В это же мгновение из тьмы вылетел еще один метательный топор. Разбойника отбросило вперед – удар был так силен, что лезвие пробило спину и вышло из груди.

В живых остались лишь двое грабителей. Они испуганно переглянулись и в суеверном ужасе бросились было наутек, но скрыться им так и не удалось. На прогалине появились две коренастые фигуры; в едином замахе что-то метнув, они резко опустили руки. Разрезая капли дождя, вслед разбойникам пронеслись два стальных росчерка. Бандиты рухнули, будто споткнувшись на бегу: из затылков у каждого торчали сильхи – узкие ножи-засапожники с листовидными клинками. Вся банда почилла вечным сном.

Из-за раны в плече по всему телу Лори разливались боль и тягучая слабость. В ушах с силой барабанного боя гремел дождь, руки в изнеможении опали, словно плети, быстро деревенеющие пальцы выпустили арбалет. Гном дотронулся до раны, все тело дернулось – стрела главаря разбойников была смазана каким-то ядом. Возникло чувство, схожее с сильным опьянением. Затуманенным, плывущим взором Лори уловил, как к нему быстро направляются два совершенно одинаковых чернобородых гнома. А может, это у него в глазах уже двоилось из-за раны?

Нор-Тегли подбежали к товарищу, а он без сил рухнул на колени, глубокая лужа раздалась в стороны грязными брызгами.

– Ты как, дружище? – спросил один, приподнимая окровавленного и насквозь промокшего спутника с земли.

– Ты что, ослеп? У него же стрела торчит из плеча, дурья твоя башка! – воскликнул второй.

Лори безмятежно улыбнулся – нет, ему не мерещилось, и в глазах не двоилось. Будто бальзам в уши полилась знакомая ругань двух братьев-близнецов, довольно известных в Ронстраде под прозвищем Близнецы Клыка. Рыжебородый предводитель забеспокоился, что Лори долго нет, и послал их разыскать пропавшего арбалетчика. Рубин хорошо знал о «тревожной неудаче» своего друга.

Братья взвалили Лори на плечи, запихнули упавший в грязь арбалет в чехол у него за спиной и потащили беднягу в лагерь. Раненый гном потерял сознание, и последним проскочившим в его голове желанием было вовсе не очнуться.

* * *

Ангар Дортан сидел и не мог пошевелиться от ужаса. Матушка Лин поставила перед ним глиняную тарелку и положила рядом ложку. Судорожно сжимая в руках большой золотой Ключ, священный символ бога Дрикха, гном больше всего на свете хотел оказаться как можно дальше от этого места. А все начиналось так мирно... впрочем, как обычно. Они с

Дори просто мастера этого дела – попадания в различные неприятности и переделки. Вовлек их во все это, конечно же, не кто иной, как Лори Дарвейг...

Друзья не знали, как спасти его. Никто из спутников Рубина не разбирался в ядах, ни у кого не было лекарства от этой отравы. Лори прямо на глазах становился бледнее, а тени на его широком лице сильно углубились, будто налившись непроглядными мертвенными чернилами. Гномы спорили. Одни предлагали свернуть все предприятие и вернуться в Гортен, другие продолжить путь, но при этом сойти с основного тракта в ста милях севернее на дорогу, ведущую к монастырю Сен-Трени. Монахи, поди, знают, как изгонять заразу – придется, правда, совершить немалый крюк, но жизнь друга важнее потерянного времени. Спор уже грозил перерасти в драку, когда молодой Хонир вдруг призвал всех замолчать (попросту отвесив разбушевавшемуся Ангари затрещину), его чуткие уши уловили какие-то звуки со стороны дороги... Прислушавшись, он смог разобрать ржание лошадей и скрип колес. Гномы вгляделись в ночь и увидели огоньки, медленно ползущие мимо. Так все и началось...

Уже стоял вечер следующего дня, дождь давно прошел. Нор-Тегли ехали по тракту на север, а кругом по-прежнему простирался густой лес. Высокий фургон, самый настоящий дом на колесах, стены которого были свиты из ветвей терновника и обтянуты потрепанной красной тканью, медленно полз вперед, пони охотников за сокровищами следовали за ним.

Пребывающий без сознания Неудачник лежал внутри – гномы всецело доверились врачевательскому дару Матушки Лин, супруги странствующего торговца зельями, который приютил их раненого товарища. Дори Рубин суеился внутри, помогая хозяйке в меру сил: нарезал лекарственные листья, мешал воду, менял повязки. Сам торговец сидел на передке, управляя четырьмя лошадьми в упряжке, и вел беседу с Близнецами Клыка – оказывается, он не раз видел представления их бывшего цирка. Кили и Долдур с Хониром молча ехали в стороне.

Ангар Дортан сгорбился на своем пони, плетущемся в одиночестве следом за фургончиком, и все хмурился – до чего же странное жилище. Кому это пришлось в голову вить эти стены в несколько слоев из колючего терна? Сколько крови натекло, должно быть, с пальцев мастеров из-за острых шипов, пока они строили этот дом на колесах. Алая ткань, будто цирковая драпировка, обтягивала его со всех сторон. Она обветшала, покрылась грязью и пылью, но еще можно было различить полустертые символы, что были на ней начертаны: «*Kinim et livil far de fo...*» – дальше не разглядеть. Непутевый все пытался вспомнить, что это за язык и где он мог слышать подобные слова – а в том, что ему уже приходилось видеть подобное, не могло быть никаких сомнений. Ангар справедливо полагал, что столь благоприятное стечение обстоятельств, свалившееся вдруг на извечного неудачника Лори Дарвейга, слишком странно и подозрительно: их новая знакомая, добрая Матушка Лин, оказывается, хорошо владела искусством врачевания...

Процессия двигалась до самого вечера. Когда на лес опустились сумерки, странствующий торговец зельями зажег фонари, свисающие с крыши. Подул холодный ветер – весна будто проиграла в кости осени один день. Вскоре должны были стать на привал, когда дверца в задней стенке фургончика распахнулась, и на подножке появился Дори. Предводитель охотников за сокровищами выглядел неважно. Бледен, как смерть, с тяжелыми черными мешками под глазами, будто не спал уже вторую седмицу. Ярko-рыжая борода, казалось, поблекла и утратила свой цвет. Гном прислонился к дверному косяку.

– Ангар! – негромко позвал он.

Друг подвел пони ближе.

– Ты чего, Рубин? – покосился на товарища Непутевый. – Ты сейчас похож на какого-нибудь кобальда!

– Я... захворал, кажется, – пробормотал Дори. – Простуду подцепил под бансротовым дождем. Матушка Лин предлагает прилечь... Загляни на огонек, она приглашает тебя к ужину.

– Почему меня? – недоумевал Ангар. – А остальные?

– Не перечь. Отдай повод Кили – пусть ведет твоего пони, и забирайся внутрь.

Дори не сказал больше ни слова и скрылся за дверью. Непутевый не решился испытывать терпение друга и последовал его указу: он подозвал Кили, объяснил ему ситуацию и, спрыгнув на землю, побежал догонять медленно ползущий вперед фургончик.

На стук отворила сама Матушка Лин. Широко улыбнувшись гному, она поскорее впустила его, закрыла за ним дверь и опустила засов.

– Добро пожаловать, дорогой гость, – гостеприимно проговорила она и указала на большой сундук, выполнявший роль сиденья перед столом. – Тебя зовут Ангар, верно?

Хозяйке на вид можно было дать не более тридцати лет. Она была невысокой полноватой веселушкой в серо-голубом небогатом платье и фартуке. Хотя красавицей эта женщина и не являлась, но ее широкое доброе лицо с легкой искренней улыбкой, яркими большими глазами и смешным носом-пуговкой можно было назвать довольно симпатичным. Все в ней располагало к себе: и светлые курчавые локоны, выбивающиеся из-под белого чепца, и розовые щеки, и взгляд. Глядя на нее, гном сразу же почувствовал, как словно бы тонет в доброжелательности и радушии.

– Ангар, верно, – кивнул Непутевый и поспешил занять предложенное место. Усевшись, он начал осматривать комнатенку, в которую попал.

Все здесь напоминало обычный дом: очаг, выложенный камнем, с большим котлом на нем, обеденный стол, вместо стульев – сундуки, у одной из стен располагался высокий шкаф со склянками зелий, упирающийся в потолок. Рядом с ним, прижавшись боком к дверце, словно к теплой печи, сидел большой серый кот. У сундука подле двери Ангар заметил второго, такого же серого домашнего любимца. Тот также сидел боком, только другим, и не шевелился. Оба животных, кажется, мирно дремали, тихонько мурча.

– Их зовут Левый Мор и Правый Фо, – проследила за взглядом гостя хозяйка. – Мы зовем их так, потому что они почти всегда сидят, как сейчас, боком. Дети очень любят Мора и Фо...

Ангар кивнул и продолжил нескромно глазеть по сторонам. У дальней стены притулились кровати: на одной лежал бессознательный Лори Дарвейг, раздетый по пояс, с забинтованными рукой и плечом; на второй (колыбели, по сути) мирно сопели три ребенка, завернутые в пестрое теплое одеяло, – сыновья Матушки Лин. Дори Рубин устало положил голову на подушку третьей.

– Ты посиди с нашей доброй хозяйкой, Ангар, – упавшим голосом попросил рыжий гном. – Развесели ее разговором аль историей... Я же пока... аээхх, – он широко зевнул, – немного посплю...

– Дори, – Ангар поднялся и направился было к другу, но Матушка Лин его остановила.

– Не нужно. Пусть поспит, – заботливо взглянула она на Рубина. – У него простуда. Этот дождь... он всем доставляет неприятности...

– Гномы болеют очень редко, – задумчиво проронил Ангар, глядя на товарища. Выглядел тот действительно не лучшим образом. – Но наши болезни проходят намного серьезнее, чем у людей.

– Отдохни, поешь, дорогой гость. – Хозяйка взяла большую глиняную миску и зачерпнула ложкой в котле.

– Это куропатка? – Нор-Тегли уселся обратно на сундук подле стола, взял в руки деревянную ложку. Перед ним в посудине дымилась пряная похлебка, наружу торчала неболь-

шая кость с белым разваренным мясом. В воздух вместе с горячим паром поднимался приятный аромат.

– Верно, дикая птица, отловленная прошлым днем. – Матушка Лин вернулась к котлу и начала помешивать варево в нем. – Разгуливают разные птицы по тракту. Нужно осторожнее быть, если не хочешь попасть в котел. – Хозяйка весело рассмеялась. Гость поддержал, сам не понимая, отчего хохочет.

– Эх, проглочу сейчас целого быка! Что мне та куропатка!

Ангар, едва не облизываясь от вкусного запаха, вырывающегося из его миски, резво достал из кожаной сумки на поясе сушеный листочек бузины и, согласно своей привычке, отправил его в рот. Непутевый закашлялся... Он вдруг почувствовал, как в висках начала с силой пульсировать кровь, а в глазах потемнело. Гном зажмурился, потер веки... вроде прошло. Он открыл глаза и обомлел. Кругом все изменилось...

В ответах раскачивающегося под навесом фонаря стены казались... нет! не казались! – они действительно были... живыми! Колючий терновник шелестел, его ветви двигались, они шевелились, словно заросли плюща на ветру, словно усеянные шипами щупальца какого-то монстра. Пламя в очаге стало вдруг странно дерганым. Оно начало вздыматься волнами, образуя длинные багровые пальцы, обхватывающие котел, из которого потекла кровь. Она бурлила, кипя и покрываясь пузырями, и переливалась через край, с шипением падая в огонь. А тот словно был рад, вбирая в себя каждую тягучую темно-красную каплю.

Гном глянул прямо перед собой – даже стол перестал быть обычным столом, что стоял здесь до этого. Всю его столешницу покрывали засохшие бурые пятна и рубцы от мясницкого ножа. Кое-где можно было различить следы ногтей – будто кто-то безуспешно сопротивлялся, пытался вцепиться в доски, но его волокли назад, в сторону очага...

Дрикс Великий... Что творится?! Что же здесь творится?! Губы все еще жег приторный вкус сушеной бузины, и Ангар тут же понял, что произошло. Виной всему стал его заветный листок. Впервые в жизни это растение оправдало себя. Оказывается, оно не только распознавало скрытые яды и оберегало от зла, но и открывало истинные обличья этого самого зла.

Опасаясь того, что увидит, Непутевый поднял глаза на свою хозяйку. Матушка Лин преобразилась: длинные курчавые волосы поседели и поредели, походя на клоки свисающей паутины, кожа приобрела серо-пурпурный оттенок, веко левого глаза намертво вросло в кожу лица, и создавалось впечатление, что оно никогда не поднималось, в то время как правый глаз, жуткий и пронзающий, казалось, саму душу, не имел зрачка и был полностью затянут черной поволокой. Нос вытянулся и истончился, напоминая гоблинский. Губ не стало вовсе, зато зубы в постоянно оскаленном овальном рту выступили вперед. Вся фигура Матушки Лин вытянулась, сморщенная кожа обвисла на костях, а руки утратили по три пальца. Те, что остались, удлинились едва ли не втрое и обратились загнутыми шипами.

Ангар нащупал на груди цепочку с золотым Ключом Дрикса: талисман должен был уберечь от сил зла, но сейчас гном не был в нем уверен. Хотелось закричать, позвать друзей на помощь, но во рту пересохло, горло свело судорогой. В углу, на кровати, застонал Дори. Его руки безвольно свесились на пол, на лбу выступили капли пота, а глаза незряче уставились в потолок. Дружище... Лежащий подле рыжебородого предводителя Лори Дарвейг так и не приходил в себя – застыл, обмотанный тряпками, и не шевелился – должно быть, коварное чудовище, заманившее их в столь хитроумную ловушку, уже разобралось с ним. А снаружи, в нескольких ярдах, беспечно ехали их товарищи! Ангар раскусил план монстров – заманивать нежданных спутников в фургончик по одному, а после разделяться с ними и зазывать следующего.

«*Kinim et livil far de fo...*» – что же это значит? Именно в этой фразе скрывалась разгадка того, кто же именно столь гостеприимно приютил Дори и его друзей. Ангар силился вспомнить, но никак не мог. Где же он слышал эти слова? От кого?

Непутевый хотел было выхватить из-под плаща свой короткий меч, что был припрятан в ножнах за спиной, но пальцы изменили ему, отказавшись повиноваться, — и только это, должно быть, его и спасло. Тварь, видимо, не спешила бросаться на свою жертву — судя по всему, монстр так и не понял, что гном смог разглядеть истинный облик его дома и его самого. Матушка Лин продолжала крутиться у очага, напевая при этом:

На Терновых холмах,
Над колючей рекой,
Не горел свет в домах,
Там царил лишь покой...
На Терновых холмах,
У камней, что в крови,
За стеной из плюща,
Ждут печали внутри.
На Терновых холмах
Да с багровых полей
Скрип раздался ребра —
Он все ближе, все злей...

— Почему же ты не ешь, гость дорогой? — обернулась тварь и по-матерински сурово уперла руки в бока. — Аль пахнет невкусно? Аль не голоден? Ты же говорил, что быка проглотить...

— *Ешь, ешь, мертвец. — Уши Ангара слышали также и этот голос, хриплый, полный злобы и нетерпения. — Ешь, а потом и тебя съедят...*

— Я... да, я... — Гном опустил взгляд в свою миску.

Длинные белые черви копошились в мясе, покрытом гниlostной зеленоватой коркой. От еды жутко воняло тленом. Ангара едва не вырвало прямо на стол, когда он опустил ложку в похлебку. Нужно делать вид, нужно притвориться, что все нормально, иначе она не станет ждать ни мгновения... Нужно придумать, как спастись... Нужно знать, как победить тварей — почему-то Непутевый не был уверен, что успеет вонзить в монстра клинок... да и повредит ли ему обычная сталь? Чтобы знать, как бороться с исчадием мрака, нужно понять, что оно собой представляет. Нужно знать его слабости...

— Ешь, дорогой гость, ешь. — Матушка Лин вернулась к хлопотам у очага. Гном увидел, как с краев котла начала стекать тягучая кипящая смола. Хозяйка сняла с нити на пояске склянку с зельем, откупорила ее и вылила все багровое содержимое в посудину. Приправила, ничего не скажешь, человеческой кровью вместо соли или перца. Варено вновь приобрело алый оттенок.

— Ми... милая хозяйюшка, — заикаясь от страха, проговорил Ангар — даже язык не сразу повернулся, чтобы назвать этого монстра «милым», — скажите, а давно вы странствуете в этом... — взгляд задержался на шевелящихся стенах, что угрожающе тянули к нему свои терновые колючки, — гостеприимном доме на колесах?

— Марвит везет свое новое изобретение в Истар. «Зелье согревания Креппинов» будет пользоваться в Городе Без Лета особым почетом. Никто не поскупится отдать за него несколько звонких тенриев...

— *...и кровью приплатит. — Истинный голос вырывался из пасти. — Третью зиму нам нет пути назад. Дом на терновых холмах все ждет не дождется. А призраки там, бедные, голодают в подземелье, и некому их накормить...*

Полумертвый от ужаса Ангар понял, что этот монстр вовсе не обитатель знакомых ему просторов. Матушка Лин — ужасный пришелец из чужих краев, скрытых от глаз людей

и гномов древним колдовством. Она явилась на эти земли, чтобы найти себе пропитание, а Ронстрад для нее – не более чем обильно накрытый стол, лишь блюда отличаются разговорчивостью, ходят и дышат... до поры до времени. Бабушка когда-то рассказывала своему непутевому внуку обо всех жителях Терновых холмов, но кто же именно перед ним сейчас? Как это выяснить? Там обитают сотни народов, тысячи племен. «Кто же ты, Матушка Лин?»

– А когда домой собираетесь?

– Когда весь товар изойдет...

– ...*Кровью, – прожужжал голос. – Кровью же мы наполним опустевшие склянки. Когда Время Ветров и Дождей развернет над головой свои тучи, а листья багрянцем падут нам под ноги, тогда раскроется зев тайного пути, тогда мы вступим на тайные тропы. Но замок висит над ним, сейчас не пройти...*

За спиной хозяйки фургончика раздалось негромкое ворчание. Она обернулась, гном проследил за ее взглядом. Под большим одеялом в широкой колыбели началось шевеление. Это походило на клубок змей, ворочающийся в постели и исходящий беспокойным шипением. Над краем одеяла показались три головы. Это совершенно точно были дети, но таких ужасных младенцев, Анггар мог поклясться, он не встречал даже у гоблинов. На их глазах не было век, а на вытянутых головах – волос. Серо-пурпурная кожа была сморщена и покрыта пятнами. Вместо пальцев у них были какие-то гниющие бесформенные стручья. Клыки от нетерпения грызли край лоскутного одеяла, кровавая слюна стекала на ткань.

– Скоро и обед, мои любимые, – счастливо проворковала Матушка Лин.

– *Коротышка – сочный, коротышка – вкусный... – рычало чудовище.*

– Ууу, – *ответили в один голос все три исчадия, – ууу... вкусный, сочный...*

И тут вдруг совсем по-человечески расхохотался один кот, а ему не замедлил подыграть второй. Анггар решил было, что с него хватит, еще миг – и он потеряет сознание от ужаса. Но то, что случилось дальше, пересилило все, что было до этого. Одно из животных, застывшее подле шкафа с зельями, дернулось и сошло со своего места. Оно повернулось к Анггару и широко открыло пасть, зевая. Непутевый неслышно заскулил, он крепко сжал одну руку в другой, чтобы не выдать дрожи. Тут действительно было чему испугаться. Не домашний зверек, но жуткий урод, покачиваясь, шагнул вперед. У этого монстра не было половины тела! Словно разрубленное острым мечом от головы и до хвоста, оно имело лишь полголовы, две лапы, переднюю и заднюю. Можно было увидеть обнаженные внутренности, стекающие с них на пол кровь и гной, белеющую кость хребта. Теперь для гнома стал ясен весь смысл этого странного имени: Правый Мор. Навстречу собрату заковылял столь же располовиненный Левый Фо. Анггар не мог понять, как это возможно, чтобы кто-то ходил на двух продольных лапах, но тут же ухватил себя на мысли, что любое животное давно бы уже умерло, подобное вообще не могло происходить! Колдовство, не иначе...

Две половинки одного кота сошлись перед столом Непутевого и с мерзким хлюпаньем соединились. Рана затянулась, кровавый шов за мгновение исчез, порос шерстью – гному предстал самый обычный из всех возможных котов.

Зверь в упор уставился своим немигающим взглядом на Анггара, будто требуя подать гнома жареным прямо здесь и сейчас и сильно недоумевая, отчего тот еще не шкварчит на сковороде.

Дети начали верещать:

– *Иди к нам, котик! Мы тебя приласкаем! Мы тебя погладим! Морфо-Морфо-Морфо-Морфо, иди к нам! Морфо-Морфо-Морфо-Морфо!* – скороговоркой звали маленькие твари кота. Судя по всему, обычной речи они пока еще не знали, говоря лишь на своем языке.

Кот даже не повернул головы, но пораженный гном тут же выронил из руки свою деревянную ложку. Его будто стукнули чем-то тяжелым по голове, отчего все мысли вмиг прояснились. Он понял. *Морфо-Морфо-Мор...* Вовсе не «Морфо» звали кота... Правый Мор и

Левый Фо... Левый Фо и Правый Мор... Некоторые из гортенских горожан называли своих домашних любимцев, точно людей, – вспомнить хотя бы давнишнего кота Мэри Славного Паренька. Или любимую пещерную крысу гоблинского короля, на которую Ангар, не заметив, сел и раздавил, чем вызвал жуткий гнев первого из Гаручей. Помнится, именно из-за этого их с Дори и Лори бросили в темницу... Ту крысу звали Гоччи, что означает «маленький гoblin». Почему здесь не может быть так же? Почему твари с Терновых холмов не могли назвать своего любимца так, как назывались сами?! Гном догадался, кем именно являются его гостеприимные хозяева, и теперь он мог закончить полустертую надпись-предостережение на стене фургончика.

Хоть открывшаяся истина и казалась ужасной, в сердце гнома зародилась надежда. Рука Ангара потянулась к небольшому мешочку на поясе.

– Знаете, моя добрая хозяйюшка, у меня есть для вас одна история. – Непутевый весь подобрался от напряжения.

– История – это хорошо... – быстро закивала Матушка Лин.

– *Мерзкий бородатый выродец... Интересно, как будешь травить свои байки, когда я возьму свой нож и отрежу тебе твой поганый язык.*

– У меня была бабушка, – сделал вид, что не услышал очередной угрозы, Ангар. – Родители умерли, и она меня воспитала. Мы жили в оплоте Арханг-Дир, главном городе клана Грон-Карраг, что значит «Кряжистый Дуб». Моя бабушка была почитателем старых традиций, еще тех, что заповедовали носить вместе с Ключом Дрикха еще и Зеркало Цепи и Рубиновый Гребень. – Тварь обернулась к гному, не понимая, к чему тот клонит. – Бабушка верила в различные приметы, никогда не забывала убереечь себя от всевозможных мифических напастей, вплоть до того, что выстилала солью дорожку вдоль всех стен, чтобы никакое зло не проникло внутрь. Она и меня пыталась приучить к подобному, но я, увы, никогда не отличался способностью слушать старших и должно внимать их речам и наставлениям. Единственное, что я привык делать из того, чему учила бабушка, так это съедать перед едой листочек бузины... Вы ведь знаете, что это значит, милая, милая Матушка Лин? – Гном незаметно растянул завязки на мешочке. – *«Kinim et livil far de fomor!»*

– Ты... ты видишь меня? – округлила свой единственный черный глаз женщина. – Нет! Этого не может...

Ее недоумение было понятным – сколько сил и чар стоила ей эта маскировка. Уже полтора века она путешествует по дорогам людей, прикрываясь колдовской личиной, еще с тех пор, как очутилась в ловушке. Выходец с тайных волшебных троп, она имела глупость слишком далеко отойти от родных холмов, вот и поплатилась – проход для нее закрылся навеки.

– *Ты видишь меня? – рычал монстр, который никогда и ни за что не мог считаться человеком. – Ты знаешь, кто я?*

– Знаю, – криво усмехнулся Непутевый и резко вскинул руку. В огонь полетела горсть мелких опилок. Очаг весь затянуло алым дымом. В воздухе повисло громкое шипение. – И знаю, как с вами бороться, нечисть.

Матушка Лин застыла в странной и зловещей позе: она нависла над Ангаром, будто туча. Ее длинные тонкие руки, походящие на шипы и оканчивающиеся двумя крючковатыми пальцами, уже тянулись к его горлу, а оскаленная пасть, из которой воняло трупным смрадом и гнилью, оказалась подле самого лица гнома. Монстр не шевелился, и глаз его, казалось, утратил жизнь, померк и затянулся пленкой, приглушив свою голодную ярость.

Гном вырвал из чехла за спиной припрятанный меч. Тайное оружие пришлось, как всегда, к месту.

– Знаешь, тварь, Дори всегда смеялся над моей излишней суеверностью. – Клинок свистнул, уродливая голова отделилась от шеи и, упав на пол, закатилась под стол, туда,

где в воздухе прямо в прыжке повис неподвижный кот. Труп в сером полуистлевшем платье распростерся у ног гнома. – Только почему-то моя суеверность уже в который раз спасает ему жизнь.

Опилки рябины, призванные защищать от сил зла, превосходно справились, лишив движения этих чудовищ. Меч из чистого железа, оружие против различной потусторонней мерзости, завершил дело.

– Я узнал ваш знак, – сплюнул на тело обезглавленного монстра Ангар. – Только не смог сразу вспомнить его значение. Фоморы, будь вы неладны... И как сошли-то со своих волшебных троп?

Три маленькие головы упали на одеяло. Тела детенышей фоморов начали погружаться в лужу собственной пурпурной и тягучей, как смола, крови. Гном шагнул к коту...

– И как это у тебя получилось? – хмыкнул чернобородый Нор-Тегли.

– Да шут его знает, – весело отозвался его брат-близнец, такой же бородатый тип. – Висит она, значит, на барабане, а я кидаю в нее ножи и топоры. Она не пикнет – я в тот вечер перебрал малость медовухи, от меня на милую разит, ноги путаются, в голове, как обычно, словом...

– Да видел я все, – оборвал разбахвалившегося гнома брат. – Хорошо тут распинаться! Лили смеялась на весь цирк. Ты три раза споткнулся, прежде чем вышел к черте!

– Неправда это, мастер Креппин, я просто собирал с земли золото, что швыряли мне благодарные зрители! – оправдывался бывший цирковой метатель. Торговец зельями снисходительно усмехнулся. От брата-гнома Голари отличал только изогнутый шрам, проходящий через низкий лоб. Он всем рассказывал, что некогда схватился с троллем, но все знали, что, однажды перебрав, низкорослый циркач полез доказывать Бородатой Берте странную вещь: мол, борода – сугубо гномий атрибут, а значит, в ней есть добрая толика гномьей крови. Толстушка так отделала задиру, что он неделю пролежал после этого в постели.

– Как же, как же, – вставил более серьезный Конари. – Золото он собирал...

– Так вот, висит она кверху ногами, а этот пройдоха барабан начинает раскручивать... Я уже и не вижу ее, только расплывающийся контур, а в руке – ножи...

История не сказать чтобы была очень занятной, но сидящий на козлах фургончика мастер Креппин, странствующий торговец зельями «по патенту из самого Элагона», слушал внимательно и посмеивался себе в усы над вечными перепалками братьев. Их бывшая цирковая жизнь просто пестрела различными развеселыми случаями и смешными происшествиями. Голари и Конари вели своих пони подле него с самого начала их общего пути, пытаясь доказать человеку, что именно они, и никто иной, являются душой их гномьей компании. Интересно, что бы сказал на это дело Ангар, но он что-то уже давно не выглядывал из домика...

Марвит Креппин нахмурился...

Кони лениво перебирали копытами, медленно таща фургончик по тракту. Колеса скрипели, словно от натуги, ткань, которой были обтянуты стены передвижного дома, с шорохом подергивалась на ветру. Фонари на крыше и над сиденьем возницы вырывали из тьмы небольшой участок леса кругом. Казалось очень странным, что к вечеру всевозможные насекомые не слетались к свету – должно быть, они чего-то боялись. Дорога змеей петляла впереди, стало заметно холоднее. Весна весной, но сидящий на козлах человек закутался в плащ и натянул на голову капюшон – они приближались к границе Истара, всем известного Города Без Лета. Северное герцогство встречало путников голыми деревьями, промозглым ветром и редкой моросью, что более походила на снег. Погода была не властна над полуночным доменом, а оттепель даже не пыталась предъявлять свои права суровой тамошней зиме. Снег и лед уже в каких-то тридцати милях впереди являлись безраздельными властителями, подчинив себе все окружающие земли.

Марвит Креппин бросил взгляд через плечо, на неприметную низенькую дверцу за спиной. Что-то долго... Вскоре начнутся земли Истарского герцогства, но он точно не планировал вести свой дом на колесах в Град Рейнгвальда, место, полное охотников... еще кто-нибудь из тамошних обитателей раскроет их секрет, а это совсем не нужно. Гореть на костре в его планы пока что не входило.

Прошло уже довольно много времени с того момента, как второй гном попался в ловушку, почему же она до сих пор не стучит? Что-то пошло не так.

— ...а я говорю тебе, что ты заступил за черту, мошенник! — на весь тракт рычал Конари.

— Да как ты смеешь, пройдоха? Я стоял в футе от нее!

— Даже заступи ты на два ярда, все равно промазал бы, стеклянный глаз!

— Это я-то стеклянный глаз? Ах ты ж, деревянная ручонка, дрянная собачонка и хвост белого крысенка!

Мастер Креппин попытался было вмешаться: «Господа, прошу вас, не ссорьтесь...» — куда там! Гномов было не остановить. Все их обычные разговоры непременно перерастали сперва в горячий спор, а уж потом, как ведется, и в хорошую драку. Их, казалось, сейчас и молния не расцепит, они вовсе не замечали своего собеседника, чем тот не замедлил воспользоваться.

Неприметным движением человек развязал бечевку на большом мешке, что был припрятан у его ног. Покосившись на забывших обо всем на свете спорщиков, Креппин открыл дверцу за спиной и нырнул в фургончик. Его место на козлах, будто шут, выпрыгнувший из коробочки, тут же заняла появившаяся из мешка высокая фигура. Человек, что сидел ныне на козлах вместо мнимого продавца зелий, походил на него как две капли воды. Точно такой же плащ, так же ссутулен. Гномы не заметили подмены, продолжая переругиваться и обмениваться затрещинами, даже не слезая со своих пони. Идеальный двойник, словно деревянная кукла на шарнирах, короткими дергаными движениями поднял руку и натянул капюшон на голову, скрывая свое жуткое, сшитое из лоскутов кожи лицо. Уродливые шрамы, перехваченные толстой нитью, исчезли в тени, руки в перчатках взяли вожжи — мастер Креппин был искусным алхимиком, и сотворить подобного гомункулуса ему не составило большого труда. Выращенный в колбе искусственный человек являлся в некоем роде тенью ловкача-колдуна...

Ангар Дортан висел в воздухе и задыхался. Колючие ветки терновника душили его. Острые шипы впивались в кожу: шея, грудь и плечи были залиты кровью.

Алхимик появился неожиданно. Гном уже вытирал свой меч об одежду убитой фоморки, после расправы над гнусным котом, пытаясь очистить клинок от липкой пурпурной крови, когда из-за неприметной дверцы между кроватями внутрь просунулась высокая фигура в плаще.

Хозяин фургона сразу же понял, что произошло. Убийца его семьи даже не успел поднять оружие, когда в одну стену уже летела брошенная алхимиком склянка с зельем. Стекло маленькой бутылки разбилось, жидкость окатила дерево. В тот же миг несколько шевелящихся прутьев терновника резко дернулись, выплелись из стены и устремились к гному. Живые ветви перетянули горло Нор-Тегли и его плечи, с силой дернув Непутевого кверху и подняв его в воздух. Шипы впились в тело... Алхимик подошел почти вплотную к своему пленнику, совершая руками извилистые пассы, будто бы сплетая что-то. Колючие лозы начали крепче сжиматься...

Ангар бился и хрипел, из его глаз текли от боли и бессилия слезы, а на судорожно искривленных губах выступила пена. Должно быть, когда тебя душит колючая лоза терновника — это наихудшая примета. «Ну вот и конец. Вот я и допрыгался, бабушка...»

Вдруг послышался короткий хлопок, и в следующий миг пришла очередь захрипеть колдуну. В первую секунду он сунул руку за спину, пытаясь вытащить из-под лопатки то,

что туда вонзилось, но хлопок повторился, раздался еще один и еще, алхимик дернулся всем телом, захрипел и свалился ничком. Весь его плащ был в крови, а из спины торчали четыре арбалетных болта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.